

№1

Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ
с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
АЗЕРБАЙДЖАНА

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Сабир РУСТАМХАНЛЫ. Последнее слово академика. <i>Роман</i>	3
Рамиз МОВСУМ. Грустная история трех братьев	103
Афсана АСИМАН. Друг. Новогоднее желание. <i>Сказки</i>	110

ПОЭЗИЯ

Вадим ГАЛЬПЕРИН. <i>Стихи</i>	93
Сергей ЖАДАН. <i>Стихи</i>	108

ПУБЛИЦИСТИКА

Махир ГАМЗАЕВ. Баку-Вильнюс: судьбоносные январские события на пути свободы	87
Вадим ГАЛЬПЕРИН. Воспоминания из прошлого с послесловием	95
Низами МАМЕДОВ. Единство и многообразие тюркской культуры	98
Имруз ЭФЕНДИЕВА. Слово о сокровенном друге	105

2024

Главный редактор	– Солмаз ИБРАГИМОВА
Ответственный секретарь	– Эльдар ШАРИФОВ – СЕЙШЕЛЬСКИЙ
Отдел поэзии	– Алина ТАЛЫБОВА
Отдел подписки и рекламы	– Джамиля ШАРИФОВА
Литсотрудники	– Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА, Ниджат МАМЕДОВ https://soundcloud.com/nijat-mamedov-489264474 https://www.youtube.com/channel/UCoPQ9ounuR9X3KgCh0JdFYg
Корректор	– Анна КУЗЁМКИНА
Редакционная коллегия:	Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Динара КАРАКМАЗЛИ, Тофик МЕЛИКЛИ, Эльчин ШЫХЛЫ
Литконсультант	– Натиг РАСУЛЗАДЕ

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Сдано в печать 15.12. 2023 г.
Бумага офсетная. Формат 70х100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»НКРТ ММС
Тел.: 497 – 36 – 23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

***Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы
редакция вносит необходимую правку.***

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»НКРТ ММС

© «Литературный Азербайджан», 2024г.

САБИР РУСТАМХАНЛЫ

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО АКАДЕМИКА

Роман

Вместо вступления, или Сон Мурада

В тот день родильные дома по всему миру лихорадило, как в горячке. Врачи были поражены: новорожденные появлялись на свет совершенно беззвучно. Младенцы, девять месяцев кряду ожидаемые матерями с болезненным нетерпением, родившись, не желали поприветствовать их криком. Акушерки трясли детей за пятки, шлепали их, пытаясь пробудить ото сна первой в жизни болью; пусть орут, что есть мочи, чтобы раскрылись легкие... Но младенцы, будто истосковавшись по воздуху, в первый же миг делали глубокий вздох, совсем, как взрослые, и озирались вокруг ясным и чуть озабоченным взглядом, будто искали что-то. А у некоторых из них был и вовсе откровенно сердитый вид, словно они от всего сердца гневались на тех, кто нарушил их покой.

Одним словом, никто из рожденных в тот день детей не издал ни звука, все они рождались немymi. И не только в роддомах, но и в далеких глубинках, где и в помине не было врачей, младенцы появлялись на свет в такой ужасающей тишине. Будто сговорились, что не позволят людям этого мира услышать себя; будто еще в утробе матери дали слово ни с кем здесь словом не обмолвиться и покидали материнское чрево заранее обиженными на весь людской род. Равнодушные и безразличные отчетливо читались на их лицах... Будто они дразнили людей своим молчанием.

Несколько дней спустя на смену этой немоте пришло нечто еще более кошмарное. Все младенцы одновременно отказались от материнского молока, и стоило груди матери, жаждущей накормить свое дитя, коснуться их рта, они с отвращением кривили губы, отворачивались и отталкивали ее своими крохотными ручонками... Вместо этого они охотно сосали резиновые соски. А в один из дней у них внезапно прорезался голос, но не обычный детский, а... Прислушавшись к этому странному смешанному хору, можно было услышать в нем птичьи трели, мычание коров, овечьё блеянье, хрюканье свиней... Как будто в одном месте собрали не человеческих отпрысков, а детенышей всех живых существ. И когда много месяцев спустя эти дети начали говорить, первые их слова звучали на разных языках. Дети, рожденные от матерей одной национальности, говорили на разных или вовсе непонятных наречиях.

«...Забулдыга, пьющий дни напролет, а ночи порой проводящий на скамейке в парке, идет по одной из главных улиц города, припадая то к одному, то к другому дереву, и что-то напевает себе под нос.

В тот день произошло кое-что странное.

Посмотрев прямо в глаза полицейскому, намеревавшемуся отвести его в вытрезвитель, пьяница выкрикнул: «Отстань от меня!» Потом опять уронил голову на грудь и хриплым голосом тихо добавил: «А если не отстанешь, я пожалуюсь сыновьям».

«И кто ж такие твои сыновья?» – спросил с издевкой полицейский, а пьянчуга вновь поднял голову, заглянул ему в глаза и сказал: «Откуда ж вам знать, что большинство из тех, кто сидит наверху, – моя плоть и кровь».

В общем, был он совсем дурной. Никто не понимал того, что он говорит, и проходил мимо...

Ведь в этом городе никто не ведал, что существует такая штука, как банк спермы, и что пропойца этот был донором».

(Из последнего сочинения Академика)

«В 1997 году на очередном собрании Армянской католической церкви в Ватикане Католикос Патриарх Ованес Бедрос XVIII попросил Римского Папу принять его.

Разговор начался с поздравления Папы:

– С Божьего благословения собрание ваше состоялось. Наконец, вы приняли устав армянской католической церкви. У вас не осталось никаких расхождений во мнениях с Римской церковью. Поздравляю. Как и всегда, армянские католики и впредь будут под вниманием Ватикана.

Бедрос представляет, как будут раздосадованы в Эчмиадзине, прознав про эту встречу, и это воодушевляет его говорить от лица всех армян:

– Мы оправдаем высокое доверие Ватикана и лично ваше. Как вам известно, Григорианская ортодоксальная церковь годами мешала нам сблизиться с Ватиканом. Попытки этого сближения воспринимались в штыки и жестоко наказывались. К счастью, этот ужас остался позади. Мы значительно укрепили наши позиции за рубежом, и теперь дело за тем, чтобы усилиться в самой Армении. И если вы поддержите нас в Карабахском вопросе, это повысит уважение и влияние армянских католиков в мире.

И хоть Папа слушал, низко опустив голову, от него не укрылись хитрые гримасы, мелькавшие на лице Бедроса.

– Дорогой мой брат Бедрос! Мы внимательно следим за ситуацией в Нагорном Карабахе. Я молю Господа, чтобы туда как можно скорее пришли мир и покой. Помоему, вы должны быть довольны работой Минской группы. То, что они тянут время и не высказывают единого мнения, является частью нашего плана. Мы хотим видеть 3-е тысячелетие Христианской эрой. А для этого все христианские государства должны быть сильны.

– В том числе Армения и Нагорный Карабах! – вставил Бедрос.

Папа пропустил это мимо ушей и продолжал:

– Наши методы работы и способы коммуникации с миром формировались веками и изменению не подлежат. Диалоги во всех сферах предлагаются для того, чтобы споры между культурами и концессиями, Востоком и Западом, Севером и Югом не переросли в войну. Но эти диалоги или призывы к мультикультурализму, демонстрируя наше превосходство, должны тем самым способствовать распространению нашей религии. Это самый цивилизный путь спасения Европы и христианства! Сотни лет мы сеяли в исламских землях свои семена, поливая их мусульманской кровью; и вот теперь эти семена дают всходы. Когда Ближний Восток и исламские страны окутает огнем гражданских войн, религиозной вражды и братоубийства, ваши мелкие проблемы разрешатся сами собой.

Бедрос хоть и остался доволен его словами, но все же желал добиться большего.

– Но там есть еще и Турция. Равенство между нацменьшинствами всегда усиливало ее и уберегало от внутренних распрей. Если б Ватикан признал геноцид армян 1915 года, это стало бы посланием христианскому миру и оправдало бы желание карабахских армян отделиться от Азербайджана.

Папа Римский знал, чего тот хочет:

– Это не так уж просто, уважаемый Патриарх. Надо очень постараться, чтобы пробить через наш совет подобное решение. Но не беспокойся, признание нами геноцида развяжет руки христианским странам. До того времени наши старания дадут результаты. И сделаем мы это не ради Армянской ортодоксальной церкви, а ради вас.

Бедрос:

– Благослови вас Бог. Этим вы очень поможете нам в Карабахском вопросе.

Папа:

– И не только этим! Свою борьбу за сохранение и распространение мирового христианства мы сегодня ведем не с помощью оружия, а призывами к демократии, диалогам, глобализации, интеграции, общему рынку и мультикультурализму. Мы научим мир говорить на нашем языке».

(Из последнего сочинения Академика)

Часть первая

Красный поезд

...Автор множества произведений, посвященных стародавним временам, внезапно понял, что утратил всякий интерес к прошлому. Можно сколько угодно исследовать славные страницы истории, сколько угодно писать о героизме предков, но перед глазами продолжает стоять трагический финал – обездоленный народ, потерявший родную землю и все еще находящийся под прицелом. Этих бедных людей все никак не оставят в покое. За что им мстят? Каждые 20-25 лет избранных его представителей уводили, расстреливали, ссылали, оставляя народ растерянными сиротами. Тех, кто уцелел, поглотили войны и революции. Почему же утаиваются эти трагедии; столько времени прошло, так пусть хоть бы не забылась судьба зверски убитых в 1920 году во время оккупации Азербайджана Красной армией и жертв репрессий 1937 года. Но никто не вспоминает эти ужасы. Почему? Москва не позволяет! А может, во всем виноваты наши собственные чиновники; есть такие тайны, раскрывать которые им не выгодно.

И хотя эти мысли не давали ему покоя, он все никак не мог решить, с какого года, какого эпизода начать свое новое произведение.

Академиков в стране было много. Но почему-то при упоминании этого звания первым делом на ум приходил именно он, и все свои статьи он печатал под этим именем: «Академик Зияд Шихлы».

Начало работы над новой книгой для него было сродни подготовке к далекому путешествию, отнимающей много дней. Зачастую, после того, как книга была закончена, те первые строки и страницы оказывались ему даже и не нужны. Он рвал их и выбрасывал. Но если б не эти разорванные страницы, не открылась бы дверь в основную текст. И вот теперь он начал свое новое сочинение с такого вступления:

«Красный поезд».

Перепутаны следы, перепутаны пути... Чем прокладывать новые дороги, не проще ли обновить старые? Дороги изгибаются меж горами, но время бежит по прямой. И под каждой новой дорогой лежит старая. И вдруг ты видишь, что следы ног, прошедших здесь много тысяч лет назад, и сегодня накладываются друг на друга, будто написанные под копирку; сменились ноги и обувь, взамен караванным путям пришли автотрассы и рельсы, но место назначения осталось прежним. И люди, идущие по этим дорогам, и мысли, которые они с собою несут, лишь на первый взгляд кажутся новыми, однако ж, сменив внешний облик, они сохранили все те же древние заботы.

Но этот поезд совсем иной...

Его называли Красным поездом, а если проще – «поезд депортации». Но когда-то он был окрашен и в иные цвета – белый, черный, серый, желтый. Раз в пятьдесят или сто лет, а точнее – во время смены политических эпох, – поезд этот, точно змей, сбрасывал кожу и менял расцветку. Но трудно разглядеть то, что у него внутри. Поэтому что внутренностей у Красного поезда не было. Он был похож на опустевший колхозный хлев.

В обычное время никто им не интересовался. Но как только начиналась очередная дорога, он наполнялся людьми. И хоть был он предназначен для перевозки скота, издавна возил только людей. Их запикивали сюда кое-как, словно вещи, словно траву, мешки с зерном, стада овец или табуны лошадей... И никого не волновало, уместится ли в вагонах столько народа. Главное, чтоб удалось закрыть дверь, вот и все. Умершие в пути освободят место для других...

Все знали, куда везут всех этих людей железные змеи, но никто не знал, почему они их туда везут.

Нынешние поезда были красного цвета. И, кажется, временем управляли те же, кто управлял этими поездами. Пассажиры не видят их, не знают, им ведомо только одно – если поезд едет, значит, кто-то его ведет...

Едет, едет Красный поезд, проходит по тюркским краям... Ахыска, Азербайджан, Крым, Южный Кавказ, Туркестан... Будто бы этот поезд, по приказу земных богов, был построен специально для тюрков. Его можно было бы назвать Поездом Смерти, но звали его почему-то Красным Поездом. Возможно, потому, что слово «красный» больше подходило к этому безвозвратному потоку людей; ведь здесь стирались личности и прожитые судьбы, забывалось право прожить данную Богом жизнь так, как им хочется, и оставалась лишь красная кровь, кровь, текущая в их жилах и связывающая их с этим миром, а когда и она струями вытечет из них, впитавшись в чужую землю, все закончится... Быть может, слово «красный» означало смерть, а если есть что-то страшнее смерти, то именно это оно и означало – неутрачиваемая ненависть, бесконечная война.

Лишь разоренные деревни, разрушенные города, развалины человеческих жизней оставлял за собой Красный поезд, ползя вперед, как гигантский удав, заглатывающий все, что встретит на своем пути, и переваривающий проглоченное на ходу.

Самые роскошные дворцы и прекрасные города превращаются в руины, в трупы, как только их покинет человеческое дыхание. Ведь из него исчезает всё... крики, шум, колыбельные, хвалы, проклятия, плач, смех, молитвы, причитания... всё. Когда человеческие голоса сменяются голосами ветра и дождя, время замирает, все сходит на нет, природа ожесточается, поднимают голову дикие инстинкты стихии; и кажется, будто людей не уволокли отсюда силой, а они просто превратились в деревья, камни, птиц и животных и в один прекрасный день каким-то чудом примут прежний облик.

Главный пассажир этого поезда – человек, и голоса людей, оторванных от своих корней, разносились по ходу этого поезда с Запада на Восток. На прямых дорогах этот поезд походил и на огромную флейту с десятками дырочек, и флейта эта играла самую длинную и горькую мелодию смерти, какую никогда прежде не слышало человечество... »

На этом моменте он глубоко вздохнул и встал из-за стола, не зная, что писать дальше. После такого вступления надо было тщательно обдумать тему и ее важность. Сколько бы дней ни прошло, какие бы дела ни увлекли его, и как бы далеко он ни оказался от письменного стола, эти заметки вновь возвратят его в сегодняшнее настроение. И, зная, что жена находится на кухне, он, все равно, позвал ее привычным вопросом: «Ханым, ты где? Налей-ка чаю, я на работу опаздываю!»

Из кухни раздался ответ:

– Иди сюда, милый! Все готово, и чай, и яичница...

Нищие наследники великих отцов

Будто пожелтевший лист или увядший цветок, занесенный в окно осенним ветром, стояла она, подрагивая, посреди комнаты. Много лет она склоняла голову в позе просителя, вымаливая что-то у других, и от этого тело ее со временем сгорбилось. А может, она согнулась под тяжестью груза, давившего на плечи?

Трудно определить возраст таких хрупких худеньких женщин; кто-то дает им 30 лет, кто-то – 45. Лишь тонкие морщинки в уголках глаз выдавали, что она уже немолода, и над головой ее уж веют осенние ветра, а простенькое ситцевое платье говорило о равнодушии к нарядам.

Войдя в комнату незаметно, словно призрак, она стояла, дрожа, будто повиснув в воздухе.

В огромных ее глазах, не утративших детской чистоты и блеска, давно свила гнездо печаль; понять это было несложно.

Встав из-за стола, втиснутого в угол его маленького кабинета, академик Зияд Шихлы подошел к женщине, протянул руку для приветствия и, придвинув табурет, предложил сесть:

– Присаживайся, Сара ханым! Я хорошо тебя знаю. Отец твой был настоящим мужчиной. Теперь таких мало.

Глаза Сары наполнились слезами; она не ожидала столь теплого приема. Она долго сомневалась, прежде чем открыть эту дверь, испытывая страх и робость перед академиком. Боялась «Золотой Звезды» у него на груди, неизжитых офицерских прищечек, высокого роста, силы и некоторой неотесанности. Боялась натолкнуться на его резкость. Ходило много слухов о его непреклонности, принципиальности и неожиданных реакциях в вопросах, касающихся науки, истории и общих дел академии.

Хотя на самом-то деле Сара ханым боялась не только его, но вообще всех людей. Избегала смотреть им в лица, разговаривать, просить о чем-то. Ужас, поселившийся в ее сердце в тот момент, когда она в одночасье потеряла прославленного отца и из дочери всенародного любимца превратилась в дочь врага народа, – этот ужас не могли рассеять никакая поддержка, никакая забота. Ей казалось, что каждый может стереть ее в порошок и, если б могла, жила б невидимкой, тенью, незримой для чужих глаз... Так она и ходила по городу, выбирая безлюдные улицы, передвигаясь чуть ли не на цыпочках, почти порхая, словно бабочка, словно не хотела отягощать своим весом землю. За всю жизнь она и мухи не обидела.

Страх этот легко читался на ее лице. Казалось, что каждое произнесенное слово она пыталась поймать в воздухе, забрать обратно, пока оно не достигло ушей собеседника. «Шаг вперед, шаг назад...» Так говорят о неуверенной шатающейся походке. А у Сары была такая неуверенная речь – слово вперед, слово назад... Будто каждая фраза могла обернуться смерчем и утащить ее вслед за собой. Возможно, поэтому она всегда так внимательно оглядывалась по сторонам: чтобы ничего не пропустить, все заметить и, если что, моментально сжаться в комок.

Однако то, что академик обращался с ней, как с близким человеком, приободрило ее. Пусть и робко, но она все же высказала то, с чем пришла сюда:

– Я живу плохо, очень плохо. Зарабатываю копейки, никто бы на них не выжил, но я справляюсь, лишь бы меня не трогали.

– Кто же тебя трогает?

– Говорят, что я «попадаю под сокращение».

Встав с места, Зияд бей подошел к окну. Взгляд его невольно упал на памятник Джавиду, видневшийся из-за крон деревьев.

Этот памятник, эта женщина... Какая между ними связь? Почему, выслушав Сару, он стал искать глазами этот памятник? Он описывает давние истории, но еще одна история находится там, на противоположной стороне улицы, заключенная в

этот символ несгибаемого мужества и самоотверженности, символ душевной боли народа, воплотившейся в камне. И почему-то, не дослушав Сару, а точнее, уже поняв, зачем она пришла, но, не углубляясь в эту тему, он спросил:

– Ты встречала Сону ханым?

– Какую Сону ханым?

– Сона Тагиева, дочь Гаджи Зейналабдина...

– Конечно, – торопливо ответила Сара.

– Дочь человека, кормившего тысячи семей, осталась на улице без куска хлеба...

Эти слова, сказанные академиком, будто самому себе, задели Сару за живое.

– Какая разница, я и сама в таком же положении. Отец сберег свою честь, но не знал, какие мучения ждут нас после него.

«Эта худая, усталая женщина пережила такую трагедию, и вместо того, чтобы позаботиться о ней, ее называют то больной, то нервной. На самом-то деле после такой потери она должна была сойти с ума, и это сумасшествие было бы оправдано», – подумал Зияд Шихлы.

Сара будто прочла его мысли:

– Разве осталась в людях человечность? Если помрешь на улице, никто даже к трупку твоему не подойдет. А заговорить об этом – так сочтут тебя безумной. Что стало с нашим народом?

Нет, Сара не виновата. Это общество сошло с ума, оттого и не понимает ее.

– Наукой-то занимаешься? – спросил он.

– Да!

– Какая у тебя тема?

– Русско-азербайджанские литературные связи XIX века. Но в Сборнике научных трудов академии мои работы не публикуют. Только один газетчик не испугался напечатать две статьи.

– Кто это?

– Заведующий отделом литературной критики в «Литературе и искусстве». Алтай Гызылбаш.

Академик не стал рассказывать, что знает упомянутого журналиста и находится с ним в хороших отношениях.

Написанная Алтаем много лет назад статья о его боевом пути и вклад в изучение истории впечатлили Зияд бей. Прочитав газету, он даже не поленился отправиться в редакцию и в присутствии редактора, своего друга-ветерана, поблагодарил молодого журналиста, добавив при этом с улыбкой: «А ведь если б не вмешалась Махира ханым, я указал бы тебе на дверь!»

Во время того интервью одна из фраз журналиста показалась ему издевкой: «Выискивать историческую правду и закрывать глаза на сегодняшнюю кривду, не реагировать на сегодняшнее зло и смелеть, когда пишешь об истории, – это верх трусости и пускание пыли в глаза».

Зияд бей принял собеседника за одного из тех молодых выскочек, которыми кишмя кишела современная пресса и которые, ничего не зная, ничего не читая, не признавая никаких авторитетов, всюду совали свой нос.

Его очень возмутило, что какой-то юнец говорит ему такое, глядя прямо в глаза, да еще в его собственном доме. Но Махира ханым, хорошо знавшая нетерпимость своего мужа к подобным упрекам и понимавшая, что вот-вот грянет гром, поспешила сменить тему.

Такое случалось уже не раз. В лучшем случае, он просто спокойно выдворял журналиста. Об этой манере Зияд бей знали все. Все, кроме парня, сидевшего сейчас перед ним. Несмотря на то, что академик поднялся и стал нервно ходить из угла в угол, Алтай продолжал задавать вопросы и объяснять, что собирается написать о

нем, и, возможно, именно этим ему удалось смягчить своего респондента. То, что этот журналист говорил о самых тонких моментах его произведений и пройденного пути, о деталях, на которые никто другой прежде не обращал внимания, о вещах, очень близких самому автору, и то, как наивно и пламенно он был влюблен в свой народ, заставило академика сменить гнев на милость и проникнуться к Алтаю симпатией. Глубокое уважение, испытываемое к нему этим парнем, было столь очевидно, так искренне и от души он говорил, что, пожалуй, не обиделся бы даже, если б хозяин дома прервал его на полуслове. Почувствовав это, Зияд бей взял себя в руки и продолжил рассказывать о войне и научной деятельности:

– Думаешь, мы ничего не пишем о современности? Ты читал мои статьи, памфлеты, пародии?

– Читал. Я читал все, что вышло из-под вашего пера. Но ваши памфлеты кажутся мне очень бледными по сравнению с историческими работами.

Высокий и худой Алтай, с рассыпанными по плечам кудрями, весельчак и балагур, умеющий рассмешить всю редакцию, совершенно преобразился здесь, в этом кабинете – неторопливо и сдержанно задавал вопросы, стараясь заглянуть в самую душу собеседника и стремительно записывал услышанное в блокнот.

Зияд бей вдруг почувствовал какую-то необъяснимую силу в заносчивой искренности этого юноши, берущего у него интервью и так нервничающего его некоторыми своими вопросами. Это можно было назвать и очарованием. Возможно, сила эта заключалась в его полных неясной печали глазах, глядящих прямоком в сердце тому, на кого были обращены. Парень этот отчего-то напомнил академику фронтовых друзей, скончавшихся у него на руках много лет назад на далекой войне.

Алтай тем временем хотел закончить свою мысль:

– Памфлет – это одно, а вот если такой уважаемый и знаменитый человек, как вы, расскажет миру о насущных проблемах – это будет уже совсем другое дело. По мнению народа, герой войны должен быть также и героем нынешнего дня.

Будто для того, чтобы увести разговор от этих болезненных тем, Зияд бей спросил:

– Ладно... «Алтай» – старинное имя, топоним. Его тебе дали родители. Но «Гызылбаш»-то откуда взялся?

Алтай рассмеялся:

– Мой отец, как и вы, – участник войны и древней нашей историей очень интересуются. Он знал, что Алтай – священное место для тюрок. Он часто вспоминал предсмертную просьбу одного человека из огузского племени «такла», жившего в соседней деревне. Перед смертью тот собрал вокруг себя родню и попросил похоронить его в Горном Алтае. Дети возразили, что, если могила отца будет так далеко, они не смогут ее навещать. Но старик стоял на своем: «Не надо меня навещать. Тамошние люди нам тоже не чужие. В тех краях была наша колыбель, так пусть и могилы наши будут там». А потом объяснил, что поездки на Алтай не ударят их по карману – деньги на это он приготовил заранее. Наверно, отец дал мне это имя из-за своей страсти к истории. А Гызылбаш – мой псевдоним. Род наш берет начало из окрестностей Савалана.

Через несколько дней Алтай опубликовал статью, в которой представил этот многочасовой разговор в форме историко-философской беседы о чаяниях народа, о прошлом и настоящем. Такого академик не ожидал.

Это интервью, с одной стороны, в мельчайших подробностях рассказало о полной исторических споров жизни Зияд бея, а, с другой стороны, разнесло в пух и прах его размышления и прошло сквозь него, как чистый свежий воздух. Его радовало то, как он выглядит в глазах такой молодежи, как Алтай, и что они думают о нем. По сути статья эта укрепила и усилила его надежду на то, что новая творческая задумка окажется успешной.

Главный редактор, гордый от визита именитого ученого, принялся на пару с ним расхваливать своего сотрудника. Эти слова, которых Алтай прежде никогда не слышал от своего начальника, прямо-таки окрылили его: «Очень сильное у него перо. Он не только публицистику пишет, но и в академии вашей защитился. Но мне он больше всего нравится как поэт».

Он снова подошел к окну. Каменный Джавид словно захлебнулся неиссякаемым терпением своих героев и думал о судьбе своей осиротевшей дочери Туран. «Вот оно, наше истинное состояние. Те, кто, подобно мне, интересуется тем, что мы пережили в этом веке, вместо того, чтобы копаться в архивах, лучше бы взглянули на жизнь этих трех женщин: Сона, дочь Гаджи Зейналабдина, Туран, дочь Джавида, Сара, дочь Гейдара Гусейнова. Все три – одинокие, никому не нужные... Советская власть каждой семье причинила какую-то боль. Но всему этому есть одно название: «Вражда, искоренение нации...»

С этой мыслью он вновь обернулся к Саре:

– Никто тебя не сократит. Я не позволю. И принеси мне статьи, которые хочешь опубликовать!

Сердце его переполняли сочувствие и симпатия к этой женщине. Бедняжка... Наверняка, в нашей среде никто и разговаривать с ней не желает. Одиночество и невозможность поделиться с кем-то своей болью убивают ее. Поэтому он постарался втянуть женщину в разговор:

– Ты знаешь кого-то из учеников отца?

Сара выпрямилась. Упоминание отца придало ей сил:

– Они боятся признаться, что были с ним близки. Я знаю только одного.

– И где он сейчас? – заинтересовался Зияд Шихлы.

Женщина иронично улыбнулась:

– Там же, где и отец. После того, как папа покончил с собой, этому человеку велели переписать его книгу. Хотели его руками вставить туда чуждый моему отцу, не соответствующий истине идеологический подход. Тот отказался, сказав, что не сможет сделать этого. Он предпочел не предавать своего учителя, а отправиться вслед за ним. Очень талантливый был ученый.

Лицо академика потемнело. Сара говорила, скользая взглядом по книжным полкам.

– Был еще один – появился чуть позже и опять исчез. Об этом мне рассказал Алтай Гызылбаш. Оказывается, в редакцию к нему приходил один человек и просил почитать его рукописи. Алтай удивился, спросил, с чего вдруг он просит об этом именно его, если они даже не знакомы. «Я был аспирантом Гейдара Гусейнова, – ответил пришедший, – защитился в 23 года и преподавал в университете. Смерть учителя очень меня подкосила, я чуть с ума не сошел. К тому же, от меня требовали писать статьи, критикующие его. Я не согласился и за это был выгнан из университета. Но и этого им оказалось мало, они меня еще и в дурдом запихнули. Только что выписался. Врачи не позволяют заниматься ничем другим. Вот, думаю, может, стихи помогут привести в порядок мысли. Когда я пишу, то забываю прошлое».

– И что, прочел Алтай эти стихи? – любопытствовал академик.

Девушка усмехнулась.

– Не смейся... Думаю, они были не хуже сочинений некоторых наших поэтов...

– Об этом я не спросила.

– И что было потом?

– Как появился, так и пропал. Никто не спросил, где он живет. На его поблекшем озабоченном лице не было ни на йоты сумасшествия. Так говорят сотрудники редакции, которые его видели.

Сказав это, она поднялась:

– Совсем я вас загрузила, извините!

Открыв сумку, достала копии своих статей, опубликованных в газете, и положила их на стол.

– Посмотрите, если будет интересно. Пусть меня не лишают скромного места научного сотрудника в огромной организации, созданной моим отцом. – На сей раз голос ее не дрожал. Слова, как и побледневшее лицо, сверкали словно лезвие ножа и вонзались прямо в сердце. – В этой стране ничего не изменилось. Репрессии продолжают. После отца и мне нет пощады. Они хотят меня убить. Хотя я и без того давно уже умерла. Вместе с отцом. Что они хотят от ходячей пустой оболочки? В чем я грешна перед этой властью?

На глаза у нее навернулись слезы, и, чтобы скрыть их, она пробормотала «простите» и неровным шагом вышла из комнаты.

Он не был удивлен столь внезапным ее уходом. «Если мы не сможем защитить хотя бы этих девочек, пожертвовавших своими жизнями из-за отцов, взявших на себя их муки, то значит, и не мужчины мы вовсе», – к такому выводу он пришел.

Сара разбередила его рану. На эту тему он думал долгие годы.

В самом деле, хотя переменялись имена, маски, витрины, одежда, шляпы и, наконец, политика, а точнее ее название, прежняя атмосфера никуда не девается, не меняется, гнилость натур, фальшь отношений, первозданная мерзость религиозных и расовых войн, жажда эксплуатации – все это продолжает жить, меняя обличье, как хамелеон. Чем отличается ученый, загнанный в угол из-за того, что не захотел предавать свои убеждения и подделывать историю, и не нашедший иного выхода, кроме самоубийства, от бакинского миллионера, посаженного под домашний арест, после того, как у него забрали все имущество, или от великого драматурга, загубленного в Сибири?

Народ не смог защитить ни одного из них. Побоялся! И если страх этот еще можно понять, но то, что потом их дети оказались брошенными на произвол судьбы, – это уже низость. Кто может помешать соседям помогать друг другу? Разве могут обвинить кого-то в том, что он протянул руку и спас неприкаянного беднягу? Если б это был только один человек, его, возможно, еще могли бы заклеить. Но если бы на защиту отверженных и униженных одновременно встали бы сотни, тысячи людей, если б весь город решил отдать дань памяти тому, кто сам помогал тысячам, – как можно было бы этому помешать?

Теперь-то они все говорят с умным видом. Подачка сверху, старые лозунги в новой формулировке, брошенные в массы под влиянием заграницы...

Ему вспомнился корректор, работавший над его книгой. Благородный человек из рода миллионщика Дадашева, вынужденный жить на копейки, которые приносил ему корректорский труд. Одной рукой он исправлял ошибки в тексте, а другой – день-деньской массировал себе лоб, пытаясь унять не стихающий гул в голове. Когда этот тихий непрехотливый человек вспоминал свое прошлое, собеседник диву давался. Оказывалось, большинство зданий крупных государственных учреждений, где ты частенько бывал, и красивых старинных домов, мимо которых то и дело проходил, когда-то были собственностью его семьи, построенные на честные деньги, кровью и потом заработанные дедом, о чем свидетельствует и сохранный документ о наследовании. Вот только показывать этот документ кому-то совершенно бессмысленно. Чтобы остаться в живых, им годами приходилось и вовсе отрицать родственные связи, некоторые даже фамилии сменили. Только-только этот панический страх начал рассеиваться...

Некоторое время назад вернувшийся из ссылки сын другого мецената, оказавшись в отчаянном положении, тоже обратился к нему. Чего только не натерпелась его мать с кучей детей среди льдов и морозов Северного Казахстана. Чего стоило этой матери сберечь себя и своих чад? Ненаписанная повесть.

...Обо всем этом он рассказывал вскользь, не вдаваясь в детали. Но даже этой малости было достаточно, чтобы дать понять, каким грехом и преступлением были страдания, причиненные семье человека, позволившего этому народу вкусить свободу. Чудны дела твои, Господи... Дом Расулзаде занял армянин и живет там до сих пор, а на требования истинного владельца никто не обращает внимания. Да неважно, армянин или тюрк, – главное, чтобы дом этот был возвращен законному владельцу, семье того, чье имя стало притчей во языцех. Но никто не хочет их выслушать, а уж тем более – услышать. А это значит, что на таких, как Расулзаде, до сих пор смотрят с царской или советской призмы, и в основе ненависти к нему лежит не идеология, а то, что он являлся носителем национального сознания. Как посмел он осознать свою самость, бороться за независимость, за открепление от России, пробудить тюрк, обострить в них чувство национального достоинства?! Вот в чем суть, и тут уж капиталисты и большевики мало чем отличаются друг от друга: и те, и другие ненавидели всех, включая Расулзаде, кто боролся за свободу и независимость своего народа и страны...

Эти мысли давно уже не давали ему покоя. Он пытался понять, почему до сих пор не были расследованы и выяснены причины бойни тридцатых годов и всех тех ужасов, что сотворило с его народом государство, за которое он сражался на войне.

Визит Сары ханым еще больше укрепил в нем желание сделать явными все тайные моменты новой истории.

События первых послевоенных лет вновь всплыли в его памяти в мельчайших подробностях.

...Он был заместителем коменданта в одном из самых крупных районов Берлина, а затем собирался отправиться на учебу в высшую военную школу и занять высокий пост в Москве.

Находясь перед выбором, однажды ночью он увидел во сне Баку. В том сне стояло лето. На побережье, у самой воды, свет небесный смешался со светом моря, из этого света вышел какой-то человек и приблизился к нему. Это был кто-то из его предков... Быть может, даже основатель их рода?! Непонятно... Но главное – не лицо, а исходящее от него сияние и волшебный голос. «Бог хранит тебя, чтобы вместе с тобой жили имена невинно убитых, чтобы ты возрождал похороненные истории».

Вернувшись в Баку, он посвятил всю последующую жизнь древней истории Азербайджана, искаженной и фальсифицированной чужими учеными.

Но что означали «убитые»? Внезапно он понял, что есть связь между тем давним сном и приходом к нему Сары, сказавшей, что «репрессии продолжаются». Ничто из этого не может быть просто случайностью; значит, ты должен искать в архивах не только следы древней истории народа, но и корни недавних событий и следы безвинных жертв.

Очередное заседание Президиума Академии наук напоминало не ученое, а, скорее, производственное собрание. Говорили на общие темы, о погоде-природе, внешней политике, о счастье, которое сулит Перестройка, о том, как Азербайджан стремительно подходит к воротам рая. Научные же вопросы остались в стороне. Зияд бея нервировали повторявшиеся из года в год и уже успевшие заплесневеть выступления о «новостях» статистики. По такой-то сфере было защищено столько-то диссертаций, такой-то сфере выделено столько-то средств, зарплата ученых выросла на пятнадцать рублей пятьдесят копеек, прозрачность и перестройка им очень по душе, всех нас ждет благоденствие... А кто-то, вконец возбудившись, выдвинул предложение, после которого зал утонул в овациях: а давайте напишем генсеку товарищу Горбачеву письмо, выражающее любовь наших ученых, и т.д.

Наряду с этим одной из тем обсуждения было возращение в последнее время среди ученых общественной активности. «Наше руководство обеспокоено активностью ученых в обсуждении национальных вопросов, надо очистить Академию наук от этих националистичных «черносотенцев». Позабыв о наших исторических, литературных, философских концепциях, они публикуют альтернативные сочинения каких-то неизвестных авторов. Каждый день издается новая книга, и основным объектом критики становятся многотомники, над которыми годами трудились наши ученые. Это не что иное, как выступление против советской науки. Они хотят разрушить приготовленные в Москве идейно-теоретические рамки об истории становления азербайджанцев с учетом интересов единого советского народа. Надо объединиться и усилить борьбу с ними...»

Зияд бей знал, что, если заговорит, то снова разразится буря. Он устал слушать звучащие в этих залах высказывания на уровне политического невежества и враждебности тридцатых годов. Страна стоит на пороге перемен, поднимается новая волна возрождения, общественная активность и процесс самосознания каждого народа отображаются в новой моральной среде, а эти все еще разглагольствуют в духе сталинских времен. У него аж зубы скрипели. С серьезным видом, будто занимаясь чем-то важным, он водил ручкой по листу бумаги. На ум пришли собственные памфлеты, адресованные современным поэтам. Сколько же у них терпения, честное слово. Не говорят мне, мол, послушай-ка, братец ученый, а посвяти-ка ты парочку этих памфлетов собственному окружению. Позабыв об этой своре блюстителей законности, непонятно, каким образом и за какие такие заслуги ставших академиками, намертво вросших в кресла в своих пропахших нафталином кабинетах и дрожащих, как осиновый лист, от всего нового, ты набросился на поэтов, осмеливающихся изобличать ложь. Нравится тебе это или нет, но именно из их уст общество слышит правду. Именно они, прямо или полунамеками, отваживаются говорить о том, что творится в мире. Поэтические собрания всегда переполнены. А ты проверь-ка, вытаски к народу этих своих коллег-ученых. Посмотри, сколько человек станет их слушать, а те, кто выслушает, поверят ли?

Вдруг он вспомнил Сару ханым, приходившую к нему на днях. Интересно, сколько из здесь сидящих были знакомы с ее отцом? Он окинул взглядом зал. Да, большинство из них пришли в академию во времена отца той женщины. Некоторые были свидетелями, а может, даже и непосредственными участниками его трагедии. От этой мысли его словно кипятком обдало...

Многие из ученых были его друзьями. Среди них были известные физики, геологи, математики, философы. Но в последнее время всякое их слово, сказанное сытым довольным тоном, раздражало его. Вместо того, чтобы поднять шум и требовать справедливости, уважаемые коллеги пытаются запудрить народу мозги.

Чем дальше, тем больше Зияд бей убеждался в том, что ученые, которые сегодня мешают спокойно жить таким, как Сара, мучают их и не позволяют исследовать архивы тридцатых годов – это дети тех самых людей, которые в тот период доносили на своих друзей, называя тех «предателями родины» и «националистами». Какая разница: на смену отцу пришел сын.

С этой мыслью он взял слово:

– Уважаемые коллеги! Известно ли вам о судьбе дочери Гейдара Гусейнова?

Участники заседания переглянулись, явно не понимая, какое отношение это имеет к их собранию.

Президент академии Гасан муаллим, уже обративший внимание на то, что академик все это время сидит с безучастным видом, рассеянно глядя в окно, отозвался:

– Твои мысли явно где-то далеко. Ты не слышал дневник заседания, Зияд?

– Нет! Мысли мои здесь, Гасан муаллим! И вопрос этот я задал после того, как выслушал обсуждения.

Тут он прервался, дабы не мучить коллег. Знал, что, если продолжит, то скажет, что, слушая некоторые из выступлений, отчетливо ощущает атмосферу 37-го года. Если б возникли те же условия, то и события те повторились бы точь-в-точь. Поэтому они и замолкают, услышав имя Гейдара Гусейнова. Он повысил голос:

– Вы сейчас смотрите на меня с таким удивлением, будто знать не знаете такого человека. Я говорю о великом ученом, когда-то сидевшем в одном из здешних кабинетов на верхних этажах. У него осталась дочь, хоть кто-то из вас поинтересовался ее судьбой?

– Да и ты сам этим не интересовался, так что довольно! – с откровенной издевкой произнес академик Сулейман Сулейманзаде.

Посмотрев на него в упор, Зияд продолжил:

– Она приходила ко мне жаловаться. Измученная, подавленная... Она работает в нашем Музее литературы. Вы знаете, что сотрудники музея получают копейки. А ее хотят сократить, лишив даже этого. Еще и не позволяют печатать свои статьи.

Директор Музея истории академик Гафар Велиев, не глядя в его сторону, сказал:

– Это никак не относится к нашему заседанию!

– Относится! – отрезал Зияд бей. – Самым прямым образом относится.

В разговор вмешался директор Института литературы Вугар Гусейнли:

– Да она больная... Зачем о ней говорить?!

Зияд бей вышел из себя:

– Это не она, а мы больные, Вугар! Те, кто в детстве оставил ее без отца и не позаботился о ней. Из нашего разговора я понял, что она совершенно здорова. Если, невзирая на такую потерю и давление, она не сломалась, продолжает жить и даже занимается наукой, то она герой! – тут он обратился к президенту Академии наук. – Гасан муаллим, я прошу вас взять эту ситуацию под свой контроль. Или поручите это кому-нибудь. Пусть ее не сократят. И не мешают публиковать статьи в сборниках Института литературы.

Историк все никак не унимался:

– Каждый получает свое. Если б ее отец отдавал себе отчет в том, что пишет, то и до самоубийства бы не дошло.

Стиснув зубы от ярости, академик ответил:

– Ты прав, зачем было ему убивать себя, если есть столько людей, достойных этого? Но учтите, что им пожертвовала эта среда, а точнее – те, кто пишет историю на заказ. Он выбрал этот путь, потому что не вписывался в антинациональные рамки того, что вы называете идеологией. На самом деле, подстраивать свободно мыслящих и объективных историков под ваши принципы – это тоже один из видов самоубийства. Однажды народ возьмет вас за грудки и спросит: «Что вы хотите от исторической науки?»

Гафар Велиев тоже взорвался:

– Этот вопрос я хочу задать тебе! – тут он перешел на русский. – А вот ты что хочешь от истории? Ты же востоковед, что ты забыл в истории Азербайджана? Томами пишешь запутанные книги. Сбиваешь с толка молодежь...

То, что Гафар перескочил с одного языка на другой, успокоило Зияда. Он сказал с ироничной улыбкой:

– Верно, я не такой историк, как ты. По-твоему, наша история – это всего лишь часть истории Ирана, и сами мы произошли от персов.

Этими словам он задел Гафара за живое:

– Знаю-знаю, это ты стоишь за той молодежью, которая говорит: «Мы – турки и самые древние аборигены этих земель, а Гафар подделывает нашу историю». И атаки на меня организуешь тоже ты. Скажи, что плохого в том, чтобы привязывать нашу историю к истории Ирана?

– Гафар бей! – когда академик сердился, то всегда общался к нему в такой форме. – Ты опытный историк, владеешь древними языками, этого никто не отрицает. Это не я стою во главе развернутой против тебя кампании, напротив, повсюду стараюсь остудить направленную на тебя ярость. Но они правы. Потому что ты используешь свой ум и образование не на благо нашего народа. Если б ты был мелкой сошкой, никому до тебя не было бы дела, но ошибки больших людей куда более опасны. Вред, который ты наносишь нашей истории, невозможно будет исправить ни за десять, ни за двадцать лет. В этом плане чем ты отличаешься от армянских историков? Ты известный в мире специалист по истории древней Мидии. Ну и хорошо, исследуй ту эпоху, сколько тебе угодно! Но зачем ты лезешь в то, что было до и после Мидии, к Атабекам, Хуррамитах, в тюркскую историю в целом?

Гафар совсем распалился:

– Не нравится, пожалуйста, сам возглавляй Институт истории!

Зияд бей остался невозмутимым:

– На твоё место я не мечтаю, не беспокойся, но, отстранившись от вашей концепции, мы напишем национальную историю.

Видя, что спор все нарастает, президент Академии наук сказал:

– Ладно, прекратите. Если речь о дочери Гейдара Гусейнова, я этим займусь, распоряжусь, чтобы в Музее литературы с ней обращались бережнее и ускорили процесс её защиты.

Некоторое время спустя после этого скандального заседания в иранской прессе появился ряд публикаций о том, что азербайджанский академик Зияд Шихлы якобы занимается антиисламской пропагандой. Подобная клевета в адрес автора нескольких книг религиозного содержания и исследований на тему истории ислама казалась неубедительной. Некоторые полагали, что это дело рук не знающих, что ответить на книги академика, армянских и персидских историков, влиятельных в Иране армянских семей...

Поиск черного списка

Добраться до секретных документов недавнего прошлого оказалось сложнее, чем заполучить старинные рукописи. Не помогла и «Золотая Звезда» у него на груди. Разрешения работать с архивами КГБ за 30-е годы пришлось ждать очень долго.

Прежде чем отправиться в бакинский архив КГБ, он несколько месяцев не вылезал из московских и петербургских библиотек; стиснув зубы, листал газеты 30-х. Вместе с газетной пылью легкие его заполнялись предательством и невежеством, рабской психологией тех лет – они вливались внутрь него тяжелым мраком и разрывали грудную клетку. Ему казалось, что ржавая машина репрессий все еще не остановилась, и часть вины за это лежит на ученых, действительных членах Академии наук и членкорах, на директорах научных институтов, то есть на его коллегах.

«Лев умер, шакалам праздник». Бог знает, с какой горечью были когда-то произнесены эти слова. И пусть звучат они грубовато, но, как ни крути, рождены обжигающим осознанием того, что место добра в этом мире занимает зло. В более мягкой форме про это говорят: «Каждый новый заставляет благословлять старого».

Интеллигенты, родившиеся в именитых семьях, получившие образование в лучших зарубежных университетах, носители высочайшей культуры и опыта, умные и сведущие во всем, на протяжении XX века задохнулись в адских котлах, именуемых гражданской войной, революцией, репрессией, а на самом деле являющих собой геноцидом тюрков. И семьи их, и родственников не пощадили.

Если начертить карту ссылки южнокавказских тюрок, она будет в сто, в двести раз больше территории Азербайджана. От Северного Ледовитого океана до Тихого, от огнедышащих иранских пустынь до Сибири и бескрайних казахско-киргизских степей. И никто еще до сих пор не проехался по ссыльным маршрутам, чтобы описать полную страданий жизнь этих людей, насильно лишенных Родины. Бог с ним, с раскапыванием могил и сбором материалов, но ведь даже архивы никто не поднимал. И это – еще не говоря о судьбах тех тысяч людей, попавших в плен и пропавших без вести во время Второй мировой, которые рассыпались по разным концам Европы и Америки и, дабы не навредить своим родным, сменили имена и затеряли свои следы. Подумай о них! Среди них тоже были будущие большие ученые и мыслители. Их места заняли беглые эмигранты, дезертиры, анонимщики и клеветники, которые ради того, чтобы спасти свою шкуру, предали и науку, и литературу, виляли хвостом в чужих дверях, изощрялись в разных стилях подхалимажа, пели оды правителю. Кто-то считал это давлением Москвы. Но для Москвы вообще-то было вполне достаточно, чтобы в Азербайджане или Узбекистане существовало что-то вроде университетов или среднего пошиба организации и творческие союзы, основной задачей которых было бы распространять на местах установки Центра. По этим капиллярам грязная кровь из главной вены с молниеносной скоростью попадала бы в самые отдаленные провинции страны. Народ до сих пор не знает, сколько смертных приговоров подписали, сколько крови пролили в 30-е годы все еще живущие профессора и академики, ответственные работники и прочие, чья грудь украшена орденами и медалями, а имена – многочисленными громкими регалиями. А если и не подписывали сами, то просто молчали, занимали антинациональную позицию, а это тоже, по сути своей, предательство и лицемерие.

К черту и Азизбекова, и Джапаридзе вместе со всеми 26 комиссарами! Не важно, убит был Шаумян или умер в Индии... Где сдох, там и сдох. Все равно все они такие же предатели и враги нам, как и Шаумян. Если один из них считается героем, а второй предателем, и имена обоих появляются в газетах, кто-то пойдет по этому следу. Темными остаются дела, творившиеся после 20-х. О создании СССР, крестьянских бунтах, коллективизации писали много. Но о последующей судьбе интеллигентного поколения, воспитанного национальным правительством, никто не пишет, а точнее – запрещают писать.

Но он был героем, «Золотая Звезда» на его груди слепила глаза. Что ему сделают? Отрежут язык, отнимут перо? Снова отправят в штрафной батальон?

В последнее время эти мысли все чаще одолевали его. Удручало то, что самые ценные годы, когда силы переливались через край и энергия кипела, он посвятил древней истории. И хотя никогда не бежал вслед за модой, но теперь казалось, что тоже был частью общего потока.

Ситуация, сложившаяся в стране после середины 1980-х годов, растопила льды, развязала языки, скинула запыленные покровы. Все пишут. И умеющий писать, и не умеющий. Самостоятельные издания, независимые газеты, журналы, к которым не притрагивалась рука ни редактора, ни цензора, альтернативные истории, спутанные теории, многие из которых – фальсифицированные, запущенные самим же КГБ.

Если б обо всем, что приходит на ум, он написал бы вчера, это было б героизмом, нынче же это уже разрешено, а значит, никаким героизмом считаться не может.

В свете этих неожиданных возможностей прежние запреты стали казаться неправдоподобными. Когда рассказываешь о них молодым, они не в силах этого уразуметь. Думают, что старшее поколение все преувеличивает, чтобы придать больше веса своим заслугам или продемонстрировать отвагу. «Неужели так сложно было говорить правду, писать истину». Они не виноваты. Не живя при социализме, трудно понять, что вынесли другие.

Несомненно, он предпринимал попытку выбраться из этого болота. Но, видимо, правдиво писать о современной истории гораздо сложнее, чем описывать далекое прошлое.

Уже известная истина внезапно предстала перед ним в еще более ярком свете, и понял он, что история нового времени, участником которой он сам являлся и которая от этого казалась ему такой простой, XX век, и страницы этого века, связанные с независимостью, гораздо более драматичны, чем самые драматичные события далекого прошлого, гораздо более кровавы и запутанны. Хотя все эти события прошли у него перед глазами, разобраться в них было гораздо сложнее, но и очень важно, потому что это может помочь народу выбрать свою дорогу в будущее, избежать ошибок и защититься от трагедий. История никогда не ставит точку, она продолжается, и сам он, и его близкие друзья находятся внутри этих событий, и, если присмотреться, в плане характера, мировоззрения и национальной позиции, они мало чем отличаются от просветителей начала XX века, большинство из которых были убиты; та же боль снедает их изнутри, за те же идеалы они борются.

Все это должно быть написано. Подобно тому, как в зеркале древности мы видим нынешний день, так и нынешние успехи и неудачи помогают разгадать древние тайны: где мы сбились с пути, где мы были бы сейчас, если бы выбрали правильный путь? Как уберечься от мимолетных желаний, интересов и страстей? Где нарушена логика естественного развития? Сколько глубоких ран нанесли истории человечества религиозные и политические войны, сколько невинных жизней унесли? Глядя из сегодняшнего дня, ответить на эти вопросы и написать истинную историю тех времен становится проще. Потому что, как бы ни менялись мы внешне, но сущность наша мало изменилась. Да и мир остается все тем же...

Возможно, ценность его последних исследований заключается также и в том, что это столетие прошло и через его собственную судьбу, как горячий железный поток.

Его потрясло то, как угодили в ловушку сливки общества, обладатели блестящих умов, люди высочайших моральных принципов, которые в 20-х годах поверили большевикам и, засучив рукава, взялись за дело вместе с ними, истово служили новому правительству, а затем ставшие жертвой дашнаков, скрывавшихся под большевистской личиной. Он многое знал о том, как высокообразованные люди по незаконным решениям невежд были сосланы в Сибирь и на Соловки, но был поражен, прочитав о том, что столь непримиримая партия, как «Мусават», ради того, чтобы прекратить творившуюся в стране резню 14 августа 1923 года объявила о своем роспуске и остановила борьбу против советской власти, аргументировав это возможностью мира и равноправия народов в составе СССР. Это годами скрывалось от народа, чтобы выставить «Мусават» в невыгодном свете – дескать, не думали они о народе, не умели поймать пульс времени. Декларация была подписана такими авторитетными мусаватистами, как Абдулвахаб Мамедзаде, Садиг Гулузаде, Алекпер Саламзаде, Сеид Гусейн, Нариман бек Нариманбеков, Джафар Джаббарлы и другие. Они были наивными, честными, совестливыми людьми, заботившимися о благе народа даже ценой смены системы.

И хотя они просили, чтобы высокообразованную интеллигенцию не отправляли в ссылку, а вместо этого привлекли бы к строительству нового государства или позволили бы жить свободно в России и служить стране, просьба их не была учтена. Нет! Тюркскому интеллигенту, бывшему мусаватисту не может быть никаких поблажек!

Писательская совесть не должна ориентироваться на политические и национальные интересы, не должна скрывать правду. Несмотря на то, что Олег Волков был русским, но то, что писал он о сосланных на Соловки мусаватистах, невозможно читать без волнения.

И кто теперь занял место столь верных, решительных, благородных людей...

Обо всем этом он должен был написать, и потому все мысли его крутились вокруг архивов, которые вот-вот должны были ему открыться. Главное – отыскать кончик нити, потому что вся эта резня началась не на пустом месте, и жертвами ее были не случайные люди. Прежде всего он должен был найти первый указ об этой бойне и список приговоренных к смерти.

...Он позабыл обо всем, о себе самом позабыл. Ни одно из зверств, сотворенных правителями за последние две тысячи лет, о которых он когда-то читал, ни одна из отпечатавшихся в памяти кровавых сцен Великой Отечественной войны, которую он прошел от начала до конца, не произвели на него такого впечатления. Сердце его сжималось, слезы заволакивали глаза. Время от времени он прерывал работу, выходил покурить и, словно пытаясь как-то упорядочить творившийся в сознании хаос, бился головой о голые стены коридора, а после, придя в себя, возвращался за специально выделенный ему стол и вновь принимался перебирать папки и листать документы.

По мере чтения сидеть в архивных гущах становилась все труднее. Струившийся со страниц яд зверства, беззакония, вражды отравлял воздух в комнате и гнал его отсюда. Но старая привычка не позволяла бросить работу неоконченной. Попастъ сюда было непросто, он долго ждал разрешения, неоднократно повторял свою просьбу и не был уверен, что, выйдя, сможет вернуться сюда еще раз. Одной рукой он листал бумаги, а второй безостановочно делал заметки. Хотя правильнее было бы назвать это не заметками, а переписыванием, потому что большинство документов он полностью переводил с русского.

Одолев каждую новую страницу, он словно бы выполнял трудное боевое задание. Из папок сочилась кровь, и нельзя было ни вынести наружу эти документы, ни даже сфотографировать их – перед ужасающими законами, царящими в этих стенах, бессильны и звание академика, и Звезда Героя на твоей груди; ты можешь лишь делать заметки. Но ведь этим дело не ограничится, была бы его воля, он схватил бы в охапку все эти бумаги и сунул бы миру под нос: смотрите, вы считаете себя людьми, так знайте же об ужасах, сотворенных с вашими соплеменниками, и скажите, могут ли те, кто это сделал, называться человеком? Отвлекитесь от того, какой национальности были эти уничтоженные жертвы, взгляните на них просто как люди! Если вы в самом деле люди! Может, после этого вы поймете и нас, и на наш зов откликнитесь...

То, что документы были составлены на русском, словно бы усугубляло их враждебность, потому что под большинством смертных приговоров стояли либо русские, либо армянские фамилии, а если и встречались местные имена, то принадлежали они тем, кто продался первым, и оттого вызывали еще большее отвращение. Какая национальность может быть у палача? У палачей нет национальностей, и нельзя смотреть на них с точки зрения национальной принадлежности, потому что они не имеют никакого отношения ни к русским, ни к армянам, ни к грузинам, ни к евреям. Они были особым стадом кровопийц, взращенным большевизмом, и те же самые зверства, не моргнув глазом, творили и с представителями собственных наций.

Если б кто-то взглянул со стороны, то заметил бы, как дрожит рука этого рослого человека, стремительно делающего записи. Выйдя в очередной раз проветриться, он подошел к висевшему в углу коридора телефону и набрал номер своего старого фронтового товарища:

– Слава! Что ты делаешь вечером, не занят? Слава Богу! Бери Валю и приходите к нам. Она к дочери уехала? Ну, тогда один приходи!

Нетрудно было понять, что отвечал его собеседник.

Потом своими крупными пальцами, едва влезающими в диск телефона, он набрал другой номер:

– Ханым, послушай, ты что-то готовишь на ужин? Хорошо, в семь буду дома. Наш русский друг тоже придет.

Он возвратился за стол и дрожащими руками с дрожащим сердцем продолжил работу.

В следующий раз он оторвал взгляд от бумаг лишь в шесть часов, услышав: «Извините, вы, наверное, знаете наш график работы...» Аккуратно собрал документы в стопку и встал. Сжал в руках свою тетрадь для записей и, выйдя из комнаты, направился к лифту в начале коридора. Стоявший у входа охранник приветствовал его на военный манер, открыл дверь, похожую на дверь тюрьмы, и академик, будто отпущенный заключенный, поспешил на свободу.

Несколько секунд он разглядывал стены стоявших вокруг старых домов, точно видел их в первый раз; лучи солнца, спешившего скрыться за горы Шубаны, играли на «Золотой Звезде» у него на груди.

Качавшиеся на ветру ели и чинары оведали его прохладой, словно веера. Обернувшись, он еще раз посмотрел на высокое здание, которое только что покинул, и быстро удалился.

На голове – феска, которую он никогда не снимал, на груди – «Золотая Звезда», на губах – ироничная усмешка, бросающая вызов судьбе. Не было, пожалуй, никого, кто бы не знал этого человека рыцарского облика, который широким шагом шел по улице. Можно даже сказать, что не было никого, кто бы его не «любил». С первого взгляда он умел вызывать к себе симпатию. Встречая по пути знакомых, наспех здоровался и шел дальше, не пускаясь в долгие разговоры. Всегда куда-то спешил.

Книги, посвященные древней и средневековой истории Ближнего Востока и Азербайджана, принесли ему славу и за пределами страны. Этот герой войны был еще и героем от науки, давно потерявшим счет наградам, полученным от исторических организаций разных стран, но это отнюдь не вскружило ему голову. Потому что он еще в юности узнал, что право открывать дверь ногой, слава и всеобщая любовь означают еще и зависть. Подвиг, совершенный им в Польше в январских боях 1945 года, превратил этого юношу в легендарную личность. Не шутка ведь – отряд 24-летнего капитана, прорвав оборону противника, занял мост через реку, перекрыл путь к отступлению нескольким фашистским дивизиям и в результате взял в плен тысячи немецких солдат и множество генералов. Когда у капитана закончились пули, он вместе с рядовыми сражался врукопашную. Фотографию, снятую в тот день, он повесил на стену у себя дома и, время от времени, показывая ее гостям, говорил: «Это могло быть мое последнее фото».

Звезда, полученная им в Великой Отечественной войне в схватке с врагом, приходила на помощь и в мирное время, во время внезапных схваток с замаскированными врагами у себя на родине, защищала от атак чиновников и бюрократов и порой превращалась в броню, закрывающую его от ударов. Он не любил громких слов и похвал, но всегда с гордостью носил на груди Звезду Героя. И мало кто знал, что этих Звезд должно было быть две. Но и на фронте полным-полно было продолжателей дел тех, кто подписывал документы, прочитанные им в архиве, и по их милости указ о его награждении за первый подвиг затерялся без следа. Позже, упорно воюя, он заслужил вторую Звезду. Война закончилась, но другие, невидимые войны продолжались, потомки тех, кто подписывал приговоры, кто скрыл его первый подвиг, заполнили научный мир и до сих пор занимались репрессией истории.

Зайдя в магазин, расположенный на первом этаже соседнего дома, он купил хлеб и бутылку водки. Он всегда покупал хлеб сам, выбирал его тщательно, не спеша, а когда руки были заняты, совал под мышку, как книгу. Если хлеб был горячим, отламывал кусочек горбушки и с аппетитом съедал, будто компенсируя себе голод, пе-

режитый во времена войны и студенчества. Поднимаясь по узким полутемным ступеням, он вдруг остановился, застигнутый неожиданной мыслью. Стоя на лестничной площадке между двумя этажами, он огляделся по сторонам, как в первый раз. «Почему эти лестницы сделали такими узкими? Наверно, не учли моих размеров. Если я умру у себя в квартире, едва ли удастся спустить тело вниз на плечах, как положено». Затем сам же ответил на это: «Ну, и что, значит, вытащат тело в вертикальном положении. Пусть скажут, что даже мертвый я вышел из дома стоя...»

После войны он почему-то редко думал о смерти. Быть может, сейчас это было влиянием мыслей о том, что одна из тех несправедливых и внезапных смертей, о которых он читал в архиве, однажды могла настигнуть и его самого...

Через полчаса пришел Вячеслав.

– Проходи, проходи, товарищ лейтенант!

Ему нравилось называть так фронтового друга. Лейтенант сразу после окончания войны возвратился в Баку и работал теперь в одном литературном издании на русском языке. Не дожидаясь, пока друг сядет, академик стал его отчитывать:

– Слушай, что с тобой творится, постарел ты, что ли, или под каблук попал? Почему тебя совсем не видно?

Хоть этот дом, построенный от щедрот государства, и был одним из самых современных в городе, но архитекторы явно не брали во внимания рост Зияд бей. В своей квартире с низким потолком он вынужден был передвигаться осторожно, как тигр в клетке. Голос его переполнял комнаты. Одно неосторожное движение, и он задевал головой люстру. И гость, и хозяйка на кухне смеялись.

В отличие от самого академика, по фронтовой привычке, а иногда и нарочно употреблявшего русские фразы, «русский друг», как называл его Зияд бей, чисто говорил по-азербайджански и порой использовал даже характерные для бакинского наречия словечки, будто желая продемонстрировать это свое умение.

– Сын шейха, ты ведь знаешь, что я всю жизнь был под каблуком у Вали! Угмонись, дай посмотреть, что там на кухне варится, потом поговорим...

– Мой дорогой лейтенант! С каких это пор ты стал кухонным котом? У нас есть водка, есть хлеб, и слава Богу. Не ты ли, выпив стопку на голодный желудок, бросался вперед с криком «За Родину, за Сталина!»?

На последних словах он запнулся. Будто только что вспомнил, зачем позвал сюда Вячеслава:

– Вот это «За Сталина!» и было нашей самой большой ошибкой.

Гость, рассматривающий выстроенные на пианино деревянные фигурки, перевел взгляд на него:

– И ты только сейчас это понял?

Потом показал на одну из фигурок и сказал:

– А известно ли тебе, товарищ капитан, что ты настоящий художник? Какая красота! В первый раз вижу.

Мысли академика витали слишком далеко, и ответил он не сразу:

– Да ну... Что там художественного, обычная деревяшка.

– Да какая же это деревяшка, дорогой ты мой! – воскликнул друг. – Это раньше она была деревяшкой, а попав в твои руки, ожила! Вставив ей стеклянные глаза, ты превратил ее в человека. Как тебе это на ум-то пришло?

– Да не знаю! Разве дерево не видит? Можешь быть уверен на сто процентов, что у деревяшки есть глаза. Это люди слепы.

Отмечая вслух, что количество фигурок на пианино значительно увеличилось, Вячеслав хотел дать понять, что внимательно следит также и за этой сферой творчества своего товарища.

– Не обращай на них внимания! – сказал Зияд бей. – Садись. Ты ведь не бросил пить водку? Открывай бутылку.

Нет! Водку пить гость не бросил. Встречаясь с фронтовыми друзьями, они обязательно вспоминали, что эта зараза была их соратником на войне, спасая от холода и безумия, и это, несмотря на протесты жен, становилось предлогом для того, чтоб хранить верность водке...

Вот, наконец, они устроились за обеденным столом. Отправив в рот кусочек хлеба с сыром, академик со словами «Добро пожаловать!» опрокинул стопку.

– Что с тобой?

Гость понимал, что с хозяином творится неладное.

– Ну, не просто так ведь я тебя позвал. Имей терпение! – ответил Зияд бей.

Но, выпив вторую рюмку, он будто пришел в себя и разговорился:

– Знаешь, я сейчас занимаюсь историей нового времени. Хочу написать книгу о репрессиях. Сегодня в архиве я впервые пожалел о том, что вернулся живым с войны. Лучше б немецкая пуля продырявила бы мне грудь, и я никогда не прочел бы этих документов.

– Почему? Что произошло? Разве ты не знал, что репрессии были человеческой трагедией и полным беззаконием?

– Но прочитанное привело меня в ужас. Оказывается, мы ничего об этом не ведали. Ненависть, таившаяся в груди Ленина, резня, устроенная двумя грузинскими хулиганами по имени Сталин и Берия, – такое может свести с ума кого угодно. Мне стало так горько оттого, что ради них мы рисковали своими жизнями.

Гость старался его успокоить:

– Я тебя понимаю... Но не жалею о том, что рисковал жизнью! Твоя смелость тебя и спасла! Пуля находила тех, кто ее боялся...

В тот вечер академик не нашел во фронтовом друге подходящего собеседника для того, чтобы излить душу. Он был на грани помешательства от всего, что увидел в архиве.

Десятки тысяч избранных людей – ученые, нефтяники, писатели, актеры, высокопоставленные лица, ректоры, директора институтов, генералы – были расстреляны безжалостно, без суда и следствия... Даже читать эти пожелтевшие бумаги было сущим мучением.

– Слава, у меня в голове не укладывается подобное кошмарство. Даже на выходных не прекращались фальшивые судебные процессы. Даже по праздникам они выносили смертные приговоры и расстреливали. Будто не хотели опаздывать ни на минуту. Трекколесная машина, запущенная для уничтожения этого народа, резала и крошила без перерыва. Каждые четверть часа – новый приговор, новая жертва!

Гость не находил слов:

– Брат, Сталин точно так же истреблял и русских, и своих земляков грузин.

– Знаю, знаю, русские много об этом писали... Я в курсе их трагедии. Знаю я и о судьбе ученых и религиозных деятелей, которых, не имея возможности прикончить, битком набитыми кораблями и поездами отправляли в Европу, подобно Бердяеву. Они тоже были сливками своих народов. В разговор с ними необразованные большевики, дабы скрыть свое невежество, прибегали к шантажу. Более-менее умные из них это признавали: дескать, я не понимаю твоих слов, но чувствую, что ты гений. Как мог тупоголовый революционер ужиться с такими гениями? И придумать ничего лучше, чем ссылка, выдворение из страны, тоже не могли. Но нигде не было такой бойни, как в Баку. Да еще ахыским тюркам причинили они невероятные муки. Сто тысяч человек, без всякого предупреждения, всего за два часа заперли в машины. Да еще и обманули, что, мол, через три-четыре дня вы вернетесь назад, и бедные люди даже не взяли с собой припасы хоть на неделю и какую-то одежду, чтоб защититься от холода... Целый месяц провели они в пути, зимой, без еды и воды... Тысячи из них умерли в пути, и тела их просто выбрасывали из вагонов на съедение зверям и птицам... Причем, когда все это происходило? За пять месяцев до окончания

войны... Просто невообразимо... Как об этом писать? Во главе всего этого стоял Сталин, а исполнителями была родня Микояна... И там, и здесь это было намеренно поручено дашнакам или, х... знает, как они там называются...

Услышав это слово, гость знаком показал в сторону кухни:

– Эй, командир, полегче! Здесь тебе не окоп!

Зияд бей остался невозмутимым:

– Это было поручено их детям, нашим врагам, Сумбатянам. Они продолжили свое дело, не законченное в 1905-м и 1918-м годах, узаконив его с разрешения советской власти. Ты только представь, в 1920-м азербайджанское правительство дало разрешение на ввод в Баку Красной армии; армия обещает никого не трогать и охранять мир и спокойствие, заключаются соглашения, но как только они переступают границу, в каждой деревне ставят под пули аксакалов. А дойдя до Баку, на следующий же день начали подличать. В одном только 20-м году перерезали горло 48 тысячам человек. Лучше б и наших, так же, как русских, сажали в поезда и на корабли и отправляли в Европу. Да хоть в Сибирь сослали бы, только не убивали б с такой жестокостью...

Гость прервал его:

– 48 тысяч... А как тебе 48 миллионов? Трагедия, устроенная человечеству большевизмом, не умещается в цифрах...

Но Зияд бей словно не слышал его:

– Я говорю тебе о тех, кто был убит за один год. Помножь это число на тридцать три. Сталин до самой смерти не отставал от нашего народа...

Потомственные бакинские русские многое знают о событиях 20-30-х годов. Чтобы утихомирить друга, Вячеслав стал рассказывать известную ему историю:

– Жил в нашем квартале один мужик по имени Мансур. Он хорошо помнил приход Красной армии. Вот ты говоришь о перерезанных горлах. А он рассказывал, что для экономии патронов они нашли «легкий» способ убийства. Например, всех попадавшихся им на глаза здоровых и рослых мужчин сажали на корабль. Увозили подальше в море, бросали за борт и возвращались. Но однажды кому-то чудом удалось доплыть обратно и выбраться на берег.

Этот рассказ очень взволновал Зияд бей:

– До чего же сильный человек, настоящий боец!

Но гость прервал его на полуслове:

– Думаешь, за это его простили? Конечно же, нет! Посадили на другой корабль и вновь отправили в море...

Зияд бей взорвался:

– Все на свете должны знать их истинные имена: Убийцы! Бог послал Дьявола на землю в обличье Сталина и Берии. Не понимаю, за что они так мстили? Вырезали под корень целые семьи, древние кланы, являвшиеся генофондом нации. А иногда не удовлетворялись простым расстрелом или, быть может, в самом деле экономили патроны и живьем крошили на куски ученых, генералов, других интеллигентов. В одной только Шуше за один день было убито три генерала из рода Гаджаров. Как это называется, Слав? И после всего этого, приговаривая «Да здравствует социализм, да здравствует дружба народов!», заставляют народ с кровоточащим сердцем петь оды палачу... Киров, Серебровский, Мирзоян... Все они враги этого народа!.. С 1920-го по 1938 год в стране шла охота на достойнейших мужчин. А потом заработала военная машина...

Вячеслав, уже и не знавший, как успокоить друга, поднял рюмку:

– Ладно тебе! Что толку так убиваться? Ведь мы, бакинцы, – люди терпеливые!

– Да пошел ты! Еще поэтом называется! Зачем мне так жить? Таких ученых расстреляли, что я по сравнению с ними даже в аспиранты не гожусь.

Вячеслав вновь поднял полную стопку:

– Может, все же выпьем?

Академик залпом осушил очередные сто граммов и, даже не закусив, продолжил:

– Меня мучает то, как сломали великих наших мужей. Как же их сминали, унижали! Читая об этом, поражаешься их мужеству. Днями, месяцами они терпели, упрямо твердя: «Я ничего не знаю, я не контрреволюционер, не имею никакого отношения к Троцкому, я истинный коммунист!» Но потом их столько били, мучили, держали в ледяной воде, выдирали зубы и ногти, подвешивали за ноги, заставляя признаваться в том, что они якобы совершили. Представляешь? Человек понимает, что, независимо от того, признается он или нет, его расстреляют, но это избавит его от мучений перед смертью. Ты слышал их имена: Таги Шахбази, Гусейн Джавид, Ахмед Джавад, Сеид Гусейн, Чемеңземенли... Титаны мысли! Можешь представить их под грязными пинками Тапуридзе?

Голос академика задрожал и, уронив голову на стол, он разрыдался. Крупное тело его сотрясало вместе со столешницей. Из кухни пришла его супруга Махира ханым. Положив руку на плечо мужу, сказала: «Успокойся, ты не ребенок», и стала гладить его по мягким каштановым волосам.

Зияд бей перестал плакать, но отвлечься от этой темы так и не смог:

– А теперешние, думаешь, лучше? Будь их воля, творили бы те же гнусности. На сей раз поэт глотнул водку, не дожидаясь его:

– Но я-то в чем виноват, почему ты вымещаешь на мне свою ярость?

Академик будто очнулся:

– Ты так и не поумнел! Я позвал тебя болью поделиться, а ты ерунду мелешь. Хочу, чтобы ты тоже понял, что мы положили свою юность на алтарь ослов. Пока мы ползли на Запад, выгоняя фашистов из Европы, этот сукин сын Сталин выгонял мой народ из Крыма, Северного Кавказа, Грузии, Армении, грабил их дома... Будто мало им было всех тех преступлений, что сотворили они в Азербайджане до 38-го, так они вознамерились сослать отсюда все население. Представляешь? Прогнать всех наших и заполнить город дашнаками. Но потом до них дошло, или кто-то им объяснил, что если отправить в ссылку всех азербайджанцев, некому будет добывать нефть в Баку. Как воевать, если самолеты и танки останутся без горючего? Они не тронули Баку только благодаря нефти. А то, если б могли, не стали б даже выделять на это вагоны и машины, а просто утопили бы весь мой народ в Каспии. Только бы на Кавказе не осталось ни единого тюрка... И пока они в тылу вынашивали эти планы, мы воевали за Сталина. Они бросали моих красавцев-бойцов в пасть смерти... Это подлость! Подлость! Иначе не скажешь! Ты ведь мой земляк-бакинец, был рядом со мной в самые трудные времена! Кому еще говорить мне обо всем этом, если не тебе? Кто поймет меня? Кто остался из тех, кто вместе со мной ползал по тем болотам и часами стоял в холодной воде? Есть ли, кроме тебя, еще свидетели того, каким чудом я выжил на фронте?

– Слушай, друг! Мне кажется, что для тебя война так и не закончилась. Ты идешь по жизни, как по минному полю.

– А что мне еще остается? Скажи, если знаешь иной путь! Вернувшись невредимым с войны, я пообещал себе, что всю жизнь проживу так же, как на фронте. По совести, честно, не сгибаясь... Думаешь, это просто? Как жить среди всех этих бед и предательств? Что еще мне делать? Знаешь, сколько у нас врагов? Куда ни глянь, всюду преступление, коварство, фикция, ложь, кровь... Они убили не только наших людей, но и нашу историю, а вместе с ней и наш дух! Не видишь, что вытворяют армяне? Два века, сидя на коленях у России, они истребляли наш бедный народ, да еще и историю подделывали. А теперь вот на Карабах зарятся. Аппетит у них разыгрался...

Неуправляемый ученый

...Но вопрос Карабаха не касался одного лишь аппетита – дело было куда серьезнее, и обсуждалось это уже далеко за пределами Кавказа. Начатый на заре XIX века процесс переселения в Иреванское ханство Азербайджана армян со стороны с целью превращения этой территории в армянскую область завершился к 1918 году, и появившееся маленькое государство стало одним из площадок систематической тайной борьбы против тюрок. И вот с поддержки Москвы и Европы армяне начали открытую войну, и местное население, то есть азербайджанских тюрок, убивали на их же собственной родине. Кроме того, в Армении вновь – уже в пятый или шестой раз – началась депортация местных азербайджанцев. Армяне со страхом и волнением ждали результатов – если переселенцев из Армении направят в Карабах, ссылка остановится. Потому что, если 250 тысяч человек осядут в Карабахе, у тамошних армян не останется иного выхода, кроме как обменять свои дома с беженцами и переехать в Армению. И хотя простые армяне хотели этого, но те, кто претендовал на Карабах и превратил происходящее в арену для политических игр и достижения дешевой славы, были не согласны с таким раскладом. Они тотчас нашептали Горбачеву, что, если депортированных из Армении разместят в Карабахе, небо тотчас рухнет и начнется апокалипсис. Все равно ведь наивное и трусливое азербайджанское правительство не посмеет послушаться вас, твердили они ему. Что вы говорите, то они и делают. Вот и велите им, пусть размещают переселенцев в больших городах, таких, как Баку и Сумгайыт: большие города, как омут, – вновь прибывшие тонут в них бесследно, не успеют и глазом моргнуть.

Горбачев проникся этой идеей, в тот же день позвонил в Баку и поручил Везинову: «Разместите переселенцев в Баку, Сумгайыте и других больших городах, где нужна рабочая сила!»

Это означало превратить Азербайджан в очаг длительного конфликта – ведь ясно, что люди, потерявшие свои дома в Армении и оставшиеся среди зимы бесприютными на улице, не выдержат, видя, как преспокойно живут армяне в Баку, начнется противостояние, и со стороны будет казаться, что азербайджанцы нетерпимы к армянам. А это, в свою очередь, станет аргументом в пользу правоты армян, стремящихся отделиться от Азербайджана.

Эту игру понимали все, кроме Центрального Комитета Азербайджанской Коммунистической партии в Баку. Только ЦК и первый секретарь Везинов с рабской преданностью смотрели в рот Москве и ждали, что Горбачев разберется в ситуации.

Просматривая лежащие перед ним бумаги, Зияд бей вновь вспомнил годы, когда начинался этот конфликт, потому что большинство записей касалось именно тех событий. Это были заметки о различных проектах и встречах, сделанные им вместе с другом-прозаиком Алекпером.

Материалы, собранные в архиве, он тоже держал под рукой; внезапно эти документы из исторических свидетельств превратились для него в отражение нынешнего дня. Потому что, не успев он найти ответа на чужие подлости, как стали открываться истинные лица своих подлецов, и на глазах у него происходили трагедии, мало отличающиеся от трагедий прошлого. Он не мог найти себе места.

Движение за присоединение Нагорного Карабаха к Армении, начавшееся в 1988 году по тайному знаку Москвы, ввергло в растерянность правительство Азербайджана, свято верившее Центру. Однако народ был начеку. Рабочие фабрик и заводов, студенты, интеллигенция безуданно искали пути выхода из положения.

Эти вопросы каждый день обсуждались в коридорах Академии наук и университетов, в аудиториях, рабочих общежитиях. И большая часть дня Зияда Шихлы про-

ходила на таких обсуждениях, встречах и собраниях, где участвовал и Алтай Гызылбаш. Будто не осталось других разговоров, других забот.

Алтай, которого Зияд бей некогда хотел было прервать на полуслове и прогнать из своего дома за каверзный вопрос, на глазах у академика повзрослел и превратился в одного из главных героев этих обсуждений, не выходявших пока что за пределы четырех стен.

Бойцовский характер заставил Зияда Шихлы активно участвовать в происходящем.

Между обещаниями Горбачева, данными им армянам и мало отличавшимися от указов Петра Первого, между тем как воодушевленные перспективой получить новые земли армяне высыпали на улицы, и между бумагами, которые академик держал сейчас в руках, существовала очевидная связь, и его поражала слаженность действий армян и Москвы и то, с какой последовательностью на протяжении трех столетий продолжается это преступление.

Но власти Азербайджана – родства не помнящие воспитанники комсомольской школы – ничего обо всем этом не подозревали, и поручения их были совершенно иными: «Успокойте народ, мы ведем переговоры с Москвой, все будет хорошо. Закон на нашей стороне».

Если б Зияд Шихлы поверил тем, кто это говорит, и руководству Академии наук, это с его стороны было бы предательством себя самого и пройденного им героического пути. И потому все серьезнее становились их расхождения во взглядах.

Долгие годы этот ученый с помощью серьезных научных обоснований разносил в пух и прах мифы и ложь некоторых армянских историков, и сейчас, как от своего имени, так и от имени ряда своих коллег он писал резкие статьи в ответ на претензии на Карабах, часть которых была адресована непосредственно Горбачеву. Ясное дело, что народ относился к нему с невообразимой любовью, которая вызывала смятение в верхах, и это по секретному распоряжению стало темой для обсуждения на собраниях в Академии наук.

– Забросив все свои научные дела, позабыв о старинных рукописях и исторических многотомниках, наши академики пропадают на площадях среди митингующего люда. Зачем мешать науку и политику? Глава республики говорит: «Успокойте народ», а некоторые наши коллеги присоединяются к этому народу.

Зияд Шихлы не выдержал:

– Уважаемый коллега! Объясни-ка, что ты имеешь в виду? Кто тебе внушил, что в то время, как враг хочет отнять у народа его земли, ученый должен сидеть безвылазно в кабинете или прятаться, как крыса, в архивах?! Армяне хитры, они умеют выдавать свою ложь за истину. Кто должен им отвечать? Конечно, те, кто сведущ во всем этом. Мы же сидим и ждем, когда Центральный Комитет велит нам подготовить ответ на что-либо. Приготовьте этот ответ и опять сидите молча. Кто мы? Ученые, дети этой земли, граждане или ручные зверьки Везирова? Слуги? Заполнили Академию наук недоделанными чиновничьими детьми. Мало того, что они совершенно не разбираются в родной истории и культуре, так даже и на родном языке говорить толком не умеют. Как смогут эти люди, покупающие себе диссертации, способствовать развитию азербайджанской науки? Они, что ли, будут отвечать на вражеские книги, полные вранья и клеветы? У нас всего-то три-четыре ученых, которые на что-то способны, и их вы тоже хотите заткнуть? Если, говоря «присоединяются к народу», ты намекаешь на меня, то ты ошибаешься – я никогда и не отделялся от народа, чтоб сейчас к нему присоединиться.

Доселе молчавший и внимательно слушавший его президент Академии наук произнес:

– Нас не тревожит то, что ты участвуешь в митингах, Зияд! Но когда ты там выступаешь, выглядит так, будто этим движением руководит академия.

Зияд бей уважал президента. Подавив свой гнев, он сказал:

– Лучше б мы в самом деле им руководили. Это было бы честью для нашей Академии наук. Кто, кроме нас, должен отвечать академику Аганбекяну, кудахчущему из Парижа? Я не могу молчать. Народ хочет слушать тех, кого знает и любит...

Все понимали, что спорить с ним бессмысленно. Чуть позже ситуация изменилась. Сверху пришло поручение: «Академия не должна оставаться в стороне от этих дел! » Молодых ученых вытолкнули вперед.

Каждые два дня в круглом зале академии устраивались собрания. Академик, сидевший, как правило, в первом ряду, время от времени поднимался на трибуну и со знанием дела вносил ясность в обсуждаемые вопросы, поражая при этом собравшихся своим юношеским пылом. От голоса его дрожали оконные стекла.

Но в тот день что-то сломалось внутри него. Огромный кусок стекла, выпав из рамы, упал прямо в первый ряд, под ноги академику. Свалилось стекло на полметра левее, и ему крышка. Зияд бей огляделся по сторонам и не увидел на своих местах никого, кроме Алтая; те, кто превращался в тигров, стоя на трибуне, теперь бросились врассыпную. «Пороха они не нюхали», – подумал он, но вместе с тем рассердился и на себя самого за то, что ожидает чего-то от этих трусливых молокососов.

Окружающие удивились невозмутимости Зияд бея. Стали по очереди возвращаться на свои места. Когда все расселись, он покосился на Алтая и со своей неизменной улыбкой на лице покинул зал.

Еще не иссякли его надежды на то, что молодежь объединится и будет действовать сообща; но вскоре он окончательно разуверился в них. В такой сложной ситуации ошибки были непозволительны, а все они, по его мнению, совершали одну ошибку за другой. Нельзя было допускать, чтобы внутренние распри и борьба за власть проникли в народное движение. Увы, многих отправляли на площадь именно с этой целью.

В то же время он смог вздохнуть с некоторым облегчением, закончив свою статью о Сумгайите. Но почти сразу же в нем поселилось одно чувство, вмиг лишившее покоя: если не остановить переселение из Армении, то завтра сумгайитская трагедия может повториться и в Баку, натянутые до предела нервы переселенцев не выдержат при виде того, как соплеменники тех, кто их прогнал, припеваючи живут в этом городе. С этим надо что-то делать...

С этими мыслями он пришел к Второму секретарю Центрального Комитета. Через пять минут после того, как он переступил порог приемной и представился, чиновник принял его. «Хоть он и называется вторым секретарем, но по сути ничем не отличается от наместников царских времен, – мелькнуло у него в голове. – Наш сидит тихонечко, кротко, как ягненок, а решения выносит этот вот».

Коновалов встретил его внешне вполне радушно:

– Как хорошо, что вы пришли, академик! Будто догадались, что я и сам хотел с вами встретиться и собирался пригласить.

– Ну, а я не стал вас утруждать и явился сам... – скрытую иронию в словах академика понял бы каждый, кто хорошо его знал.

Но секретарь воспринял ответ всерьез:

– Дело в том, что некоторые ваши действия беспокоят Москву. Говорят, вы кого-то оскорбили... Мне поручено в этом разобраться.

– Давайте говорить прямо, Коновалов! Я фронтоник. И наука для меня – это тоже поле боя. Кого я оскорбил? Сахарова, пляшущего под дудку своей жены-армянки? Группу миссионеров, отирающихся возле них? Разве вы не знаете, какие цели они преследуют?

Коновалову не оставалось ничего иного, как это подтвердить.

Хоть академик и не думал, что будет поднята эта тема, но за словом в карман не лез:

– Я не оскорбил его, а посадил на место. Сказал, что уважаю его как физика, но с тех пор, как он попал под влияние госпожи Боннер, подчинился ее воле и влез в политику, он сбился с пути... «Я предлагаю вам путь решения Карабахской проблемы!» – говорит он. И что это за путь решения? Оказывается, он собрался открыть Мегринский коридор между Арменией и Нахчываном, отдать Армении Азербайджан и Нагорный Карабах... Что можно было ответить этому старику, послушно следующему указаниям Боннер и Старовойтовой? Ну, я и сказал, что, если уж он хочет дать землю Армении, то пусть подарит ей Краснодарскую область России, на которую она претендует, или окрестности Армавира. Это твои земли, что хочешь, то и делай с ними. Но мои земли не трогай. Что в этом оскорбительного? Он думал, что азербайджанские ученые упадут перед ним на колени только потому, что он Нобелевский лауреат...

Коновалов хотел было что-то сказать, но академик не позволил ему этого сделать и в жесткой форме высказал то, зачем, собственно, сюда пришел:

– Все эти миссионерские игры – дело рук Горбачева. Вы должны им воспрепятствовать! Но сегодня я пришел по другому поводу.

– Я вас слушаю, – проговорил Коновалов, не имея иного выхода.

– Вы повернули назад от Агдама автобусы, едущие из Армении. Почему вы не позволяете переселенцам, поменяв дома, обосноваться в Нагорном Карабахе? Карабахские армяне понимают, что, если в Армении не осталось азербайджанцев, то и их пребывание здесь будет проблематичным. Они умные люди, и сами этого хотят.

– А вот Москва не хочет... – выставил рога Коновалов.

– Почему? Москва не хочет, чтобы ситуация разрешилась?

Он сам прекрасно знал ответ на этот вопрос. Конечно же, нет. Именно в Центре сидят те, кто мутят воду, дают армянам надежду, принимают их взятки и говорят: «Начинайте, мы на вашей стороне».

– Москва опасается, что прольется кровь! – сказал секретарь, взглянув на него своими холодными, как лед, глазами.

Он знал, как трудно разговаривать с этим ученым, который «полагается на свою Звезду Героя и потому своенравничает», много слышал о нем и читал его статьи. Но и он, в свою очередь, полагался на занимаемую должность и считал, что сумеет смягчить академика так же, как и других своих посетителей...

Академик повысил голос:

– А пролитая в Армении азербайджанская кровь Москву не пугает? Если вы знаете какой-то другой способ, скажите! Но я уверен, что, как только эти автобусы направятся в Нагорный Карабах, нападения в Армении прекратятся, или же армяне с азербайджанцами спокойно решат все сами...

«Спокойно!.. » Коновалов несколько раз с сарказмом повторил это про себя. «Пока есть Горбачев, позабудьте слово «спокойствие»! Как старый русский коммунист, в душе он был недоволен политикой Горбачева, но не мог открыто сказать об этом ученому, к которому не питал особой симпатии.

– Вы не учитываете тех, кто сталкивает людей друг с другом. И у вас, и у них полно оружия. Случится кровопролитие, академик, вы перебьете друг друга.

– Откуда у вас эта ложная информация? По приказу Горбачева у нашего народа отобрали даже охотничьи ружья. Судя по всему, в Москве вовсе идет подготовка к схватке, которая должна закончиться в пользу армян. Кровь и так уже пролилась. Если не хотите, чтобы противостояние приняло еще большие размеры, отправьте переселенцев из Армении в Карабах!

– По-вашему, мало с них тех страданий, которые они пережили в Армении, так пусть еще и в Карабахе с армянами столкнутся?

– Вы не о них заботитесь. Если б вы в самом деле думали о них, то не привозили бы в Баку. Не надо пугать народ кровью. Погибнут по пять-десять человек с обеих сторон, а потом все уляжется. А вот если будет по-вашему, там никогда не станет мир. Армяне и турки столетиями жили бок о бок в согласии. Все конфликты начались после того, как на Южный Кавказ пришла Россия. А теперь коварная политика Москвы ведет две страны, две республики прямиком к войне.

Коновалов понял, что у него не хватит терпения вести с этим человеком спокойный диалог. Эти слова дали ему в руки козырь. Поэтому, приподнявшись с места, он выставил в сторону собеседника палец и угрожающе произнес:

– Вы экстремист!

Академик изначально был почти уверен, что не встретит понимания. Ему рассказывали, что Второй секретарь повсюду злословит о нем, выражая недовольство его резкими ответами московским и ереванским ученым. Знал он и то, что большинство жалоб на него, адресованных в Центр, попадает, в результате, в тот кабинет, чтобы Второй секретарь заткнул ему рот. Тем не менее, он не ожидал от Коновалова такого поведения. Этот его ответ, никак не соответствующий должностной этике, был неуважением по отношению к народу, дававшему ему хлеб, а проще говоря, – скотством...

Он молча ждал, что еще скажет секретарь. Но, похоже, Коновалов уже выпустил весь свой пар в этих двух словах. На лице академика заиграла улыбка, смысл которой знали лишь самые близкие его друзья; в глазах засверкала решимость льва, готового броситься в атаку.

Взяв со стола свою феску, он встал. Секретарь сжался в кресле, будто боясь, что академик сейчас набросится на него с кулаками. Зияд бей, словно позабыв, где находится, и в самом деле сделал шаг по направлению к нему, но затем выпрямился во весь свой гигантский рост и взглянул на секретаря снизу вверх – с таких высот, до которых никому не дотянуться:

– Сидишь в этом кабинете, которого недостойн, кайфуешь, катаешься, как сыр в масле, в благах моей родины, черную икру ложками ешь, за копейки покупаешь бесценные работы наших художников или вовсе получаешь их в подарок и при этом считаешь себя мужиком... Лицемерно наблюдаешь за тем, как соседи дерутся друг с другом, да еще называешь меня экстремистом! Ты сам и есть настоящий двуличный экстремист!

Он пошел было к двери, но потом обернулся, ощущая, что в сердце все еще не остыл гнев:

– Слушай сюда, когда я бился с врагом, чтобы защитить русскую землю, ты в драных штанах продавал семечки на базаре. Если задумаешься, кого назвал экстремистом, сквозь землю от стыда провалишься!

Развернувшись, он вышел из кабинета, но уже на пороге бросил достаточно громко, чтобы его услышали в приемной: «Говнюк!»

После этой встречи позиция Москвы стала для него окончательно ясна...

Придя в институт, он позвонил своему другу Рустаму:

– Что делаешь? Есть охота проиграть в нарды?

– Странное время ты выбрал для нардов, – последовал ответ.

– Самое время проигрывать. Давай, спускайся...

Потом они все же договорились, что встретятся в воскресенье на даче у Акпера.

На следующий день он первым делом написал заявление об уходе из Академии наук, полагая, что должен уволиться сам, пока об этом не пришло распоряжение сверху. А в том, что после стычки с Коноваловым такое распоряжение поступит, он ничуть не сомневался.

Как обычно, они собрались на даче у Акпера. Тот тоже был востоковедом, превосходно знал древнюю литературу и порой, находясь в хорошем расположении духа, читал на дружеских застольях стихи Физули или что-то из современных авторов. Но занимался он не наукой, а издательским делом: долгое время проработал директором издательства при Академии наук и там же подружился с Зияд беем, а позже перешел в недавно созданное художественное издательство.

Во время игры в нарды Зияд бей начал пересказывать Рустаму свой разговор с Коноваловым. Отложив в сторону зары, Рустам переключил на него все свое внимание. Зияд бей же, которому не терпелось выиграть, то и дело прерывался на полуслове и говорил ему: «Ну же, давай, кидай!» Но другу очень хотелось узнать, чем закончилась встреча с секретарем. «Ладно тебе, не убежит! До вечера еще сколько угодно успеешь проиграть!» – отмахивался он, сердя этим академика. А выслушав его, сказал: «Влип ты, схлопотал себе лишние проблемы. Он тот еще злопамятный сукин сын».

Зияд бей разнервничался:

– Да ну тебя! Что он мне может сделать! Убить прикажет? Чем я лучше друзей, которых потерял на фронте! Времена уже не те, что прежде. Я всю жизнь шел грудью на пулю. Из каждой схватки возвращался, как с того света. Командиры и товарищи глазам своим не верили. Они давно меня похоронили. С того самого дня, как я согласился возглавить штрафной батальон! Если даже меня миновала бы вражеская пуля, то эта свора воров в законе вряд ли долго терпела бы, что ими командует такой неуклюжий упрямый кавказец, как я. Все так считали. Но штрафной батальон моллился на меня.

– Я слышал это и от твоего однопольчанина, того русского писателя, – вставил Рустам.

Зияд бея будто кипятком обдало. Он вскочил с места, будто собирался схватить доску для нардов и ударить ею Рустама по голове. Но, подавив ярость, сел на место – расстановка фишек была в его пользу, не хотелось все портить.

– Слушай! Ты когда-нибудь человеком станешь? Если Слава не подтвердит, ты мне не поверишь? Когда я защищал честь целого полка, свидетелей рядом не было. Все думали, что я вообще сбежал с фронта. Командир, как только увидел меня, зарорал от злости, а я лежал перед ним, совершенно обессиленный, весь в грязи. А когда они перевернули меня, чтобы понять, жив я или мертв, то увидели под курткой обернутое вокруг тела знамя полка. Если б я умер в пути, полк был бы ликвидирован. Тебе этого не понять... Потом командир извинился передо мной...

– Ждешь, чтоб я тоже извинился?

– Нет, жду, чтоб ты проиграл.

Рустам улыбнулся:

– В нардах уступок не бывает. Тут не поможет ни звание Героя, ни десять «Золотых Звезд»!..

Он гордился своим другом, и эта перебранка с Коноваловым бальзамом разлилась по его сердцу.

– Но сегодня за то, что ты сказал Коновалову, так и быть, я не стану тебя обыгрывать!

Академик опять рассердился:

– Довольно!

Он часто употреблял это слово. Взяв с доски зары, он сунул их в руку Рустаму.

– Ну-ка, бросай! Как говорится: «Плохому танцору яйца мешают».

Акпер и Алтай Гызылбаш, работающий теперь вместе с ним в издательстве, а точнее, являвшийся уже главным редактором этого издательства, накрывали на стол, слушали их нескончаемый спор и пересмеивались...

Одной из причин, почему он так охотно приехал сегодня на эту дачу, было желание свести счеты с Рустамом в нарды, а второй причиной – потребность посоветоваться с Акпером и Алтаем, поговорить с которым на собраниях не хватало времени. У Акпера был широкий круг общения, человек он был информированный, а на последней Международной книжной выставке в Москве после окончания рабочего дня даже встречался с исчезнувшим Аксакалом – Алтай был тому свидетелем, но не знал, о чем они говорили.

Зияд бей уважал Аксакала, верил ему и хотел узнать его мнение о происходящем. «Если он не придет, ничего не исправится», – говорил он без утайки.

Академика очень радовало, что Алтай перешел из газеты в издательство к Акперу, да еще стал аж главным редактором, и, несмотря на то, что тот ему в сыновья годился и лишь недавно присоединился к дачным посиделкам, относился к нему, как к старому другу. Этому способствовала также и одна история, рассказанная Акпером.

Оказывается, Акпер некогда знал Алтая по одной его статье, посвященной издательству при Академии наук, и когда в новом издательстве понадобился заведующий отделом, первым ему на ум пришел именно Алтай. Он убедился, что, помимо редакторских способностей, Алтай обладал также отменной принципиальностью, прямолинейностью и беспристрастностью в оценке художественных произведений, был человеком честным и надежным. В это время освободилось место главного редактора издательства. Не ставя в известность ни Акпера, ни Госкомиздат, а точнее, через их головы, Союз писателей отправил в Центральный Комитет письмо с просьбой назначить на эту должность племянника Председателя Верховного совета, и даже получил согласие. Узнав об этом, Акпер чуть с ума не сошел оттого, что его, директора издательства, ни во что не ставят и не советуются с ним, перевернул с ног на голову Госкомиздат, а потом пошел в Центральный Комитет. Благо, у него были хорошие отношения с заведующим соответствующим отделом. Явившись к нему в кабинет, Акпер стал строчить заявление об уходе. Завотделом забрал у него заявление и разорвал со словами: «Это ты создал издательство и поставил его на ноги, так что не можешь просто так взять и уволиться».

Акпер вышел из себя: «А можно так просто взять и назначить без моего ведома в это издательство редактором не известного мне человека? Нет уж, или я, или он!» Завотделом попытался по-дружески его переубедить: «Это может обидеть Председателя Верховного совета, Союз писателей...» Но Акпер уперся и стоял на своем. Наконец, завотделом спросил: «Ладно, с кем ты хочешь работать?» «С кем-то из нашей среды!» «Например?» «Например, Алтай Гызылбаш! Я хорошо его знаю. И с тобой мы много раз о нем говорили. Что ж теперь, если у него нет родственников и знакомых в верхах, значит, позволено им пренебрегать? Как можно вместо него приводить в издательство кого-то, кто не идет с ним ни в какое сравнение?» Таким образом, в считанные часы Алтай становится главным редактором издательства, причем сам об этом и не подозревает.

Вечером того же дня, увидев приказ о своем назначении, Алтай глазам не поверил. «Но тот самый человек с высокопоставленным дядюшкой уже пришел посмотреть свой будущий кабинет и даже отвез своих друзей и секретарей Союза писателей в Мингячевир, чтобы обмыть это событие...» – сказал он.

«Приятного им аппетита», – усмехнулся Акпер. – «Пусть обмывают!»

С тех пор прошло несколько лет, и они стали закадычными друзьями...

На душе у Рустама скреблись кошки. Хотя он и радовался тому, как смело Зияд бей высказал все в лицо секретарю, но переживал, что это будет иметь последствия...

А мысли самого академика полностью занимали его книги, письменный стол, ответы клеветникам. Теперь список этих дел пополнился еще и стопкой папок, поджидавших его в архиве. Ему казалось, что, если он не выявит и не продемонстри-

рует скрытые в этих папках трагедии, репрессии, направленные на уничтожение его народа, если не отыщет черный список приговоренных к смерти тюрок, то и сам станет одной из жертв этой машины, будет уничтожен без следа...

Спустя несколько дней после встречи на даче, Рустам позвонил ему:

– Как насчет того, чтобы выпить-закусить? Потом, так и быть, проиграю тебе пару партий!

Нетрудно было понять, что он хочет о чем-то поговорить.

– С чего это вдруг? «Шахнаме» переиздали, что ли? – с нарочитым удивлением спросил Зияд бей.

Не придав значения этой шутке, Рустам пояснил:

– Да нет же! Тебя можно поздравить, отправили твоего приятеля восвояси!

– Какого еще приятеля? О ком ты?

– Да что тут непонятного! Коновалова сняли по твоей милости! Ну, ты даешь! Такую глотку перегрыз!

Наконец, до академика дошло, что к чему:

– Да его глотку и собака бы грызть не стала. Я тут ни при чем. И кого же назначили?

– Некого Поляничко. Я полчаса потратил на то, чтобы запомнить эту фамилию. Готовься, будешь и с ним бодаться.

– Оставь свои шутки! У Горбачева все заботы только о том, как бы заставить нас замолчать.

Боевой настрой

К сотням тысяч людей, собравшихся на площади, он также вышел с боевым настроем. Он нырнул с головой в это людское море, и оно, подняв его на гребни своих бушующих волн, вынесло на трибуны, рядом с руководящим митингом Алтаем. Увидев молодых людей, которые, словно флаги, держали в руках последнюю книгу Алтая и жаждали получить автограф, он наглядно понял, сколь огромной читательской любовью пользуется творчество его друга. Ему стало отраднее от осознания того, что вся эта толпа верит именно поэту и журналисту, и, дабы поделиться этой радостью, вечером он позвонил Акперу: «Сходи-ка на площадь и посмотри на своего главного редактора! Посмотри, в какого героя превращается на трибунах этот тихий и скромный, по твоим словам, человек! Посмотри, как он часами говорит, а народ слушает его, затаив дыхание». «Я ни чуточки не удивлен! – парировал Акпер. – Мне давно уже известно, на что он способен!»

Впервые за долгие годы академик вновь увидел перед собой силу, тысячи солдат, готовых ринуться в бой по одному его слову. Какое же приятное это было чувство, доказывающее, что жизнь проходит не впустую.

Он прекрасно понимал, что так же, как и его научные работы, эти выступления на площади разоружают противника и вызовут новый шквал критики в его адрес.

Поэтому совсем не удивился, когда после очередного выступления прямо на площади ему вручили «смертный список». В этом списке его имя и имя Алтая стояли рядом. «Мало того, что они сгноили в Сибири наших великих поэтов, так теперь и новое поколение, пришедшее им на смену, хотят сделать жертвами своего террора», – подумал он. Не имея достойного ответа, они прибегают к ответу иного рода – разрешению на убийство. И, увидев, что в этом составленном в Ереване списке его собственное имя значится первым, он с присущей ему насмешливой улыбкой оглядел толпу вокруг и со словами «Да пошли они на х...» аккуратно сложил бумагу и спрятал ее в карман.

– И кого они пытаются таким образом напугать? Я боец, и для меня нет большей чести, чем погибнуть в бою. Что с того, что сейчас я занимаюсь наукой?! Наука – тот же фронт, и я воюю на этом фронте!..

Его спокойствие развеяло напряжение и тех, кто передал ему список. Многие годы никто не мог противостоять уму, знаниям и логике, с которой он вытаскивал наружу самые скрытые моменты истории Востока. Но теперь времена изменились, в ход были пущены насилие, коварство, усыпляющая дипломатия. Отвечать тем, кто, напав на себя личину фальшивой демократии, шел на него, вооружившись оружием Горбачева и Сахарова, означало пойти на открытую конфронтацию с властью. Вся надежда на сам народ, на эту площадь. Но площадь похожа на огромное одеяло – кто сильнее, тот и перетягивает его на себя.

Внезапно ему подумалось, что лист бумаги, лежащий у него в кармане, не что иное, как продолжение того черного списка, который он искал в архивах; список этот пишется и пополняется с самого начала XX столетия. И жертвы репрессий 1937 года составляют лишь часть его. С точки зрения власть имущих и их подручных, дело еще не было завершено. Нужно собирать сливки с каждого нового поколения тюрок. И не важно, что вчера указ об этом давал Сталин, а сегодня – Горбачев. Вчера это совершалось руками Микоянов, Мирзоянов, Маркарян, Хаванесянов, а сегодня топор палача перешел в руки Балаянов, Капутикянов, Тер-Петросянов, Аганбекянов и других, кто давно позабыл человечность, соседство, истину. То есть искать этот черный список следует не в Баку, а в Москве и Ереване...

Неуправляемый и драчливый, хитрец и матерщинник, ни во что не ставящий своих оппонентов... Каких только ярлыков на него не навешивали. Но мало кто задумывался, откуда все это взялось. А если б и задумались, то вряд ли отыскали бы причину. Только Махира ханым, которая была для него больше другом и соратником, нежели просто женой, да еще пара-тройка фронтовых товарищей знали, какие потери и трагедии породили этот его бунтарский нрав, и какое ранимое и чувствительное сердце скрывалось за этой его жесткостью.

Он не любил рассказывать посторонним о страданиях, пережитых на войне. «Было и прошло. Кому теперь нужны эти воспоминания!» – уходил он от разговора. Отечественная война была для него неприкосновенной, священной темой. И не только потому, что всю войну, с первого до последнего дня, он провел на самых опасных участках фронта. И не потому, что был прирожденным бойцом, после окончания школы подал документы в военно-авиационное училище, а когда там ему отказали, сославшись на слишком высокий рост, поспешил в пехотное училище и, чтобы быть принятым, даже соврал, что он на два года старше, чем был на самом деле. Получив диплом, он сразу же отправился служить и был среди тех, кто в начале войны первым принял на себя удар в Бессарабии. В качестве разведчика много раз проникал в стан врага. А в тот самый период, когда ему впервые было присвоено звание Героя Советского Союза, дал резкий отпор высокому чину, оскорбившему азербайджанских солдат, плохо говорящих по-русски, за это был лишен награды и отправлен командиром в штрафной батальон. Штрафбат состоял в основном из осужденных преступников, которых он провел сквозь самые ожесточенные бои, тем самым прославившись на всю страну, дважды был тяжело ранен, 35 лет носил в ноге осколок вражеской пули, сумел, несмотря на тяжелое сотрясение мозга, победить противника в рукопашной схватке, и, наконец, был во второй раз удостоен звания Героя, вошел в Берлин с «Золотой Звездой» на груди, а после окончания войны участвовал в наведении порядка в побежденном городе...

Все это было. Но самый неизгладимый след в его душе и в его натуре оставили друзья, с которыми он воевал плечом к плечу и большинство из которых потерял. Скольких из них он своими руками похоронил в чужой земле. В одном только бою из 670 солдат уцелели лишь 47.

Что это означает? Каждый из них был надеждой и опорой какой-то семьи, каждый был украшением своего края... Какое чудо уберегло его самого?

Трудно сказать. В те времена в газетах постоянно писали о том, как смело он бросается в бой, как непоколебимо идет навстречу смерти. А сам он не забывал слова цыганки, встреченной в первые дни войны и чуть ли не силком ему погадавшей. Даже не веря этому предсказанию, он все равно помнил его во время самых безнадежных боев: «Ты выйдешь из многих, казалось бы, безвыходных ситуаций и, с честью пройдя сквозь смерть, поднимешься до звездных высот». В их доме жила его золовка, одна из свидетельниц тех лет. Она также провела на фронте всю войну от начала до конца и прошла трудный боевой путь...

«Карабах! Карабах!» – твердят армяне. Бог с ней, с историей, но всем известно, что они переселились в эти края лишь сто пятьдесят лет назад. Те христиане, которые жили тут прежде, не имели к армянам никакого отношения... Говоря о Карабахе, он мог бы часами рассказывать о древней албанской истории или о культурных деятелях, вышедших из этих мест. Но слово «Карабах» вызывало у него совсем иные ассоциации: карабахские солдаты, потерянные им в бою, его друзья, среди которых были и армяне... Столько времени прошло с той поры, но воспоминание об одном из них, рассказанное золовкой и записанное Махирой ханым, всякий раз заставляло его плакать. В самый разгар боя его золовку, на тот момент – молодую медсестру, – позвали к тяжело раненному солдату, который искал кого-то из земляков. Солдат, увидев подошедшую к нему смуглую девушку, спросил, азербайджанка ли она? «Да!» «Сестра, попричитай надо мной, как принято в наших краях, хочу в последние минуты жизни слышать родную речь...»

На этом моменте академик не мог сдержаться... Господи, сколько же подобных воспоминаний – невысказанных и вместе с тем показывающих величие человека – связано с войной! Говоря «За Кавказ! За свободу!» мы не знали никаких различий... Азербайджанцы, грузины, армяне... все мы были едины. Но, оказывается, когда мы там воевали не на жизнь, а на смерть, здесь были те, кто выносил смертные приговоры нашему народу. Целью их было полностью выселить нашу нацию из Баку и заполнить его кем-то другим... Лишь чудом или, быть может, благодаря нефти удалось спастись этому городу и нашим родным и близким, живущим в нем...

Да, он своенравен, потому что отдал родине лучшие годы юности и никогда не прятался в тени героической славы, всю жизнь без продыху трудился и, не устав от пути, предсказанного цыганкой, после войны поднялся до звездных высот науки. Верно, он матерщинник, но как еще мог он каждый день отправлять в бой сотни бойцов, присланных на фронт напрямую из тюрьмы, смелых, как тигры, и не знающих иного языка, кроме блатного жаргона. И феску он носил не для того, чтобы выделиться, нет – после полученной некогда травмы ему нужно было беречь болевшую всю жизнь голову.

Как могли понять его те, кто не ходил по дорогам войны и понятия не имел, ценой жизни скольких людей была спасена эта страна? И вот теперь некий Горбачев куролесит, лжет всем напропалую, а страна разрушается на глазах.

Свобода, независимость – красивые слова. Он тоже желает независимости своего народа и воссоединения с большей частью, находящейся на иранской стороне. Может, он желает этого больше всех остальных, потому что отец его был военным переводчиком, работал в Иране, и многочисленные рассказы о тамошних азербайджанских тюряках с раннего детства засели у него в памяти. Но то, что творит Горбачев, – это не демократия, а срамливание народов друг с другом и превращение такого райского уголка, как Кавказ, в кровавый омут. «Ведь я не так относился к России, я любил ее, сражался за каждую пядь ее земли, а оставшиеся в тылу работали день и ночь... Так почему же Горбачев считает меня чужаком и хочет отдать кому-то мою землю? Какими своими заслугами он превосходит меня?»

Все это написал он открыто, позвонил некоторым ученым и фронтовым друзьям, встретился с кем-то дома, а с кем-то – на работе. Почти все охотно подписались под его посланием. Хотя были и те, кто отказался. «И это тоже своего рода испытание», – подумал он. В мирное время не подписать письмо, защищающее интересы твоего народа, – это все равно, что во время войны сбежать с фронта.

Горбачева они боятся, что ли? Почему? Я еще по Ставрополю знаю, что он из себя представляет; понятия не имеет о том, чем живет народ, пляшет под чужую дудку. Он не успокоится, пока не развалит эту страну.

А нам нечего бояться. Да и тех, кто был прежде, мы тоже не боялись. Когда Брежнев увещивал себе грудь Звездами Героя Советского Союза, он и ему написал: «Не унижайте народ только потому, что обладаете властью. Эти Звезды получают за героизм, а не за исполнение служебного долга!»

После того письма в Баку прискакал переполненный чувства собственного достоинства московский чиновник. Это еще что значит? Что за смелость? Что это за человек, который пишет Генеральному секретарю такие вещи? Академик не пошел на встречу с ним. Гость сам, в окружении нескольких местных подхалимов, явился к нему в Академию наук. Всю дорогу он спорил, что, наверняка, не существует этого самого академика, который к тому же еще и Герой Социалистического Труда, и Герой СССР. Насилу ему объяснили, что человек этот существует, и, если уж на то пошло, он не одиножды, а дважды Герой СССР.

Ученый принял гостя спокойно и попытался обосновать свое письмо Брежневу. Времена-то мирные, каждый выполняет свои обязанности, в стране не происходит ничего сверхъестественного и царит, как вы сами говорите, полное благополучие. И где же он умудрился проявить героизм в таких условиях? По какому моральному праву глава государства может сам себя наградить? Но, видя, что чиновник ничего из сказанного не понимает, он перешел на иной тон – благо, командование штрафбатом научило его, если надо, не выбирать выражений: «Тупица ты этакий! Кто ты такой, что приперся сюда? Я таких подонков, как ты, много видел! Что думал, то и высказал в том письме! Какого черта, вместо того, чтобы сделать выводы, вы сюда притащились? Тысячи моих друзей ради этой страны отдали свое право на жизнь. А теперь еще и права слова нас лишит хотите? Если нужно будет, я и сам приеду и выскажу ему в лицо куда больше, чем написал».

Видя, что этого человека невозможно ни напугать, ни наказать за логически аргументированные высказывания, чиновник отправился восвояси, поджав хвост.

А поехав вместе с Генеральным секретарем в Берлин на празднование годовщины победы, академик и ему излил накопившее: «Нельзя обесценивать звание Героя. Мы получили его, проливая свою кровь...»

Быть таким смелым ему позволяла не только «Золотая Звезда» на груди; наряду с врожденным бойцовским духом, смелости ему придавало также и осознание ценности всего, что он сделал. Да, как ни крути, эта страна – называй ты ее хоть СССР, хоть видоизмененным продолжением царизма – была страной, которую он защитил. Начиная с Кавказа, вдоль Волги и берегов Черного моря, по Бессарабии и Белоруссии... ползком прошел он эти земли. Потом пересек Польшу и Германию. Там остались могилы, которые он своими руками вырыл для самых близких друзей. Вместе они спасли мир. Батальон, которым он командовал, семь раз был уничтожен и собран вновь... Были среди его друзей и армяне; кому на ум могло прийти, что однажды они будут нападать друг на друга, чтобы поделить то, что защитили.

Московская партийная бюрократия настолько зажралась, настолько измазалась в преступлениях, что теперь, чтобы из всего этого выкрутиться, не может придумать ничего лучше, чем развалить страну. Дай народам и республикам экономическую свободу, расширь их права, избавь от необходимости спрашивать у тебя разрешения на любой чих, пусть они будут независимы, но близки, как в Евросоюзе.

Ломать – не строить, ломать легко... Но задумывался ли кто-то о последствиях? Москва, где он учился, Петербург, библиотеки и архивы которого перелопатил сверху донизу, Ташкент, где выросла его жена, Северный Кавказ, где жил его сын, Тбилиси, куда частенько приглашали его друзья, Ереван, куда он ездил вести научные дискуссии и сажать на место соперников... Что плохого в том, что все они вместе?

Он имел право так рассуждать. Потому что часть жизни посвятил изучению тюркской истории и даже считался в Узбекистане национальным героем за то, что был одним из лучших исследователей узбекской истории. Иногда помогал грузинским коллегам, переводя могущие заинтересовать их материалы из древних восточных источников. На встречу с коллегами он всегда ездил, как на праздник. И всем этим он служил не какому-то конкретному народу, а всему человечеству. И потому осознавал и не скрывал то место, которое сам занимал в мировой истории, кровью и потом оберегаемой.

Конечно, сейчас трудно озвучивать такие мысли, толпа не поймет. По вине тех, кто должен был сохранить Советский Союз, противоречия сильно углубились. И в конфликте с армянами, и в том, что народ жил в нужде, и в том, что богатства, которые удалось отстоять во время войны, теперь выставлены на аукцион – во всем этом повинна Москва, город, ставший свидетелем его юности и первой любви, город, где появились на свет его дети... И теперь, дабы замести следы своих преступлений, она хочет разрушить Союз.

Тяжко в его возрасте отрываться от того, что любил, во что верил, что защищал. Стремление убежать от Центра достигло таких масштабов, что предотвратить этот развал уже невозможно, но хоть бы этот процесс проводился с умом, без крови и вражды.

Он знал, что тех, кто запустил машину лицемерной политики, невозможно переубедить и остановить никакими историческими истинами и старыми документами. Но вместе с тем бездействие было ему совершенно не свойственно, он попросту не мог сидеть, сложа руки. По мере сил влияя на доморожденных армянских ученых, заражающих свой народ выдумками и мифами, он будет предъявлять истинные свидетельства прошлого тем, кто искажает историю. Но ему не позволяют делать этого и медленно, шаг за шагом, подталкивают его народ к войне. Число выселенных из Еревана – бывшего Иреванского ханства – достигло уже двух миллионов. А теперь они уже и в Карабахе оскорбляют, мучают, убивают и гонят азербайджанцев, не могущих оказать сопротивления голыми руками. А Советская армия, предмет его гордости, им в этом помогает.

Как же тяжело наблюдать за всем этим человеку, который на протяжении всей своей научной деятельности не прерывал связи с армией, часто встречался с военными, делился с ними своими фронтовыми воспоминаниями. В конце 1988 года в Баку была направлена армия для разгона мирных митингов. Но люди вкладывали гвоздики в дула несущихся на них, словно железные ястребы, танков, и солдаты обнимались с бакинцами, участвовавшими в Афганской войне. Увидев это, московские армянофилы временно отступили. В этот период из Еревана вместе с азербайджанцами был изгнан также и последний русский. Центр этого словно бы не замечал, хотя комендантский час и военное положение в Баку утратили уже смысл, диверсия не прекращалась. Теперь московская пресса день-деньской писала о радикальности азербайджанского Народного Фронта, о том, что они хотят ликвидировать границу с Ираном и создать единый Азербайджан, что притесняют армян. Получается, что одна сторона зверски изгоняет азербайджанцев, и никто ни слова ей за это не говорит, а другую сторону обвиняют в притеснении армян. Это были времена, когда тысячи беженцев из Армении оставались бездомными на улицах Баку, Сумгайыта, Гянджи, а сотни армянских и русских граждан продолжали жить спокойно, смешавшись с азербайджанцами. И то, что народ все еще это терпел, тоже поражало.

Не удалось повторить в Баку сумгайытские события: руками самих же армян убить нескольких их соотечественников, повесить это на азербайджанцев и на весь мир обвинить их в «нетерпимости к армянам».

Весь 1988 год народ терпел, веря обещаниям местных властей. Московские чиновники морочили людям головы постоянными визитами в Баку и выступлениями по телевидению.

Академик чувствовал, что за этим относительным спокойствием скрывалась какая-то грязная игра. В середине года он получил удар под дых, узнав, что в недавно созданном Народном Фронте появилось радикальное крыло, которое собирает вооруженные формирования якобы для того, чтобы защищать родину. Нужно было быть слепцом, чтобы не видеть, что правящая власть роет колодец для Фронта. Московское телевидение и газеты лезли из кожи вон, чтобы представить азербайджанцев как исламских фундаменталистов и врагов русских и армян.

Более того, теперь они хотели взять Баку в осаду, отрезав его от внешнего мира, чтобы, якобы, «предотвратить свержение законного правительства Азербайджана вооруженным с ног до головы Народным Фронтом». Будто на неприятеля шли.

Он переживал самые горькие моменты своей жизни. У него не было никакой возможности противостоять этому предательству Москвы. Дни и ночи напролет он писал, чтобы хоть как-то успокоить мятущееся сердце.

С несколькими недавно написанными статьями в кармане, с трудом передвигаясь под грузом тяжелых мыслей, медленно поднялся он в редакцию на третьем этаже. В созданной Алтаем газете «Азербайджан» – пока что единственной независимой и демократической газете республики – он публиковал серию своих статей о репрессиях 30-х годов. Наряду с работой в издательстве Алтай восстановил при созданном здесь общественном объединении одноименную газету, издававшуюся в 1918-1920 годах, и стал ее главным редактором. В редколлегиях, состоящую сплошь из представителей интеллигенции, входил также и академик Зияд Шихлы. Газета пользовалась большой популярностью, каждый ее выпуск передавался из рук в руки, и поэтому Зияд бей охотно печатал в ней свои работы о репрессиях, от которых в страхе шарахались официальные газеты.

Но была еще одна причина, почему он так запросто входил в эту дверь.

К созданию этой газеты, не привязанной к государству, появившейся в результате свободы слова и прозрачности, вместе с Алтаем и еще группой друзей приложил руку и сам академик. Эта газета с полумиллионным тиражом, все экземпляры которой раскупались в мгновение ока, а каждый номер сотрясал правительство, еще больше укрепила уважение к Алтаю, заработанное им благодаря книгам и выступлениям на площади.

Стоило ему переступить через порог, как работники редакции собрались вокруг академика.

Хоть Алтай и встретил его в хорошем настроении, от внимания Зияд бея не ускользнуло, каким усталым было его лицо:

– Что с тобой? Всю ночь вагоны разгружал, что ли?...

Алтай знал, как тонко все чувствовал академик да и, честно говоря, рад был, что он затронул эту тему:

– Несколько дней уже спорю и препираюсь с вашим другом, – сказал он.

– С каким моим другом? Ты Акпера имеешь в виду?

– Акпер – умный человек, я не о нем, а о директоре, которого привели на его место, – тихо промолвил Алтай. – Он ведь тоже вроде много лет проработал в Академии наук под вашим началом?

– Верно, Натик, как и Акпер, сперва работал у нас. Тихий, спокойный человек...

– Да, и этот спокойный человек, который думает только о себе и часто бахвалится вашей с ним дружбой, зная о том, что газету нашу недолюбливают наверху, а

может, и по поручению этих самых верхов увольняет меня из издательства. Несомненно, в этом сыграл свою роль и наш конфликт во время митингов в 1988-м. Говорит, мол, у тебя есть еще и второе место работы, и там ты зарплату получаешь... А я не могу ему объяснить, что газета для меня – это общественная деятельность, и денег за нее я не получаю. Он уже и приказ написал о моем увольнении.

Академик закурил:

– И что теперь? Получается, что ты, столько всего сделав для этой газеты, работаешь за двоих, а взамен остаешься без зарплаты?

– Не это главное. Главное – его невежество. Прекрасно ведь знает, какую славу заслужила наша газета по всей стране, сколько писем мы получаем из регионов. Будь он нормальным гражданином, сам бы создал условия, помогал бы, потому что это дело общенационального значения. Сколько дней я на него потратил. Пытался объяснить, что он не может уволить меня с работы, что у него не хватает на это полномочий, что этим должна заниматься коллегия комитета. А он ни в какую. Ну, я и вынужден был написать председателю комитета. Ведь они там знают законы в отличие от него?! Приказ отменили. Но сколько нервов потрачено.

– А что сказал Акпер? Это он привел Натика на свое место, когда стал заместителем председателя комитета. Натик – близкий друг Акпера, а не мой.

– Что он может сказать? Защищал меня. Но я все же высказал все, что думаю. Что в нашем издательстве не место таким невежественным эгоистам. Мол, вы привели его, а все сотрудники недовольны... В общем.

Академик положил на стол очередную статью. Увидев заголовок, Алтай сразу же позабыл то, о чем говорил:

– Вы хоть понимаете, какое великое дело делаете? Нужно как можно скорее выпустить эти статьи отдельной книгой!

Но ученого заботило другое:

– Об этом потом! Скажи-ка мне, чем вы там занимаетесь в Народном Фронте?

– Чем мы можем там заниматься... Двуличием.

– Каким еще двуличием, дорогой мой?! Разве сейчас время разделяться?

– Интеллигенция, не желающая, чтобы мы разделялись, не должна была оставлять нас с первых дней одних.

Зияд бей внимательно посмотрел на него:

– Что собирается делать Народный Фронт? Вы сумеете, взяв в руки оружие, защищать Карабах?

– Откуда у нас оружие!

– При слове «фронт» мне представляются дороги, тянущиеся от Кавказа до Берлина. Одними только словесными баталиями дело не ограничится. Страна и так полным-полна пустозвонами. Включая власть имущих...

– Ну, если это вам не нравится, можете создать свой собственный фронт или возглавить наш. Мы же приглашали вас на съезд...

– От их общества у меня мигрень начинается! – рассердился академик. – Что ты мне предлагаешь? Чтобы я терся среди своих аспирантов, не умеющих за год одну статью написать и за десять лет кандидатскую защитить? Чтоб присоединился к молокососам в какой-то непонятной организации, неведь кем созданной и пародирующей фронт?

– Вы один из главных героев площади.

– Площадь – это совсем другое! Вы забыли о том, за что боролась эта площадь. Метод управления, который выбрал ваш Фронт, – это сплошное неуважение к народу. По каким признакам вы отбирали этих людей, на что они способны?

Академик считал Алтая одним из своих друзей, которых было не так уж много; ему импонировали его искренность, откровенность, смелость; он замечал некоторую схожесть между ними. И, к тому же, когда большая часть нынешних членов Народ-

ного Фронта спокойно спала, они с Алтаем вместе выходили к толпе, и никто не мог отрицать их вклада в организацию первых митингов. В районах республики создавались ячейки Народного Фронта, куда активно вступало население – все это началось после их обращения, их да еще нескольких интеллигентов. И сколько бы ни били себя в грудь те, кто подключился к этому позднее, Алтай слишком скромен, чтобы выставлять напоказ свои заслуги. Но академик все видел. И скрывать своего мнения не стал:

– Не хочу тебя обижать. Но, если бы ты спросил меня, я не согласился бы, чтобы ты в этом участвовал. Твоя газета сама по себе – отдельный фронт. А с этими кашами не сваришь. У них совсем другие цели, и именно поэтому нет среди них единства и согласия.

– Вы знаете мою позицию! – Алтай уклонялся от спора.

– Нельзя, чтобы армия вошла в город. Если это случится, они будут мстить народу, годами не захотят отсюда выходить. Мы не сможем помочь Карабаху. Они хотят попасть сюда не для того, чтобы навести порядок, а чтобы защитить армян и заткнуть вас. В этой газете мы хотя бы слово свое говорить могли. А если и она закроется...

Главный редактор задумался:

– Такую же неразбериху хотели устроить и во время восемнадцатидневного митинга в 1988-м. Хотели, чтобы сумгайитский сценарий продолжился в Баку. Но мы им этого не позволили.

– Вновь иди дорогой, в которую веришь. Клятвы московских посланцев по телевизору – пустой звук. Если сюда явится армия, она непременно войдет в Баку. Чтобы не давать повода для этого, вы должны очистить дороги, убрать из Фронта тех, кто мутит воду, и показать, что это мирная организация.

– Можно подумать, Москва не знает, чем занимается Народный Фронт, и чего он хочет?

– Москва все прекрасно знает, и, возможно, сама управляет строительством тех баррикад. А вдруг и оружие кому-то раздаст? Поставит на крыши домов пулеметы, чтобы создать видимость военного сопротивления Баку Советской армии...

– Думаете, я все это им не говорю? Мы много спорили. Сколько я кричал: у Везирова есть свои военные части, своя милиция, а он надевает военную форму на активистов с заводов и из университетов, давая тем самым козырь в руки Москвы. Перекрывать дороги, забираться безоружными в окопы и произносить героические речи – значит рыть самим себе могилу. Если они захотят, то на парашютах скинут танки в центр Баку.

Зияд бей поднял эту тему для того, чтобы ослабить напряжение в Народном Фронте и помешать вводу армии в Баку. Он вел такие разговоры не только с Алтаем, но и со всеми знакомыми им членами правления Народного Фронта. Но чувствовал, что события вышли из-под контроля Фронта, и в нем самом царит разлад. Не стоило ему ввязываться в дело, с которым не справляется Совет обороны. Ложь московских органов о том, что Баку якобы вооружается, свидетельствовала о подготовке тайного предательского плана. Если так пойдет и дальше, то и в самом деле придется вооружаться, но пусть это начнет само руководство...

...И хотя в городе постоянно говорили об этом, военная машина не запускалась, и академик знал, что это означает.

В один из таких напряженных дней в его доме зазвонил телефон.

– Зияд!

Он узнал голос Евгения Примакова.

– Зияд! Я в Баку. Нужно встретиться.

- Женья, думаю, ты не забыл, где я живу!
- С удовольствием! Я соскучился по чаю с вареньем Махиры ханым.
- Во сколько тебя ждать?
- Времени мало. Через два часа буду у вас!

Политика, должность и происходившие в стране события не изменили его старых студенческих друзей.

Варенья, приготовленные Махирой ханым, стояли на столе, а вдобавок на плите томила кастрюля с пловом. Разумеется, гость не отказался ни от плова, ни от стопки, налитой, по привычке, хозяином дома.

Академик еще не потерял надежды. Его университетский друг был одним из влиятельных людей страны. Может, он сумеет что-то изменить:

– Евгений! Вы задумываетесь над тем, что творите? Войска ошиблись адресом. Оставив в стороне армянских сепаратистов, еще год назад извергающих пламя в адрес Москвы, они идут на нас.

– Мы не виноваты, Зияд! Это ваше руководство их позвало. И неделю назад Горбачев подготовил приказ о введении войск в Баку, в важные промышленные города и приграничные районы Азербайджана и об объявлении комендантского часа.

– Каждый день чиновники из Москвы твердят, что армия не придет в Баку, клянутся, наизнанку выворачиваются, чтобы народ в это поверил. А наши нахально объявляют о вызове этой самой армии...

– А что еще они могут сказать? Они ведь в самом деле ее вызвали. Чтобы сохранить свои кресла.

– А Москва и рада стараться, не так ли?

– Ты лучше меня знаешь эти механизмы. Что нам делать, когда убираются границы с Ираном?!

– Друг мой, здесь Баку, а не иранская граница.

– Но все управляется отсюда, – терпеливо сказал Примаков.

– Мы еще не забыли войну с немцами, Женья. Разве можно, перечеркнув все тогдашние заслуги Баку, нападать на него теперь таким образом? Это ведь Баку выручил СССР. Если б приехала одна небольшая группа, можно было поговорить и все уладить.

– Думаю, уже поздно. Но, чтобы совесть моя была спокойна, приходи вечером в ЦК. Скажешь там все то же самое.

Зияд бей вдруг заговорил о другом:

– А когда вы покончите, наконец, с Горбачевым?

Примаков замялся.

– Только не вздумай спрашивать такое вечером...

Зияд бей рассмеялся:

– До меня доходят некоторые слухи, потому и спрашиваю.

Примаков прищурился:

– Кто знает, может статься, что сейчас ты пьешь с будущим руководителем страны.

– Почему бы и нет! – сказал Зияд бей.

...На вечерней встрече присутствовали практически все силовые министры СССР. Академика встретили с особым почтением. Его хорошо знали. К тому же Примаков сообщил, что их связывает сорокалетняя дружба, что это не простой человек и, смеясь, добавил: «Будьте осторожны, если вы его чем-то заденете, он обрушит этот стол вам на голову, не глядя на все ваши генеральские и маршальские звания».

Беседа затянулась за полночь. Общая позиция была ясна; «Товарищ Горбачев очень доверяет нынешнему правительству Азербайджана. И армия будет защищать это правительство». «Ну, разумеется, Горбачев встанет на защиту слабого правительства, выгодного армянам», – подумал Зияд бей.

Понял он и то, что они не знают, что происходит в Армении и Карабахе, или же сами входят в число авторов этого сценария и прикидываются, будто не в курсе.

Академик открыто и решительно высказывал свою точку зрения. «Винновники столкновений в Карабахе, инцидентов на границе и митингов – это не те, кто ходит на эти митинги, и не Народный Фронт, а вы. Ваша армянофильская политика!»

Министры ничего не скрывали: «Мы не можем сказать этого народу, но ты должен знать, что войска приходят не сами по себе, это ваше руководство приглашает их из страха перед оппозицией. Указ Горбачева уже неделю как здесь. Если ваши придут к соглашению между властью и оппозицией, если будет обеспечена безопасность правительства и бакинских армян, войска могут не войти в город».

Зияд бей бросило в жар:

– Так и скажите, что приходите в Баку как враги. Что вам наплевать на желание азербайджанского народа обрести свободу и независимость, защитить свои земли. Что вы заботитесь лишь о безопасности армян.

Разумовский не стал отрицать:

– Да, мы хотим в том числе защитить армян. До нас донесли информацию, что в Баку готовятся армянские погромы.

Хотя Зияд бей и ожидал услышать именно такой ответ, но все же подавил свою ярость:

– Почему тогда вы каждые два дня кудахчете по телевизору, что армия в город не войдет? Людям вашего ранга не к лицу подобное лицемерие. Для чего вы морочите голову народу? Пусть он еще активнее будет собираться на эти символические баррикады, и у вас появится повод горланить, что Азербайджан оказывает вооруженное сопротивление армии. Кто вам сказал, что в Баку будут погромы? Где эта информация, покажите. Вы, наверное, читали мою статью о Сумгайите. А если нет, то прочтите. Может, вы пытаетесь поставить в Баку некий спектакль про резню на национальной почве. Собрались тут все: режиссеры, художники, композиторы, актеры. Это старый сценарий. Он уже был апробирован в 1905-м и 1918-м годах. А теперь вы хотите его обновить.

– Уважаемый академик, это серьезное обвинение.

– Это не обвинение, а факт. А почему же вы не защищаете азербайджанцев, выгнанных из Армении? Они что, не граждане СССР? Если после того, как у одного бакинского армянина пойдет кровь из носа, здесь начнется заваруха, то ответственность ляжет на тех, кто этого желал.

Когда кто-то из генералов захотел высказаться, Зияд бей повысил голос, не позволяя ему заговорить.

– Вы не знаете Баку, дорогие мои. Здесь, как братья, живут азербайджанцы, русские, армяне, евреи, деля одну судьбу. У меня самого множество друзей-армян. Соберите с улиц Баку беженцев и верните их в Армению или же поселите в Нагорном Карабахе. Если захотят, обменяют свои дома с армянами, и дело с концом. Вы лучше не армян от нас защищайте, а нас от них.

Наблюдения, сделанные той ночью, потрясли Зияд бей. Как роскошно выглядели в своих формах генералы и маршалы. Золото, звезды, знаки отличия. Но он вдруг почувствовал, что у него с ними совершенно разное понимание армии. Нет! Они не походили на командиров, шагающих по дорогам войны, воспринимая каждого солдата и каждого советского гражданина как свое дитя, брата или сестру. Они другие. Как далеки они от того командира, который, увидев обернутое вокруг его тела полковое знамя, сам рухнул на землю, обнял его и разрыдался...

Он попытался разъяснить им, что ввод войск в Баку – акт бессмысленный и враждебный. «Вы не понимаете, я все еще считаю себя частью этой армии и вместе с тем выступаю на тревожащих вас митингах. Что ж теперь, вы пошлете против меня мое же родное войско?» Но все эти попытки не возымели эффекта.

Дав приказ о вводе войск в город, Москва хотела ослабить народное движение, заставить Баку еще крепче уцепиться за подол Центра и затушить пламя освободительной борьбы, вспыхнувшее в разных уголках СССР, таким образом преподнеса кровавый урок тем, кто говорил о «национальных меньшинствах». Трагедия приближалась шаг за шагом. Небо над городом заволокли черные тучи.

Уходя, он обратился к Язову:

– Я горжусь «Золотой Звездой» на своей груди. Я заработал ее собственной кровью. К тому же, их должно было быть две. Всю свою жизнь я считал себя солдатом и стремился к укреплению нашей армии. Но сегодня, после разговора с вами, во мне умерла гордость за то, что я герой и офицер советской армии. Нет, я не сниму Звезду, этот символ подвига, моего и моих погибших друзей, но я вырву из сердца ту любовь, которую до сих пор питал к Советской армии. В 1988 году мы стали свидетелями того, как эта армия, вместо того, чтобы восстановить мир в Карабахе, подавляет мирное население, запрещает людям в Баку выходить из своих домов, объявляя комендантский час. Здесь никто не свергает правительство, не нарушает границ, не нападает на армян. Все заняты своим делом, живут своей жизнью. А если кто-то из армян меняется своими домами с переселенными из Армении азербайджанцами и переезжает туда, то повинны обстоятельства и претенденты на Карабах, создавшие эти обстоятельства. Вместо того, чтобы заставлять их замолчать, вы хотите утопить Баку в крови, а это оскорбление по отношению к городу, который во время Великой Отечественной войны обеспечил своей нефтью победу. Как совесть позволит вам совершить такое?

Последние пару дней на улицах Баку внезапно появились группы мотоциклистов. С грохотом носились они из одного конца города в другой. Хотя вообще-то мотоциклы здесь встречались очень редко.

Вечером ему позвонил один из друзей-армян, Абрам Агаджанян:

– Зияд Исаевич, здравствуй! Что ж ты даже не спрашиваешь, а как там мой армянский брат, где он, не случилось ли с ним чего среди всей этой свистопляски?

Зияд бея обрадовал его звонок.

– Ара, Абрам, ты на таком высоком посту, что сам должен разыскивать своих подданных, – сказал он, подражая акценту бакинских армян.

Абрам громко рассмеялся. Ответ Зияд бея пришелся ему по душе.

– Брат, разве можно назвать академика подданным? Это мы подданные. Есть должность – тебя уважают, нет должности – нет и уважения.

– Ладно, как у тебя дела? – спросил Зияд бей.

– Страшно мне, Зияд, очень страшно. Воду мутят вовсю. Это не телефонный разговор. Приходи к нам вечером! Дети обрадуются. Чаю попьем. А то, кто знает, как все сложится... Я пришло за тобой машину в половине седьмого.

Семья Абрама была из Карабаха, но сам он родился в Баку. Долгое время работал в Кабинете министров при Центральном Комитете, а сейчас, кажется, был председателем исполкома Кировского района. В свое время они жили в одном квартале.

Предложение пришлось очень кстати – никто не мог знать о положении бакинских армян лучше, чем Абрам.

Машина остановилась перед двухэтажным домом на обочине дороги, тянувшейся от железнодорожного вокзала к воротам стадиона. Зияд бей бывал здесь много раз. Весной и летом они частенько играли в нарды во дворе под раскидистым тутовым деревом. Но сейчас стояла зима. Северный ветер пробирал до костей.

Если б было лето, Абрам, увидев, что Зияд бей входит во двор, сразу же принес бы нарды и поставил бы их на длинный стол под тутовником, не дожидаясь, пока гость сам это предложит...

– Брат, да ты только о нардах и думаешь. И когда только успеваешь все эти книги читать и писать.

– Делай ход, потом скажу. Хотя ты и армянин, я все равно считаю тебя умным человеком. А ты не понимаешь, что всякий раз, когда я у тебя выигрываю, появляется новая глава моей очередной книги.

Абрам привык к шуткам и похлеще:

– По твоей милости ереванские историки меня рано или поздно убьют. Скажут, что из-за меня написаны все твои книги. Не проигрывай я тебе, не написал бы ты ничего.

И двор заполнился бы хохотом Зияд бея.

– Не скажут. Многие из них меня уважают. Умоляли меня переехать в Ереван.

Абрам бы посерьезнел:

– Правильно, что не едешь. Ты бы с ними не поладил. Они из другого теста. Ты не сравнивай их с нашими карабахскими армянами. Мы очень разные, даже языки наши отличаются. Они совсем нас не понимают. Мы гораздо ближе к вам.

– Возможно, ты сейчас шутишь, но, вообще-то, прав на все сто процентов. Мы с карабахскими армянами – братья с разными религиями, – сказал бы Зияд бей, еще раз повторив, с чего началось это разделение.

... Кругленький, среднего роста Абрам вновь встретил его во дворе своего дома и, расспрашивая о жите-бытье, повел к открытой двери первого этажа. При электрическом свете академик заметил, как бледен его старый друг. В комнате было еще двое гостей. Одного из них Зияд бей знал – Левон, редактор издававшейся в Баку армяноязычной газеты. Про второго Абрам сказал, что его зовут Армаис, и он приехал из Еревана. По вечерам у Абрама бывало много гостей.

С веранды был виден двор. Справа, куда не добирался ветер, водитель Абрама разжигал мангал. Но на столе уже были разложены закуски: сыр, зелень, квашеная капуста. Так что они не стали дожидаться, когда будет готов шашлык. Абрам откупорил бутылку тутовой водки.

– Зияд Исаевич, тебе понравится. Отличная вещь, из хартута. Дядя мой прислал.

– Знаю-знаю, у тебя плохой водки не бывает. Наливай! – ответил Зияд бей со своей коронной улыбкой.

Рюмки наполнились, и они выпили за академика. После второй стопки у Абрама развязался язык. Точнее, он заговорил по существу:

– Наверное, ты и сам понимаешь, зачем я тебя позвал. Мне не дает покоя мысль о том, чем все это закончится.

Зияд бей не удержался от поддевки:

– Чем оно может закончиться, войска уже идут вас защищать. Сама Москва за вас горой стоит.

– Дразнишься? Зияд Исаевич, если бы армия хотела нас защитить, то не допустила бы, чтоб азербайджанцы покинули Армению. Остановила бы тамошних бандитов. Будто им невдомек, что именно с этого началась наша трагедия. Мы как на иголках сидим. Что с того, что у меня есть высокая должность и деньги. Разве я не вижу беженцев на улицах? Как долго еще они будут терпеть? Разве можно спокойно жить в такой ситуации?

Зияд бей сделал попытку его успокоить:

– Слава Богу, вы все еще живы-здоровы.

– Отчасти ты прав, нас никто не трогает, но ведь и у нас совесть есть. Не понимаю, почему они не позволяют нашим обменять дома и спокойно переехать? Кто нас убережет, если начнется конфликт? Сколько уже было армяно-мусульманских войн? Сам знаешь... В те времена тоже была армия, так почему же она не вмешалась? Ждали, чтобы соседи перебили друг друга, и у них развязались бы руки.

– Знаешь, что, Абрам, мы не дети. Думаешь, я верю в любовь Горбачева к армянам? Нет, брат, этот человек просто ловкач, в игры играет. У него есть тайный план и обязательства. И наш конфликт приближает его к цели.

– И что нам теперь делать? Вот ты ругаешь дашнаков, да я и сам их ругаю, но сейчас дашнакам раздолье. А правда никому не нужна.

– Мы в такой же ситуации, Абрам. Чувствуем, что приближается катастрофа. Войска стоят на подступах к городу и ждут лишь повода, чтобы войти.

– Да какое там! Не будь таким наивным. Ничего они не ждут! Сами они этот повод и создадут. Уже пустили слух, что одну армянскую женщину сбросили с 14-го этажа. Это в нашем районе было. Я поинтересовался, навел справки. Нет никаких документов, доказывающих, что она армянка, соседи говорят, что «недавно из психушки выписалась». А еще пару дней как запустили нескольких юнцов в армянские кварталы, и рыскают они там по дворам, как коты.

Для Зияд бей эта новость стала неожиданностью.

– Вы не выяснили, кто они?

– Говорят, что дети беженцев. Но мы побеседовали с тремя из них, которых задержала милиция. Один из семьи, приехавшей из Еревана. А двое других непонятно откуда взялись. И документов никаких при себе нет. Изъясняются по-русски.

Зияд вспомнил разговор с генералами:

– Диверсия уже началась.

С этими словами он поднял рюмку.

– Храни Господь наши народы!

Выпили. В разговор вступил приехавший из Еревана Армаис.

– Я хорошо знаю вас заочно, академик. У вас большой авторитет среди народа. Я согласен с уважаемым Агаджаняном. Нельзя было выгонять азербайджанцев из Армении. А мы слишком поздно очнулись. Не смогли этого предотвратить. Потому что за такое на площади и камнями забросать могли. Мы два бедных народа, зачем нам истреблять друг друга? А теперь уже дело сделано. Армяне не останутся в Баку, даже если вы будете держать их силой. Не известно, что будет, когда в город войдут войска. Вас все уважают. Успокойте молодежь, чтобы наши смогли найти покупателей на свои квартиры, продать их или обменяться с переселенцами и уехать.

Зияд бей посмотрел сперва на Абрама, потом на Левона:

– Вы это серьезно? Куда вы поедете, побросав тут все?

– Туда же, куда поехали ваши, уйдя из Армении. В палаточные городки, на российские рынки... Туда, где сможем обменять жилье...

– Я жил в Доме писателей, – сказал с сожалением Левон. – Недавно ремонт сделал. Целый год провозился. Такую красоту навел, такую светлую веранду пристроил!..

– Похожее я не раз слышал и от переселенцев из Армении. Очень жаль им своих домов.

Армаис сменил тему:

– Я декан в университете. Сердце болит, когда смотрю на своих студентов. Всем им отравили мозг, им кажется, что война – это кричать лозунги на площади. Надо интеллигенции Армении и Азербайджана почаще встречаться. Может, удастся предотвратить войну. Мы должны защитить нашу молодежь. И там, и здесь.

– Тебе это под силу, Зияд Исаевич, – сказал Абрам. – И на Народный Фронт ты сумеешь повлиять. Пусть помогут армянам спокойно уехать.

Левон добавил:

– Все равно, тут не так уж много армян осталось. Большинство уже поменялись домами. Остались, в основном, старики и инвалиды. Помогите, пусть и они тоже сядут на поезд или в самолет и уедут.

Этого Зияд бей тоже не ожидал:

– Когда успели переехать армяне?

– В течение года. С тех пор, как началось движение в Карабахе.

Зияд бей остался доволен разговором. На завтра он собирался поговорить с активистами Народного Фронта. Не должно применяться никакого насилия по отношению к уезжающим из Баку армянам. Надо отобрать этот козырь у войск.

Угощение было съедено, все, что хотелось сказать, сказано. Но это не принесло никому облегчения. Понятно было, что эта встреча последняя. Неизбежная судьба поставила лицом к лицу этих четырех людей, будто четырех приговоренных. Все переписки, обвинения, начало армяно-тюркского разлада и его история – все это вдруг показалось таким бессмысленным... С безнадежностью взирали они друг на друга, ощущая себя пленниками несущего их вперед мощного потока. Тюрки, армяне... всего лишь слова. Легко повторять их снова и снова, легко ругать и осуждать. Но у каждого из этих четверых были свой мир, свое достоинство, судьба, семья, мечты... И этим вечером они разделяли одну общую беду. И даже чувствовали, что искренне любят друг друга. Какое отношение имеют Дашнакцутюн или «ASALA» к этому Абраму Агаджаняну, родившемуся в Азербайджане и всю жизнь ему служившему? Или же, в чем виноваты Исрафилы и Хидаяты, потратившие всю свою жизнь на развитие Армении, что теперь их прогоняют из родного города? Почему эти народы, на протяжении всей своей истории накрепко связанные друг с другом, должны становиться врагами? Гейча, родина ашуга Алескера, или же Зангезур остались теперь в Армении, а Мардакерт и Мартуни достались Азербайджану. Там живут азербайджанцы, а тут армяне. Ну и что? Что в этом плохого? Наоборот, пусть они будут друг для друга опорой, пусть дополняют друг друга. Кто установил эти границы? Никто еще не унес землю, на которой живет, с собой в могилу. Пусть и Иран, и Турция, и Грузия, и Ирак уберут границы. Пусть люди живут там, где им хочется. Пусть спокойно пишут и читают на своих языках, поют свои песни. От этого армянин не перестанет быть армянином, а тюрк – тюрком, но эти армяне и эти тюрки будут счастливее нынешних.

Так размышлял он, сидя молча за столом.

В этот момент в комнату вошла супруга Абрама Грета ханым с чайным подносом в руках.

– Что это с вами, воды в рот набрали?

Поставив поднос, она протянула академику руку.

– Добро пожаловать, Зияд муаллим. Совсем ты нас позабыл. Как поживает Махира ханым?

Академик встал.

– Спасибо, Грета ханым. Махира хорошо поживает. Радует, когда удастся увидеть меня дома.

– Я тебя понимаю, – сказала Грета. – Время нынче тяжелое. Дай Бог нам всем здоровья.

Они выпили чай.

– Будьте спокойны, даст Бог, никто не пострадает, – сказал Зияд бей, собираясь уходить.

Взяв за локоть, Абрам потянул его в сторону, к журнальному столику возле камина.

– Припомни, Зияд, бывало ли хоть раз, чтобы ты уходил отсюда, не сыграв в нарды?

Зияд бей улыбнулся:

– Нет!

– Тогда садись.

Они уселись друг против друга. Привычно бросали зары и передвигали фишки. И было пока не ясно, кто победит, кто проиграет.

«Господи, а кто же бросает зары на доске нашей!» – от этой мысли рука академика зависла в воздухе.

– Мы оба проиграли эту игру, Абрам!

С этими словами он поднялся на ноги. Они обнялись и расстались, не глядя друг другу в лицо.

Нет никакой разницы между тем, как Советская армия, с суши, с воздуха, с воды, используя самое современное оружие и истребляя мирное население, входит в Баку, и тем, как в 1945-м она входила в Берлин. Хотя нет, в Берлин советские войска, заглушив свой гнев, входили как освободители. Те же, кто входит в Баку, не скрывают своей ненависти и жажды мести и с наслаждением об этом возвещают. Что произошло? Что сделали турки? Разве это неправильно утверждать: «Моя армия не должна атаковать мой же город?!»

Нет, мы в Берлине не делали того, за что может быть стыдно. Напротив, спасали голодных немецких детей, людей, похороненных заживо в тоннеле метро... А вот эти в Баку не жалели ни старых, ни малых... У ученого, всю жизнь считавшего себя солдатом Советской армии, иссякли слова. Военная служба закончилась. Оставались одни лишь сомнения и подозрения... Те, что он носил в себе годами и не желал в них верить... Черный список! Какой еще черный список? Вот тебе трупы жертв вдоль залитых кровью городских улиц... Считай. Узнай, сколько человек погибло сегодня в других городах Азербайджана, сколько пропало без вести, сколько ранено! Старики и дети, расстрелянные лишь за то, что они азербайджанцы... Женщины, вешавшие белье на балконах, родители, идущие за молоком для своих младенцев... «Что потеряли войска в мирном городе?» – думали люди, выходившие на улицы. Четверо хорошо ему знакомых ученых, возвращавшихся домой по сумгайтской трассе... Ни один из них не выжил. Танк проехался по автомобилю, полностью раздавив его. Вновь, как в двадцатые годы, людей загружают на корабли и сбрасывают в море. Чтобы замести следы. Что же ты еще ищешь, друг мой? Какой еще тайный список, брат? Вот он, явный список, и не ищи в нем отдельных имен! Их мало интересуют имена. У приговоренных к смерти есть одно имя: тюрок, азербайджанец, мусульманин...!

В тот день он осознал, что государству, которое он любил и за которое воевал, настал конец! Больше никогда он не поедет ни в Москву, ни в Петербург, ни в Ереван, как прежде. Мосты человечности сожжены, а мосты дипломатии, если и будут построены, не смогут заменить те, прежние. Огромная страна, занимавшая одну шестую часть земли, была отдана в жертву крохотной выскочке – Армении. Не помогли попытки разъяснить истину, рассказать, доказать, достучаться. Как не возымели эффекта ведущиеся лучшими учеными и интеллигентами СССР многолетние испытания атома, борьба с пересыханием Аральского озера, с вырубкой лесов, превратившейся в экологическую катастрофу, с отравой, текущей из промышленных городов... Везиров ушел, на смену ему пришел Муталлибов... Игра. Связали народ по рукам и ногам, и начался предательский процесс отрывания Нагорного Карабаха от Азербайджана. Ради этого в Баку были направлены советские войска, ради этого пролилась кровь мирно занимавшихся своими делами людей... Для академика жизнь утратила смысл, но он не ведал, что самое сильное потрясение было еще впереди...

Отец и сын

Отступив перед народным гневом, Первого секретаря окольными путями вывезли из Баку. Точнее, вывезли на военном вертолете. Сев в него, он сбежал из города. Вот он, финал лживых обещаний, которыми кормили народ: «Будьте спокойны, я поговорил с товарищем Горбачевым, он на нашей стороне. Все под его контролем. Скоро Карабахский вопрос будет решен...» Пустозвон! Сколько можно врать? Что ты за руководитель, если был не в курсе планов по введению войск в город? Все вы лжете! И Первый секретарь, и Кабинет министров, и глава Верховного Совета – все знали, что войска придут в Баку! Потому что без вашего согласия этого бы не произошло. Если б вы этого не захотели, все силовые министры Москвы не собрались бы в Баку. Много дней подряд наперебой повторяя по телевидению, что войска не войдут в город, вы на самом деле точно знали, в какой день какого месяца, в каком именно часу это произойдет. Вам не терпелось. Потому что хотели таким способом заткнуть глотку площадям, задушить в колыбели Народный Фронт, который считали своим соперником и перед которым дрожали, хотели продлить свою власть. Возможно, вы не ожидали от войск такой жестокости, не думали, что будет столько жертв, наверно, не чувствовали гнева, кипевшего в сердцах народа, – гнева на вас. И увидели, что народ, едва вырвавшись из-под гусениц танков, столпился возле зданий, где вы заседали. Потребовали отставки! Потребовали, чтобы вы убирались прочь!

Вы врали по телевидению в унисон с шишками из Москвы. Знаете ли вы, какая подлость скрывать истину от народа? И вы совершили эту подлость, вы, разумовские, дашдамировы, вы, официальный Баку, официальная Москва.

То, что в Баку с коварными улыбками на лицах собрались все руководители силовых структур СССР, опустевшие больницы, оживление на военных базах в окрестностях города, болтовня по телевидению – все это говорило о том, что для Азербайджана готовилась трагедия более тяжкая, чем нападение на Чехословакию, Венгрию, Казахстан. Все воздушные, морские, сухопутные военные силы страны нацелились на его столицу.

Всем, с кем он встречался, начиная со студенческого друга Примакова, в шутку называвшего себя «следующим после Горбачева руководителем СССР», и заканчивая министром обороны Язовым, Зияд бей говорил, что эта операция – непростительный грех по отношению к Баку. День и ночь кричал народ на площадях, требуя остановить армию. Но безрезультатно.

Теперь, при виде разоренного Баку, для него было мучительной пыткой думать, что в такое состояние город ввергла его любимая армия.

Неделю назад Алтай сказал ему: «Знаете, Зияд бей, они разгромят Баку. Меня по поводу одной статьи вызывали в Верховный Совет, и там на столе у госпожи Гафаровой я случайно увидел указ Горбачева о вводе войск в город и объявление комендантского часа. Он был подписан. Только место для даты оставалось незаполненным. Дату должны назначить в самом Баку...». Теперь он сожалел, что пропустил те слова мимо ушей. Но что изменилось бы, отнесись он к этому иначе?

Газеты не издавались, заводы и университеты были погружены в безмолвие, а в Академии наук два дня шли непрерывные дискуссии, после чего было решено отправить трех писателей на митинг, чтобы сообщить народу о своей солидарности с ними. Дескать, мы с вами заодно! Скажите, пожалуйста! Ну и решение... Заодно с народом... Будто есть еще варианты! Да что еще вы можете сделать, кроме как быть заодно с народом? Очередное запудривание мозгов. Интеллигенция, которая действительно заодно с народом, находится сейчас там, на митингах. А остальные просто болтают от безвыходности. Например, двое из них, из ближайшего окружения Первого секретаря, прежде ни разу не ступавшие на площадь, теперь вдруг пото-

пали туда вместе с Алтаем. Что они там скажут? Алтай и так уже два года находится среди митингующего люда. А вы все эти два года смотрели в рот вышестоящему начальству...

Еще говорили, что настала пора устроить суд над кем-то там. Но суда на самом деле заслуживает армия, а на нее сил не хватит. Это ж надо было додуматься: отравить против народа, у которого даже охотничьих ружей нет, войска, вооруженные чуть ли не атомной бомбой...

Радио и телевидение заставили замолчать... На кого вымещать гнев? Кто есть, кроме военных! В отличие от других, он знал, как с ними разговаривать. Да, надо поговорить с ними. На худой конец, может, сумеет узнать, как долго будут длиться эти зверства... Но все эти московские министры и председатели комитетов, последние два месяца не исчезающие с экранов телевизоров и то и дело наведывавшиеся в Баку, вдруг куда-то запропастились. Оказывается, целью было разгромить Баку. Вот и все! А теперь они сидят в Москве, заматают следы и стараются, чтобы правда об этих преступлениях не распространилась по миру. Он не раз видел, как в преддверии бакинской трагедии они собирались здесь, словно на свадьбу, ели-пили и преспокойно обсуждали последние события, происходившие в СССР. После той встречи, на которую он пошел вместе с Примаковым, они встретились отдельно и с ним самим, как с авторитетным ученым и героем войны. Уже через десять минут беседы ему стало ясно, что представляют собой пригласившие его генералы. Язов, Бакатин, Крючков, Шаталин... Как бы ни старались они вести себя в Баку высокомерно, прикидываться носителями высшей истины, ученый понял, что в действительности они не обладают никакими полномочиями. Просто получили поручение и должны были его выполнить. Они говорили и вели себя неподобающим генералу и офицеру образом, но именно они управляли страной. Будь ты хоть во сто крат умнее их – не важно, власть у них в руках, и они дергают страну в ту сторону, в которую захотят. И наших высших чиновников они якобы поднимают вверх, а там отравляют, уничтожают, не отпускают назад. Хорошо еще, что им пока не удалось уничтожить Аксакала или Последнего из могикан. Тот, кто был для нас Последним из могикан, для них был Последним из приговоренных... Ты так возвысился, довольно с тебя. Нужно было думать о последствиях того, что ты так верил нам, а точнее – так приблизился к адскому пламени. Чтобы быть с нами вместе, ты должен быть больше русским, чем сами русские, как Сталин и Берия; забыть, откуда ты пришел. Для них это было нетрудно, потому что с революционных баррикад, с уличных бунтов, из тюрем они попали напрямую в Кремль, и это Кремль был для них отцом и матерью, родиной. А вот его судьба складывалась иначе, он познал наслаждение руководства своей страной, да и сейчас стоит за неё горой, и не из тех, кто полезет в ярмо. Он человек умный, знает, что Москву нельзя обмануть верностью, помнит об участии Наримана и, наверно, скорбит о нем. Ему тоже не раз приходилось сталкиваться с тем, что к нему относились как к провинциалу, человеку второго сорта, несмотря на то, что он служил достойно и работал больше остальных. Невыносимо становиться пленником тех, кто ниже тебя по разуму. После того, как нога его оторвалась от родной земли, оказавшись вдали от родного народа, он тоже стал заложником помпезных кабинетов, а затем и политических игр Горбачева. И ощутил, что должен быть как можно сильнее. Если б они могли, то давно бы устранили и его тоже.

Но 20 января он сломал свою клетку, вырвался на свободу и прокричал из Москвы на весь свет: «Против моего народа совершилось преступление. Мир должен узнать преступников!»

Это выступление еще раз подтвердило то, о чем всегда говорил Зияд бей. Почему бы ему не вернуться в родные края? Во всей этой неразберихе нет большей надежды, чем на него. Народ его примет, а мы сможем спокойно заниматься своей научной деятельностью.

Это преступление должно быть раскрыто, донесено до мировой общественности. Почти сразу после трагедии Верховный Совет созвал экстренное совещание, на которое, по предложению депутатов, были приглашены также несколько активистов Народного Фронта и он сам. Перед совещанием он позвонил Исмаилу, одному из сумгайытских ученых. За день до этого он с волнением пришел к нему на встречу... На том конце провода послышался всхлип: «Танк размазал машину Исмаил муаллима по земле. Все четверо ученых, находившихся в машине, погибли, на Джейранбатанской дороге». Вот оно, отвратное лицо 11-й Красной армии, вошедшей в город с мирными намерениями, чтобы защитить правительство или армян. Даже тех, кто спокойно ехал своей дорогой, они не пощадили.

В Верховном Совете царила непривычная атмосфера скорби, безнадежности, страдания, национального траура и вместе с тем – чувство гордости, создаваемое этой атмосферой. Все обнимались и плакали, но при том утешали друг друга. Те, кто хотел раздавить народ, лишь сплотили его.

Выступления были резки и полны обвинений. Даже у самых ярких коммунистов и приверженцев Москвы развязались языки. В конце была создана следственная группа для расследования факта оккупации. Наряду с депутатами в нее вошли также трое лидеров народного движения, включая Алтая. Несколько месяцев у них не было возможности видаться.

В тот год Баку не почувствовал наступления весны. Не ограничившись лишь тем, что связали по рукам и ногам, ему еще и рот запечатали. В городе царила мертвая тишина, стыд поражения, безнадежность. Баку умирал от ощущения собственной жалкости и обманутости. Радио, телевидение, газеты... все онемели... Если б не поддержка и репортажи иностранных радио, эта ярость взорвала бы город. Но котел все же кипел мало-помалу, народ подсчитывал свои раны и готовился возобновить борьбу. А пока диалог или конфронтацию между народом и правительством заменило противостояние народа с армией...

В один из чудесных вечеров, когда месяц май своими цветами словно пытался залечить раны города, в дверь квартиры Зияд бея позвонили. На пороге стоял полковник лет сорока, такой же высокий и крупный, как он сам. Сторонний наблюдатель поразился бы их сходству.

– Ты?

Стоящий на пороге человек был его сыном, живущим в России, – на азербайджанский манер его называли Джахангиром, но по паспорту он был Владимиром.

Они обнялись.

– Меня направили сюда на службу!

Не зная, зачем он пришел, и считая неуместным расспрашивать в дверях, академик впустил сына в дом.

– Правильно сделали! – сказал он.

– Прогони меня, если хочешь, но я пришел!

Лишь позже до него дойдет, что означали эти слова.

Сын протянул принесенный букет гвоздик Махире ханым, выглядывавшей из-за широкой спины мужа. Махира ханым обняла его и, накрывая на стол, засыпала пасынка вопросами:

– Ну, расскажи, как ты, как дети?

– Все хорошо, тетя Махира, спасибо. У вас как дела?

– Подрос твой желтенький цыпленок?

– О...о... Красавицей стала!

– Конечно, в дедушку пошла, – она украдкой взглянула на мужа. – А дом ты достроил?

– Достроил, но документы на него пока не могу получить.
– Дай Бог, получишь. Хорошее ты место выбрал, в центре города. И при этом квартал тихий, как в деревне.

– А вы больше не приезжаете к нам.

– Ну, видишь, что творится. Покарай Господь плохого соседа.

Стоя бок о бок у окна, Зияд бей и его сын смотрели на море. Несколько из присланных в Баку военных кораблей все еще стояли вблизи берега, направив на город дула своих орудий.

Тронув отца за руку, сын спросил о том, что волновало его больше всего:

– Как твое здоровье?

– Как видишь! С таким обществом здоровья не напасешься...

Герой, который и на фронте, и во время учебы в Москве встречал на своем пути множество девушек и слышал бесчисленные признания в любви, и по сей день, много лет спустя, был благодарен судьбе за то, что она свела его с Махирой. Она родилась и выросла в Ташкенте, но родом была из Карабаха, из Шуши.

С первой же встречи он почувствовал, что эта девушка – его суженая, и не стал скрывать от нее, что у него есть сын... Махира не восприняла это известие как трагедию. Войну нельзя мерить мерками обычной жизни, да и в университете она видела, как каждый день девушки стаями кружили вокруг этого бакинского парня со Звездой Героя на груди. Сперва она не придавала этому значения, потом стала ревновать, но все равно ничего не могла с этим поделать. Их ведь не одна, и не две, чтобы, преградив дорогу, сказать: «Отстань от него!» Да и потом, на это они тебе ответят: «А ты кто такая?»... Но если уж во всем университете Герой выбрал именно ее, ничего не оставалось, кроме как затушить в себе пламя ревности. И уж тем более глупо было ревновать его к отношениям, возникшим на фронте, между жизнью и смертью, а потому наличие у Зияда сына от русской женщины, и даже приезд этого сына в Баку не могли нарушить ее семейного благополучия, а чужие пересуды ей были безразличны.

Иногда, указывая на супругу, Зияд бей говорил: «Никто другой, кроме нее, меня бы не вытерпел». И в самом деле, после того, как к полученной на войне контузии добавилась еще и надменность, обоснованная званием Героя, этот человек стал совершенно неуправляемым. Еще в университете он пользовался особым уважением за то, что всегда был готов прийти на помощь и, если надо, отдать последний кусок нуждающемуся. При этом все слегка робели перед ним. Ведь он мог ни с того ни с сего всего парой фраз переменить настроение целого зала.

В Махиру он влюбился с первого взгляда. Девушка побаивалась этого упрямого парня в свисающих с худого тела брюках галифе, который выслеживал ее повсюду, и даже написала о нем матери. Мать дала ей неожиданный и необычный совет: «Он не знает, что ты азербайджанка. Когда будешь проходить мимо, вежливо поздоровайся с ним на родном языке. После этого можешь больше не бояться». И вправду, когда запавшая ему в душу, но совершенно не известная девушка вдруг тихонько сказала «Салам», он совершенно растерялся. С тех пор отношение его изменилось, он еще крепче к ней привязался, а узнав, что ее родители переехали в Среднюю Азию из Шуши, окончательно укрепился в своем намерении на ней жениться: «Это моя судьба. Бывает же такое: встретить в Москве девушку из Шуши!»

Эта приехавшая из Ташкента круглолицая девушка была красой университета. Многие вились вокруг, пытаясь завоевать ее сердце. Но все изменило появление юноши, еще не снявшего военную форму. На очередных каникулах, ничего ей не сказав, он отправился в Ташкент, познакомился с ее семьей и сумел понравиться родителям Махиры. Он глаз с нее не сводил и, хотя не решался подойти на вечерах и праздниках, приглядывал со стороны и отваживал всех, кто набивался к ней в кавалеры. И вот, наконец, признался ей во всем и сразу же предложил пожениться.

И Махира, отказав многочисленным завидным женихам, приняла его предложение. И хотя им пришлось столкнуться с сотней самых разных трудностей, для этой пары, не терявшей веры в будущее, начались полуголодные, но счастливые времена.

Молодой капитан и в повседневной мирной жизни соблюдал военную дисциплину, всегда говорил все, как есть, правду без утайки. Он рассказал Махире о девушке из Дагестана, полковой переводчице, в которую влюбился во время войны. Знакомство их началось в Польше. Девушка, переводившая разговор между худым капитаном со следами фронтовых страданий на лице и пленным генералом, время от времени бросала на капитана восхищенные взгляды, не скрывала гордости за его геройство и говорила: «Если б не такие, как вы, мы не дошли бы до германской границы». По мере приближения к Берлину бои становились все ожесточеннее, и все труднее становилось получать известия от переводчицы. Несмотря на это, общение их не прервалось, а, напротив, укрепилось, и уже невозможно было скрывать любовь, вспыхивающую все ярче от встречи к встрече. В ту пору, когда надежды дожить до следующего дня почти не оставалось, бои под Берлином бросили их в объятия друг другу. Когда ежедневно ощущаешь ледяное дыхание смерти, не остается ничего иного, кроме как прильнуть к другому человеку. Эта девушка, настолько хорошо знавшая немецкий язык, что прямо из-за школьной парты отправилась на фронт, и чье лицо еще не утратило детской чистоты, была воплощением красоты. Молодому капитану казалось, что оберегать ее – то же самое, что защищать Кавказ и Родину. И переводчица, по странной случайности носившая имя его матери, любила капитана необычайной и нежной любовью, которая, как она верила, останется неизменной до конца ее дней.

Возможно, это даже нельзя было назвать любовью. Это была жажда юности, вырванная из пасти смерти, право юности. Видимо, свою роль в зарождении этого чувства сыграло и то, что в чужих европейских краях они оба были кавказцами. Девушке казалось, что, если она попадет под случайную пулю, не познав любви этого героя, в жизни которого каждый бой мог поставить последнюю точку, – это будет самой большой несправедливостью на свете, святотатством. Может, он и уцелел до сих пор именно потому, что, если прервется его род, нарушится мировая гармония. А разве не этого желает враг? Каким бы буйным ни был капитан, но в общении с девушками он становился робким и стеснительным, не позволяя себе ничего, кроме как защищать их от опасности. Не известно было, выживут ли они в последних боях. Кто знает, может быть, невидимая броня любви убережет их! Неясно, где прервется дорога этого юноши, но такие пылкие, эмоциональные люди, как он, не знающие, что такое осторожность, бросающиеся навстречу пулям, редко выходят живыми из кровавых схваток, рано или поздно он погибнет и исчезнет навсегда, смешавшись с землей.

Но оба они остались живы. Вскоре девушка была демобилизована и вернулась к себе домой, на Северный Кавказ. Прощаясь, она сказала ему: «Моя мечта осуществится, я уезжаю с памятью о тебе». Письмо о рождении их сына он получил, будучи в Берлине. С самого начала она смирилась с мыслью, что будет растить ребенка одна.

Потом они переписывались еще какое-то время, но после его приезда в Баку, к родителям, связь прервалась. А возвратившись в Берлин, он уже потерял всякую надежду на то, что они встретятся... Живущая в Дагестане девушка, даже спустя много лет после войны, хотя от капитана не было никаких вестей, не переставала его ждать и хранила в своем сердце любовь к нему. Не знала она, что ее капитан до сих пор служит заместителем коменданта в одном из крупных районов Берлина, наводя там порядок. Нет, она этого не знала. Но и капитан не позабыл ее, и в один прекрасный день вернулся. Случилось это после того, как, отвоевав, он приехал в Москву и поступил в университет. Увидел сына, но не остался – свою жизнь он собирался связать с наукой и не мог покинуть Москву...

Много лет спустя, защитив докторскую и поехав отдыхать на Северный Кавказ, он, как было оговорено, устроил в Ессентуках встречу «двух семей», и два его сына, родившиеся от Махиры, узнали, что у них есть пятнадцатилетний старший брат по имени Владимир. После этого связь их не оборвалась. Живущий в России сын приехал в Баку и полюбил и этот город, и здешнюю родню. В военную школу он пошел по желанию отца, считая своим долгом продолжить его прерванный военный путь. Одно время он хотел даже перебраться в Баку навсегда, но обеспокоенность судьбою матери заставила его отказаться от этого намерения. Дело в том, что, хотя мать его и вышла повторно замуж, но после бакинского капитана так и не смогла стать счастливой. Второй ее муж тоже был военным, а после демобилизации пристрастился к выпивке и однажды покончил с собой. После всего этого он не мог оставить мать одну и переехать в Баку. Но летом они никогда не упускали возможности встретиться. Или отец с семьей ехали на Северный Кавказ, или же он сам приезжал в отпуск в Баку вместе с матерью. Потом женитьба, свадьба... Присутствие отца делало еще радостнее и прекраснее все важные события его жизни.

И вот теперь он снова в Баку, отец впервые видит его в звании полковника и в другое время поздравил бы с этим, разделил бы его радость. Но сейчас весь город все еще находится под унижительным, гнетущим впечатлением от 20 января, и эта боль на лице отца брала верх над радостью встречи.

...Через полчаса пришел и его младший сын Гасан. Его обрадовало, что старшего брата прислали в Баку. Но при слове «комендант» у обоих потемнели лица. Услышав это, академик сразу же взял из лежавшей на столе пачки сигарету и бросился на балкон, скрипя зубами: «Сукины дети, только этого еще не хватало, поставить по разные стороны баррикады отца и сына. Будто никого другого не нашли, чтобы сделать комендантом Баку. Это они мстят мне за здешние наши пререкания, думают, что таким образом скомпрометируют меня перед народом». Ему не хотелось заставлять краснеть только что пришедшего сына в своем собственном доме, но, как ни крути, это назначение было для него очень сильным ударом. Махира ханым поняла перемену в настроении мужа и старалась своими шутками снять напряжение...

– Посмотрите только, какой он грозный, геройская звезда на груди горит! – поддела она Зияд бей. – А сердце, как у ребенка. Когда родился наш старший мальчик, дай бог всем здоровья, мы еще жили в Москве. Как только он узнал, что у него сын родился, бросил командировку, моментально вернулся в Москву и сразу же в роддом ринулся. Разве привратник мог его остановить? Он будто вражескую армию атаковал. Пролетел через первый этаж, через второй, а на третьем все врачи и медсестры скопом преградили ему, наконец, дорогу и не пустили внутрь. Ему ничего не осталось, кроме как отступить. И вдруг вижу, кто-то стучит в окно; смотрю – а это он. Взобрался по водосточной трубе на третий этаж. Я кричу, мол, сорвешься же сейчас! А он еще и приказывает: «Покажи сына!». Пока я домой вернулась, он все общежитие так напоил, что никто на ногах не держался.

Зияд бей слушал с интересом, будто речь шла о ком-то другом.

Нежность между братьями и то, как сердечно супруга встретила гостя, остудили его гнев. Но сколько бы ни делились они воспоминаниями о счастливых днях, случившаяся с городом трагедия не забывалась, и комендант, как офицер Советской армии, также не мог отделаться от чувства вины и стыда. Отец это понимал и нарочно говорил о родословной их семьи. Рассказывал, что в Баку все еще остались очень древние следы его корней. Но самое интересное – это истории Махиры ханым. Володе хотелось слушать и слушать отца, которого он так редко видел, и, без сомнения, больше всего его интересовала научная деятельность Зияд бей. Начиная с того, как он гнался по ступеням Академии за каким-то кретином с ученой степенью, и закачивая его ответами армянским историкам, придуманными им прозвищами, написанными пародиями...

Комендант словно заново открывал для себя собственного отца, и комната заполнилась его смехом. Впервые после приезда в Баку он, позабыв о трагедии этого города, от души смеялся.

Когда Владимир ушел, Махира ханым накинулась на мужа:

– Что за ребячество! Он твой сын, так же, как и наши дети. И он выполняет приказ, в чем тут его вина?

Зияд бей не ожидал столь трепетного отношения к пасынку от своей жены, которая с возрастом становилась все упрямее, порой ввязывалась в бессмысленные споры и стремилась расчитаться с ним за развлечения молодости. Вместе с тем от своего упрямства он отступать также не намеревался:

– Ладно, и как мне теперь показаться на глаза народу?

– Разве народ ничего не понимает? Твой сын подчиняется приказам.

– Железная у тебя логика!

– От его присутствия здесь народу может быть даже польза. Он ведь понимает, что и сам – представитель этого народа.

– Понимает... Как же! Вчера четверых ученых, возвращавшихся из Нефтчалы, из-за получасового опоздания посадили в баиловский КПЗ. Всю ночь до рассвета они провели на ногах. Среди них был и наш Кочарли.

– Вай-вай! Он ведь пожилой человек, да еще и диабетик.

– И чье это было указание? Моего сына! Какой позор...

Да, новым комендантом Баку был его сын!.. Вскоре эта новость разнеслась по всему городу. Интересно, кто это? Некоторые и вовсе не знали о существовании у академика третьего сына и отнеслись к подобному известию скептически. Перебрав имена и фамилии народов Кавказа и Средней Азии, люди пытались понять, откуда родом приехавший к ним комендант. Конечно, фамилия у него редкая, но, мало ли, столько есть тюркских народов – может, еще у кого-то она встречается. Многим казалось неправдоподобным, что из всей Советской армии в Баку был прислан именно сын азербайджанского ученого. Здесь мог крыться и некий умысел, уловка. Найдется, пожалуй, в Советской армии какой-то другой Шихлы. Мало кто знал, что во время войны, находясь в тисках смерти, он влюбился в русскую красавицу. Когда об этом заходила речь, он обращал все в шутку: разве было у нас время думать о том, где и с кем мы встречались?

...Кабинет коменданта находился на втором этаже Министерства иностранных дел. Академик, всегда уверенно шагавший по длинным и трудным тропам войны и науки, стоя на пороге его кабинета, вдруг ощутил головокружение. Чтобы об этом не догадался сидевший в приемной офицер, он рухнул в одно из выстроенных вдоль стены кресел. Офицер видел, как сквозь раскрытые полы пальто на груди у него сверкает «Золотая Звезда». Академик надел также и все свои многочисленные ордена и ленты, о которых обычно вспоминал лишь в День Победы. Глядя на все это великолепие, офицер окончательно убедился, что это не рядовой визитер и, заметив, как тот побледнел, даже принес воды. Взмахом руки академик поблагодарил его. Эта встреча не была похожа на встречи с Коноваловым, Сахаровым или армянскими историками... Туда он шел, как лев, готовый наброситься на добычу, а на сей раз собеседник – не добыча, а сын его, часть его судьбы.

В последние годы у него никак не получалось съездить на Северный Кавказ. Не от отдыха было. Если находил пять-шесть дней свободного времени, он проводил их в архивах Петербурга или Стамбула. Привозил из Турции средневековые переписи. Сколько деревень было в каждой области? Сколько человек жило в каждой деревне,

каких они были национальностей, и так далее – все было зафиксировано в этих переписках, и они явственно показывали, кто составлял население Карабаха и теперешней Армении в средние века, и кому принадлежали эти земли. И как умудряются армяне претендовать на них после того, как были найдены эти «свидетельства земли»?

Независимо от их национальности и звания, он всегда ласково обращался с военными:

– Скажи коменданту, что пришел его отец.

Офицер едва успел войти в кабинет и тотчас же вышел; следом за ним поспешно вышли еще два офицера, с интересом посмотрели на стоящего посреди приемной человека, поздоровались, прошли мимо, и в дверях показался комендант. Академик шагнул вперед, сын широко распахнул дверь, пропустил его внутрь и, закрыв дверь, бросился ему на шею. Чем взволнованнее был сын, тем спокойнее и холоднее держался отец. По крайней мере, так казалось со стороны. Лишь слегка похлопал сына по спине. Он был сама официальность, будто еще вчера вечером не приветствовал сына так нежно у себя дома.

Наконец, отстранившись от него, комендант указал на кресло возле круглого стола у окна:

– Присаживайся! Зачем было себя утруждать. Я сам собирался прийти к вам сегодня снова. Вчера не удалось нормально поговорить.

– У каждого дня своя правда. Я уже потерял надежду, что мы встретимся этой зимой. Я мог бы оказаться среди погибших.

– Ты прошел путь до самого Берлина. Если тебя не одолела фашистская пуля, разве навредила бы пуля нашей же армии?

– «Наша армия» говоришь? Это патлатые наркоманы и казачьи наемники, явившиеся в Баку, – наша армия? Не путай божий дар с яичницей! Я еще не настолько стар, чтоб не отличать настоящих солдат от наемных убийц с застланными кровью глазами, которые со словами «Убейте этих тюрок!» направляют танки на всех подряд, от взрослых до детей! Война уж 45 лет как закончилась, но я не расстался с армией. И свою Армию я хорошо знаю. И это не моя армия разгромила Баку, танками вкатала в асфальт мирное население, сбросила трупы в море, чтобы спрятать от народных глаз, взорвала энергоблок телевидения, чтоб миру ничего не стало известно. Все это – планомерный захват вражеского города. Те, кто разгромил Баку, еще несколько дней назад сидели здесь и каждые два часа брехали по телевизору, пудрили людям мозги. Язов, обещавший, что войска не войдут в Баку, Бакатин, Гиренко, Крючков, мой студенческий друг Примаков – они позабыли, что Баку тоже советский город, что он входит в состав Советского Союза. Армия не должна так обращаться с собственными гражданами! Они должны понимать, что тем самым угробили страну, которую возглавляют. Ни один порядочный азербайджанец отныне не будет считать эту армию своей армией, а московское правительство – своим правительством...

Владимир хорошо знал сидевшего перед ним человека и его характер, хоть они и не жили вместе. Он с тайной гордостью читал все работы отца, а также все, что было написано о самом отце, и прекрасно понимал, что, когда тот сердится, противоречить ему бессмысленно. Он часто говорил друзьям: «Второго такого, как мой отец, на земле нет и не будет!» Честно говоря, ему нравилось то, как отец умеет, точно вихрь, сметать все на своем пути, потому что и сам был таким же упрямым. Потому и не стал возражать ему сейчас – неважно, прав он или нет, но вступать в спор означало бы окончательно и бесповоротно сжечь все мосты между ними. Оставалось лишь молча ждать, когда он выговорится и успокоится.

Но, похоже, отец успокаиваться не собирался. Он сходил с ума от того, что его народ, столкнувшийся с огромной несправедливостью и ежедневно обливаемый грязью армянской лжи в российской прессе, оказался беззащитным перед всем этим, а

его родной город, о котором он всегда с гордостью рассказывал своим друзьям-ветеранам со всех концов СССР, который упоминал во всех своих рассказах о войне, город, решивший исход этой войны, но, к сожалению, не оцененный по достоинству, был так безжалостно разрушен. Мучился он и от того, что не с кем было поделиться этой болью. Писать что-то правительству страны было уже бесполезно; они совершали этот шаг намеренно, под влиянием пропаганды и давления армянской стороны, и одним разговором невозможно было выкорчевать мысль, укоренявшуюся в их головах годами. Письма и телеграммы, отправляемые Горбачеву, будто падали на дно сорокааршинного колодца. Скорее Ленин откликнется из своего мавзолея, чем Горбачев. И правительство Азербайджана он считал сообщниками этого преступления, ибо, сколько бы ни отнекивались, они не могли не быть в курсе того, что войска собираются сунуться в город, они были проинформированы заранее, а возможно, и сами их позвали. Что же касается Народного Фронта, те повели себя в данной ситуации, как наивные уличные мальчишки, кидающие камни издали, разделились на несколько частей, каждая из которых тянула в свою сторону, напялили военную форму на шантрапу, никогда в руках даже рогатки не державшую, и вытолкнули ее вперед. А со стороны кажется, что Народный Фронт Азербайджана вооружен до зубов, не сегодня завтра может развалить СССР, и надо как можно скорее ему помешать, пока он, объединив Азербайджан с Ираном, не угробил вконец армян или даже не заполучил Москву. Майор Махмудов, подполковник Султанов, полковник Мазиев... Только подумай, с кем ты яхшался, академик; от Моздока до Берлина прошел ты, давя фашистов, дважды по указу Сталина был удостоен звании Героя Советского Союза, пусть даже один из этих разов замяли, и все еще был в ранге капитана, думал лишь о защите Родины, а не о званиях, а тут эти молокососы, учителя математики и зоологии, сделавшие себе фальшивые справки о болезни, чтобы откосить от армии, понадевали вдруг офицерские формы и ходят туда-сюда. У бакинских портных дела пошли на лад. Если б не стеснялись, заказывали бы и стали б носить формы маршалов и генералов. А если б не «Свобода» Мирзы Хазара, то мир вообще не узнал бы, что происходит в Азербайджане. Из-за того, что Сумгайыт был их собственной затеей, из-за того, что они сами все это организовали, что заранее создали туда всю прессу, и планета до сих пор повторяет: «В Сумгайыте азербайджанцы перерезали армян!», но никто не заикается о том, что сделали с самими азербайджанцами...

Сын должен об этом знать. Да, как офицер, он подчиняется приказу, но, если в его жилах течет моя кровь, он не сможет пожать правду, должен понимать, что к чему, и уметь, когда надо, повысив голос, сказать свое слово... Он должен знать, что все пушки и снаряды Советской армии нацелены на его отца, все танки, самолеты, корабли идут на его отца, все пули вонзились в сердце его отца. Он должен узнать об этом и отказаться от должности коменданта Баку, должен сказать: «Я тоже представитель этого народа и не могу оставаться в армии, совершившей зверства против него!» и подать в отставку. Если после этого он не сможет остаться в России, пусть идет работать грузчиком в Баку, слава богу, он сильный, с голоду не помрет.

– Ты не должен был приезжать в Баку! Твоя фамилия не должна была стоять в одном ряду с их именами!..

– Я офицер, отец! Тебе лучше всех известно, что это значит.

– Быть офицером не значит закрывать глаза на трагедию своего народа.

– Но я пришел в Баку не вместе с войсками. Меня прислали только сейчас!

– Я не могу людям в глаза смотреть. Что они скажут? Посмотрите-ка на нашего ученого, настоящего патриота, чьи книги мы с такой гордостью читали, чьи выступления с таким восторгом слушали! А на поверку-то гнилым оказался... Против него собственного сына послали, а он молчит. Кому я смогу объяснить, что вовсе не молчу? Вот только все площадки, с которых я мог бы высказаться, у меня отняли, а теперь пытаются закрыть мне рот руками моего же сына...

Владимир с первого дня своего приезда в Баку знал о неизбежности этого спора с отцом. Только ему одному было ведомо, как сильно долгие годы он стремился жить здесь. При одном упоминании этого города сердце у него трепетало: «Хоть бы появилась возможность служить там, да еще предстать перед отцом в форме полковника», – думал он часто. Это было не только желание порадовать знаменитого у себя на родине родителя, за этим желанием стояло также потаенное недовольство этим родителем. Конечно, не ему одному досталась сиротская судьба, и места, где он вырос, были полны такими детьми – детьми войны, оборвавшихся любовью, принесенных в жертву родине, и разбитых семей. Это горе можно было пережить. Напротив, среди все еще царившего в стране оживления от победы, такие дети, как он, чувствовали себя увереннее – кто что может сказать тем, чьи отцы пали, защищая Родину? Настоящая печаль настигла его после того, как в самый разгар сладостных детских лет, посреди парка возле киоска с водой он увидел выделявшегося среди всех прочих, высокого, еще довольно молодого, бодрого мужчину и услышал слова матери: «Познакомься, я потом тебе скажу, кто это!» Сперва внимание его привлекла «Золотая Звезда» на груди этого человека; лицо мужчины было словно озарено отблесками той Звезды, отбрасываемыми светящим сквозь кроны высоких деревьев солнцем. Ему почему-то показалось, что незнакомец смотрит на них пренебрежительно, сверху вниз. Но потом он заметил, что тот на все вокруг взирает откуда-то со стороны, свысока, будто попал сюда по чистой случайности из совершенно иного мира, и ничего из происходящего не имеет к нему совершенно никакого отношения. Он на всю жизнь запомнил странное выражение лица мужчины в тот день. Это была улыбка то ли печальная насмешка – глаз невозможно было оторвать. Незнакомец счел представление матери недостаточным: «Почему потом? Разве нельзя сейчас сказать? Он же не ребенок!»

Если б в тот день ему сказали, что Луна сойдет с орбиты и сегодня ночью столкнется с Землей, даже это не удивило бы его до такой степени. Потому что до сих пор ему ни слова не было сказано о том, что отец его жив, и они могут встретиться... Он даже и не знал, верить или нет, радоваться или грустить; не знал, что сказать – так и стоял, будто окаменев, и искоса глядел на этого человека. Глядеть-то глядел, но не знал даже, видит ли. Человек напротив превратился вдруг в размытую картину. А мужчина обнял его своими сильными руками и поцеловал. И хотя от поцелуя этого по телу его пробежали мурашки, но чуждости он не ощутил. Наоборот, пришло странное чувство, что человек этот и в самом деле родной ему.

Потом они встречались почти каждый день, и он не знал, радоваться тому, что этот человек появился в их жизни, или гневаться. В ресторане отец пил и делился тяжелыми военными воспоминаниями. Часть этих воспоминаний была связана с его матерью, их знакомством и совместной службой. Что еще они могли сказать? Одна из печатей, которые война поставила на тысячи судеб... Мать демобилизовалась и вернулась домой, отец продолжил служить в Берлине. Мать нужна была ему только на фронте, когда не было надежды дожить до завтра. И он не знал, случайна ли их нынешняя встреча здесь, в Ессентуках, или же они поддерживали связь... Ни отец, ни мать не смогут рассказать ему, что за необычайную любовь пережили они на чужбине во время войны... Остались лишь воспоминания, угольки, вспыхивающие, если на них подуть. Он был уже не маленьким, много слышал о войне и необычных, которые тогда происходили. Нетрудно было понять ему и фронтовую любовь родителей, их разлуку, но одно никак не поддавалось его пониманию: то, что мать ничего не говорила раньше и позволила ему жить, как другие дети, потерявшие отцов на войне.

...Сказать теперь: если армия эта не ваша, то и сам я тоже не ваш? Что с того, что вы повстречались с моей матерью в разрушенном Берлине и, дав волю чувствам, создали новую неполноценную жизнь, что с того, что в жилах моих течет твоя кровь и я ношу твою фамилию, разве только в этом заключается отцовство?

А с кого мне спросить за все те детские годы, которые я провел в тоске по отцу; кто ответит за все тяготы, что пережила моя мать; как позабыть страх, испытываемый, когда я не знал, куда спрятаться от яростного взгляда отчима-алкоголика?

Но все эти вопросы были не новы. Они много говорили об этом с отцом, который навещал их в каждый свой приезд на Северный Кавказ и периодически звонил из Баку. И в ходе разговоров выяснялось, что ответов на эти вопросы нет, эти раны никогда не заживут, и, по правде сказать, слушая рассказы отца о войне, о том, через сколько смертей он перешагнул, как 30 лет носит в своем теле осколок, как, несмотря на звание Героя, провел в нужде все студенчество, Владимир все больше привязывался к нему и даже жалел его. Глубокая печаль в зеленоватых отцовских глазах трогала его, и он считал себя одним из виновников этой печали. Лишь познакомившись с отцом, слушая их разговоры с матерью, он понял, что на самом деле этот человек и в личной жизни ведет себя в соответствии с героическим характером. Ни на месяц не прервал он выплату алиментов, и всегда сумма эта была довольно существенная, а мать едва сводила концы с концами не из-за безденежья, а потому, что эти присланные из Баку деньги утекали в желудок ее второго мужа-алкаша...

Слушая обо всем этом и о второй «Золотой Звезде», которой был удостоен отец, он и сам удивлялся, насколько похож на него по характеру. Но сейчас сердце его переполнялось иным чувством. Хоть он и не говорил об этом открыто, но понимал, что не может не признать правоту слов отца. Напротив сидел не просто родной человек, большой ученый, герой войны; если Баку можно было бы превратить в одного конкретного человека, этим человеком был бы именно отец. Лишь приехав в Баку и увидев его ветреную погоду, потерявшие цвет, обстрелянные стены домов, волнующееся море, Девичью башню, крепостные ворота, он понял, как этот город схож с его отцом. Твердостью и выносливостью... Как точно он сказал: «Они послали войска на меня». Не только ради отца, а ради Героя, пожертвовавшего юными годами ради спасения этой страны, нельзя было трогать Баку. Но он не мог сказать об этом отцу. И с безнадежностью твердил:

– В чем я виноват, что я мог сделать?

Отец был непреклонен.

– Ты не должен был сюда приезжать! Не понимаешь простых вещей. Они переворочили огромную армию, чтобы отыскать и прислать сюда именно тебя. Они знают, что народ верит мне, и хотели столкнуть лбами сына и отца. Один – оккупант, второй – защитник прав своего народа. Тебя прислали убить меня! Понимаешь? Тебя прислали нарочно! Назло мне! Враги мои прислали. Те, кто не мог ответить мне на поле научной брани, и те, кто хотя и вынесли мне смертный приговор, но не могут его осуществить, мстят мне таким образом. Насылая сына на отца. Мол: «Мы все про тебя знаем, академик. Ты тоже человек Москвы. Не пытайся застраховать себя, говоря «Я с моим народом!» Говоришь одно, а твой сын тоже служит в этой оккупационной армии!»

До Владимира только сейчас начало доходить, насколько запутана ситуация:

– Повторяю. Меня не было здесь 20 января.

– Какая разница? Верно, тебя здесь не было, но ты офицер этой преступной армии или нет? Ты тоже несешь ответственность за произошедшее или нет?

Тут Владимир подумал о чем-то таком, что изменило тон его голоса:

– А может, наоборот! Может, мое здесь присутствие пойдет на пользу делу!

– О какой пользе ты говоришь! Если за этим преступлением стоят Язов, Бака-тин, то есть армия и КГБ, что ты можешь сделать? Пойми, не только ради меня, но и ради себя самого, ради спокойствия собственной совести ты должен отказаться от должности коменданта и вернуться назад. Если они не согласятся, подашь в отставку, демобилизуешься из армии. Голодать ты не будешь. Зарплата моя хоть и не велика, я поделюсь с тобой.

– С тобой невозможно разговаривать, отец. Хочешь, чтобы я ушел, а на мое место прислали какого-нибудь козла?

Зияд бей повысил голос:

– Это потому, что ты не козел, КПЗ каждый вечер переполнены людьми?

– Это для их же безопасности, отец. Посреди ночи они Бог знает на кого могут наткнуться. Какой-нибудь безмозглый солдат совершит диверсию, а отвечать за это придется мне.

– Но теперь мне приходится отвечать за тебя!

Комендант улыбнулся этому выпадку отца:

– Ты ведь хотел видеть меня генералом.

Академик встал и направился к двери:

– Я хотел видеть тебя генералом доблестной армии. А не армии, проливающей кровь нашего народа! Подумай о том, что я сказал!

Не взглянув в лицо сыну, он широкими шагами вышел из комнаты.

Два дня спустя в десять часов вечера в дверь позвонили. На пороге стоял Владимир с женой и дочкой.

– Ты с семьей приехал? – удивился академик. – А почему же не сказал об этом в тот день?

– Да ты разве дал мне возможность сказать! – засмеялся сын.

Внучка академика, которую хозяйка дома в первый день назвала «желтым цыпленком», была славной красивой девчушкой. Академик прижал ее к себе со словами:

– Господи, и желтушка тоже приехала!..

Вслед за внучкой обняла Зияд бей и невестка. Владимир рассказал ей об их разговоре, и в душе она была вполне согласна со свекром.

– Как только мне предложили приехать в Баку, я сразу же сказал, что возьму с собой семью. Все годы моей службы семья всегда была со мной, разделяя со мной все тяготы, – сказал комендант.

– Надо было вам пораньше прийти, – сказала Махира ханым.

– Извините, знаем, что явились поздно, но выйти с работы раньше никак не получается. Так что, позвольте и в будущем беспокоить вас в такое время, – ответил Владимир.

– Вы главное, приходите. Все в порядке, – успокоила его Махира ханым.

Комендант намеревался смягчить тяжелый разговор, произошедший у него в кабинете. Из висящей на плече сумки он достал колбасу и водку.

– Махира ханым! Разрешите отцу выпить?

Та поспешила на кухню:

– Можно подумать, он спрашивает у меня разрешения!

Академик недовольно покачал головой. Мол, «хочешь пить, пей, к чему все эти церемонии-то?»

Накрыли стол на скорую руку. Перевалило за полночь. Но комендант не хотел уходить. Они продолжили разговор на балконе. Хотя выпивка и не изменила отношения отца к армии и к его комендантской должности, он не скрывал радости от того, что они вместе этой поздней ночью. Некоторое время он молчал, глядя на едва светящиеся прибрежные огни. Потом, оторвав взгляд от ночи, внимательно посмотрел на сына. То, что он сказал, стало для Владимира неожиданностью:

– Знаешь, вот я осуждаю тебя, но при этом понимаю, что, наряду с тобой, виноват и я сам.

– Ты ни в чем не виноват, отец!

– Виноват! Виноват! Не спорь! Я сам себе подготовил этот сюрприз – тебя в роли коменданта...

Владимир ничего не понимал...

Вглядываясь в окутавшую море мглу, отец стал рассказывать, словно обращаясь к самому себе:

– В преддверии 20 января правительство Азербайджана и люди из Москвы, якобы для того, чтобы узнать мнение народа, несколько раз встречались с лидерами движения и местной интеллигенцией. Это была попытка создать видимость. А главным инициатором был здешний приспешник Москвы, Второй секретарь. Выглядело это так, будто они ко Второй Мировой войне готовятся или это чрезвычайное собрание у Главнокомандующего. Меня тоже пригласили на эту встречу, и, помимо Язова, там присутствовали еще Бакатин, Кравчук и Шаталин. «А что, есть опасность новой войны? Какое государство собирается напасть на СССР с этого направления?» – спросил я у Язова. Так и ждал, что он ляпнет что-то лишнее, и я смогу выпустить пар. Но он просто увел разговор в сторону. Будто бы они приехали по поводу проведения в Баку какого-то совещания на тему военной промышленности... Потом поинтересовался моими мыслями о путях решения Карабахского конфликта. В общем, были очень долгие споры. И только мы собирались, наконец, разойтись, как вдруг я вспомнил твои слова, сказанные в нашу прошлую встречу. «Меня интересует одно, – обратился я к Шаталину, – у вас звания дорого стоят?» Все обернулись на меня в смятении. «Я вас не понимаю!» – пробормотал Шаталин. «Мой сын уже десять лет сидит в звании подполковника. Вы всем вокруг звания раздаете, а он чем плох? Фамилия его вам не нравится?» – сказал я громко. Вместо него отозвался Язов; поинтересовался, где ты служишь, и сказал: «Если хочешь, я быстренько сделаю его генералом!» Я не согласился. Чтобы не говорили потом, что я воспользовался подходящим моментом. Министр внутренних дел молчал. Но потом я понял, что он позвонил куда надо для решения этой проблемы.

Владимир с удивлением воззрился на отца:

– Ты и в самом деле герой, папа! Тебе полагается еще пара Звезд за послевоенную деятельность... А я-то думал, что они рассмотрели мою жалобу. Оказывается, это твоих рук дело. Ни с того ни с сего всю часть подняли на ноги и решили мою проблему за один день. Точно! В преддверии 20 января...

Зияд бей с сожалением прошептал:

– Если б не тот случай, они бы не смогли столкнуть нас с тобой.

С тех пор они часто разговаривали на этом балконе. Они давно желали быть вместе, но теперь не могли сполна насладиться этим счастьем из-за того, что выпало оно на столь тяжелое для Баку время... И отец, и сын хотели, чтобы чрезвычайное положение как можно скорее было отменено...

Коменданту сообщили, что пришел редактор какой-то газеты. «Впустите», – велел он. Все равно, все газеты в стране позакрывали, в СМИ введена военная цензура, пусть скажет, чего хочет.

Алтай был темнее тучи. В те дни так выглядели все бакинцы. Ударь их ножом – кровь не пойдет.

– Я главный редактор оппозиционной газеты.

– Слушаю. Говорите, товарищ редактор.

– Солдаты разгромили нашу редакцию. На это я ничего не говорю, потому что счет предъявлять все равно некому. Но хотя бы разрешите нам выпускать газету. Нельзя оставлять целую республику без информации.

– Все газеты закрылись, и ваша – в том числе.

– Все газеты государственные, а наша независимая. В соседних республиках, в Прибалтике издаются десятки независимых газет. Я принес несколько наших старых номеров. Если хотите, можете посмотреть.

Комендант взял газету. Алтай добавил:

– Она на двух языках. Можете посмотреть материалы на русском. Во всем Карабахе нет ни одной газеты на азербайджанском, поэтому мы отдаем преимущество статьям, связанным с Карабахом.

Комендант мельком пробежался взглядом по страницам и сказал:

– Но здесь есть и антиармейские публикации.

Главный редактор ожидал этого замечания:

– Все, что в них написано, доказано следствием. Это касается незаконной помощи, которую один генерал оказывал армянам в Карабахе. Речь идет о конкретном факте, а не о всей армии в целом.

Владимиру понравился четкий ответ редактора.

– Если мы дадим разрешение на издание газеты, вы не станете ничего писать о вводе войск в Баку?

– Вас об этом проинформируют.

– Кто?

На лице Алтая промелькнула усталая улыбка. Он с самого начала дожидался этого момента. Знал, что разрешение на выпуск газеты во многом зависит от отношения коменданта к своему отцу.

– Да хотя бы ваш отец! Академик Зияд Шихлы, – сказал он.

Положив газеты на стол, комендант развернул кресло в его сторону:

– Каким боком это касается моего отца?

– Взгляните на последнюю страницу. Ваш отец – один из членов редколлегии. Мы учредили ее совместно с известными личностями Азербайджана – учеными, писателями, общественно-политическими деятелями. А там, где есть они, там не может быть места ни призывам к войне, ни антиармейской пропаганде. Вы, наверняка, знаете, как ваш отец относится к армии. Одно из наших направлений – политическое и культурное просвещение. В номере, который вы держите в руках, есть статья вашего отца о жертвах репрессий 1937 года.

Он не знал, о чем думает комендант. Но в ходе разговора понял, что сможет получить разрешение, заветное разрушится, и газета, которую все так заждались, вновь будет рассказывать о заботах народа.

Вертя газету в руках, комендант сказал:

– Я хотя и не знаком с этой сферой изнутри, но, по-моему, ответственность всегда лежит на главном редакторе. Вы не будете публиковать ничего, мутящее воду или направленное против армии. В типографии есть военный цензор. Он будет давать «добро» на публикацию. Идите, выпускайтесь.

По телефону он дал поручение своему представителю в типографии: «К тебе обратятся. Я дал разрешение издавать газету. А публикации будете контролировать сами».

Перепополняемый радостью, Алтай поднялся. Прежде, чем выйти за дверь, он обернулся – оставить без ответа одну из поддевок коменданта было бы ниже его достоинства:

– Ваш отец – еще и духовный отец тысяч, а может даже и сотен тысяч молодых людей. Мы с ним большие друзья. И никто лучше него не пишет о том, что и Карабахский конфликт, и ввод войск в Баку – это несправедливость и преступление по отношению к нашему народу. Вы опосредованно намекнули на Народный Фронт. Я один из создателей Народного Фронта, член его правления. Народный Фронт – это политическая организация. А для того, чтобы разрушить политическую организацию, не было нужды вводить войска...

– А я комендант города, – спокойно сказал Владимир, – должен обеспечить население хлебом, светом, водой. Даже уборку мусора с улиц организовываю. Политикой я не занимаюсь.

На следующий день в городе, находящемся в состоянии чрезвычайного положения, распространилась газета, которую читатели ждали, как манну небесную.

– Это ваша заслуга, – сказал Алтай академику, который, как только газета возобновила работу, сразу же пришел в редакцию.

Он в подробностях пересказал Зияд бею разговор с его сыном. Но эта новость не изменила настроения академика. Его заботило то, чтобы Владимир поскорее вернулся в Россию, а в городе был отменен комендантский час.

Он регулярно рассказывал отцу о всех своих делах и о том, с каким трудом они ему давались. Подходил он к этим рассказам с долей юмора:

– Папа, примешь рапорт о минувших двух днях Баку?

Что тут можно сказать? Отец дышит Баку и мечтает о том, когда чрезвычайное положение, наконец, закончится, и остатки 11-й Красной армии уберутся прочь из города. И это первая причина, по которой он интересуется «рапортами», а вторая – положение людей. У города тысяча проблем, и все они лежат на плечах коменданта, то есть – его сына. Владимир откровенно жаловался: «Руководству города будто выпала возможность не работать. Сидят, сложа руки, как чучела. Дело дошло до того, что даже городской мусор я заставляю убирать». Потом он с улыбкой добавлял: «Конечно, я все устрою, это ведь город моего отца, мой город. Но и они должны пошевелиться! А то такое ощущение, что они рады приходу войск. Мол, пусть эти работают, а мы наблюдаем!..»

Тут отца прорывало. Владимир, родившийся в России и выросший в военной среде, где не существовало никакой цензуры, слышал из его уст доселе неведомые ему трехэтажные русские ругательства и, зажав уши, захлебывался от смеха.

Он знал, что творится в душе у отца, чего ему хочется, и относился к этому с уважением и вместе с тем ценил каждую их вечернюю встречу, как божий дар, как, быть может, последний шанс, и не хотел, чтобы эти встречи скоро закончились.

Эти дни были также очень важны и значимы для будущего его дочери; она ходила в школу напротив бакинской мэрии. Да и дом, в котором они живут, находится там же, и по вечерам они ходят к отцу пешком. Девочка знает, что дед ее очень любит, и гордится этим. А то, что всем известный Герой несколько раз заходил за ней после занятий, интересовался уроками, водил погулять, было для внучки, которую дед любовно называл «желтушкой», настоящим праздником. Визиты дедушки еще более окрылили «желтушку», которая и без того имела в классе и школе особый статус «дочки коменданта». Она знала, что дед – знаменитый ученый, и получала удовольствие, расспрашивая его об истории Азербайджана, задавая при этом весьма каверзные вопросы. Одной из причин этого удовольствия было и то, что и сам дед говорил на эту тему очень охотно, будто ждал её вопросов.

Но, несмотря на все эти семейные обстоятельства, главной темой ведущихся в доме разговоров были территориальные претензии армян, отсутствие помощи из Москвы и то, что СССР был на грани распада. Академик говорил, что это неизбежно, и был уверен, что Горбачева поставили у руля именно с такой целью. Если б вместо него выбрали нашего Аксакала, он бы не позволил стране развалиться. Но его не пропустили вперед. Слишком хорошо они помнят Сталина. И думают, что все кавказские лидеры такие, как тот.

Владимир был не согласен с отцом. Напротив, сейчас часть русских хочет, чтобы страной управляла сильная рука, наподобие сталинской. В отличие от отца он не хотел развала СССР: «В то время, как весь мир стремится к объединению, зачем нам разделяться? Если объединить шестую часть земли, как Европу, отношения в мире изменятся. И эти нахальные соседи тогда тоже притихнут. Если даже СССР раз-

валится, Москва не выпустит Армению, и армяне станут еще агрессивнее за счет идущей из России помощи. Война разгорится. Что вы сможете сделать голыми руками?»

Отец внимательно слушал этот анализ и, разделяя его мнение по поводу агрессивности соседей, видел в этом также и пристрастие сына к России. «А как может быть иначе? Влияние матери».

Между делом Владимир вспоминал и о ней. Точнее, пытался вырвать у отца ответы на вопросы, на которые не могла ответить она, и не утаивал свои многолетние наблюдения: «Верно, она вышла замуж во второй раз, но счастливой не стала. Кого она могла полюбить после такого человека, как ты?»

В этих словах скрывалась также и его собственная любовь к отцу...

С 20 января 1990-го прошел год, но из Баку не ушла траурная атмосфера. Город, который армия заставила замолчать, город, связанный по рукам и ногам, был похож на почерневший очаг. Государство, в чей состав он входил, предало его и погубило его душу. Разрушенные дороги и сожженные дома можно было восстановить, но надежды на Москву восстановить было уже невозможно.

Академик не вставал из-за письменного стола. Новая волна репрессий, нахлынувшая в тот самый момент, когда он уже почти закончил свое произведение на эту тему, спутала все его планы. Вслед за 37-м он должен был написать и о нынешних днях.

Везиров ушел, на смену ему пришел Муталлибов, но не предпринималось никаких серьезных шагов для решения Карабахского конфликта. Наоборот, пользуясь чрезвычайным положением в Баку, в Карабахе была создана особая система управления, и академик лучше всех знал, что это такое. Таким образом, эту область сперва оторвут от Баку, а затем сдадут Армении.

Несмотря на это, азербайджанское руководство все еще с предательской покорностью крепко держалось за подол Москвы и все еще надеялось на то, что Горбачев будет действовать в рамках закона и защитит территориальную целостность республики. В 1991 году руководство придало этой своей бесчестной покорности официальный статус, проведя так называемый «референдум». Якобы Азербайджан не хочет выходить из состава СССР, но народ не дремал, и даже в самых отдаленных селах создавались ячейки народного движения.

Каждую неделю в газете публиковалась очередная его статья. И, читая о зверствах, которые творила в 20-30-е годы Красная армия и красная империя, все понимали, что автор подразумевает также и нынешнюю оккупационную армию, имеющую в Баку безграничную власть.

Каждую неделю он также читал колонку «От главного редактора» и переполнялся гордостью за то, как его юный друг бичует уродство старого режима, истинное лицо зияющей на деньгах мировой политики, бездействие чиновников; как демонстрирует слабость чувства национального сопротивления и поднимает моральные проблемы одна серьезнее другой. Но при встрече Алтай рассказывал ему и о других своих работах. Особое удовольствие академику доставила пьеса о том, как президентская семья совершает побег на вертолете.

«А другая моя пьеса погибла. 18 января была премьера, а 19-го в город вошли войска, и все спектакли прекратились», – сказал Алтай с грустью.

Однако, по мнению Зияд бея, гораздо важнее было то, что его молодой друг был избран депутатом Верховного Совета Азербайджанской ССР и мог теперь выражать волю народа.

– Сам я очень негодовал, когда не был избран в Москву, в Верховный Совет СССР, потому что все избиратели единодушно меня поддерживали... Но твое избрание меня успокоило.

– Зияд бей, так разве ж Москва, тамошняя армянская мафия и ее бакинские подручные позволили бы, чтоб вас избрали? Представляю, что было бы с Горбачевым, когда вы с той трибуны пустили бы в ход все изыски русского языка, которыми владеете. Вы разнесли бы его еще хуже, чем Сахарова!

Но Зияд бей думал не о себе, а о том, чтобы народ был представлен там достойным образом:

– Я человек, привыкший к окопам. Это был шанс не для разговоров, а для борьбы. Вместо того, чтобы отправить туда человека, умеющего высказываться и затыкать рот врагу, они отправили малообразованную женщину, которая, завязывая уголок своего платка, пытается тем самым закрыть рты московскому руководству. Позор! До такой степени унижить народ. Даже если мы справимся со всеми вокруг, то едва ли сможем победить внутренних врагов. Но ничего, я напал на их след и швырну в лицо этим носителям имен пророков и святых их похороненные удостоверения личности! Сукины дети!

Рано утром 20 августа 1991 года зазвонил телефон.

– Доброе утро, отец.

– Доброе утро, полковник! – чувствовалось, как он соскучился по военному приветствию. – С чего вдруг в такую рань?

– Хочу отрапортовать. Твое желание сбылось...

– Что случилось? Уезжаешь?

– Ты не в курсе? В Москве случился переворот.

– Что за переворот? И кто пришел к власти?

– Ты их знаешь. Хотят отменить реформы Горбачева и восстановить СССР.

– А наше руководство что говорит?

– Руководство в Иране. Поспешно сделали оттуда заявление, что поддерживают переворотчиков.

– Чокнутые. Не понимают, что это может быть какая-то игра? Хоть Горбачев нам и враг, мир не позволит, чтобы его свергли таким образом, потому что он еще не выполнил того, что ему поручено. Германия объединилась, но и СССР должен быть разрушен.

– Так или иначе, кажется, я вскоре распрощаюсь с Баку.

– Если б ты хотел уехать, сделал бы это шесть месяцев назад; не было нужды дожидаться переворота. Не веди себя теперь как невинный ребенок!

На том конце провода комендант рассмеялся и спросил:

– В городе начались митинги, что нам делать? И посоветоваться не с кем.

– Ты не мешай!

– Народный Фронт оживился. Проводит митинг якобы в защиту Конституции.

Тут уж не помешаешь.

– Ну, и прекрасно. Пусть народ выскажется.

Сын молчал.

26 августа народ во главе с Алтаем и его друзьями, перевалив через автомобили и танки, под застывшие взгляды солдат, собрались на площади Азадлыг с криками: «Мы вернулись!» Неудавшаяся попытка переворота ускоряла развал СССР. На мартовском референдуме они выклиничивали возможность остаться в составе Союза, а что делать им теперь?

Четыре дня спустя, 30 августа на внеочередной сессии Верховного Совета Азербайджана при участии Алтая и еще нескольких оппозиционных депутатов республики была принята «Декларация о восстановлении государственной независимости Азербайджанской республики». У руководства не осталось иного выхода, кроме как принять волю народа.

7 сентября комендантский час и чрезвычайное положение отменили. Владимир до утра обсуждал с отцом будущее Азербайджана, а спозаранку вместе с семьей вернулся в Есентуки. На прощание внучка обняла деда и сказала:

– Дедушка, мы были счастливы рядом с тобой, я буду очень по тебе скучать!...

Из дневника Зияд бей

«Приближается праздник независимости. Развеялось марево, все лето окутывавшее город, как пепельное покрывало, чистота и голубизна небес возвратились вместе с осенью, и это изменило мое настроение. Мои нервы, натянутые, как струны, вечно напряженные в последние несколько лет, вдруг неожиданно успокоились. Хочу вернуться в рабочий ритм, по которому так давно тоскую, и закончить оставленные на половине произведения. Если б не куча дел в институте, заперся бы и работал до ночи, или взял бы тетради для заметок и отправился в Астору или Гейчай. Вот спрашивается: брат, ты кто такой: ученый или политик? Понятно, что далеко ты забраться не можешь, слишком привязан к залам для совещаний. Но Абшерон, он-то совсем близости! Разве трудно уехать на одну из абшеронских дач, укутанных осенней прохладой, овеваемых умиротворяющими душу ветрами, и работать день-деньской? Смотрю в окно и не могу припомнить, когда я в последний раз выходил на берег моря, когда спокойно, не спеша прогуливался десять-пятнадцать минут по парку академии. Разве можно так жить? Не шутка ведь, десять лет мы света белого не видим. И все равно ничего не идет так, как нам хочется...»

Карабах мы потеряли. Говорим, что временно, но когда эта временность закончится, никто не знает. Еще много воды утечет до тех пор. Может быть, больше, чем нам отпущено. Надо работать. Но с чего начать? Если пойму это, все быстро встанет на рельсы.

Все смотрю и смотрю в окно. Трудно описать то, что я испытываю, гуляя в этом парке в пору листопада; под ногами моими шуршат листья, окрыленные дыханием осени, походящие на ржавые железные лапы, и я забываю, что нахожусь в центре большого города. Эти чинары состарились вместе со мной, выросли и уже почти достигают уровня моего кабинета на седьмом этаже. Прежде деревья никогда не бывали столь кроваво-красными. Будто события последних лет устыдили даже листья, заставили их покраснеть. Даже природа ощущает равнодушие и несправедливость мира.

Я постоянно ругаю себя. Это не значит, что все эти годы я сидел, сложа руки. Наоборот, работал без продыху, издал книги о репрессиях. Поездки за рубеж, встречи с военными на фронте, выборы в Милли Меджлис, депутатство... Разве этого мало? Но, честно говоря, большинство своих статей я пишу вынужденно. Сколько можно повторять старые истины, которые давно должны быть известны миру, сколько можно отвечать на ложь и клевету? Сколько можно указывать верную дорогу тупоголовым врагам, называющим себя учеными и, пользуясь неосведомленностью мира, фальсифицирующим историю, придумывающим наветы? Все равно ведь, пусть хоть архангел спустится к ним с небес и отвечает им высшей истиной – какая разница, они ведь эту истину не ищут, не она им нужна, они по-прежнему будут твердить свое.

Если придется им отвечать перед своей совестью, то станет ясно, что они и сами знают, что правда, а что нет. Знают, но озвучивают не правду, а ложь, требуемую их средой и власть имущими. В личном плане ложь – это их способ пропитания, а в общественном плане – национальная идеология. Если государство строит свой фундамент на фальсифицированной идеологии и выдуманной истории и годами, как только можно, вбивает это в умы окружающему миру, разве могут подействовать на это государство какие-то слова?

Я много раз говорил, что нельзя превращать науку в орудие и ручного ягненка политики; не могу смотреть на такое без душевной боли, борюсь, когда надо, за известные мне истины и получаю от этого удовольствие. Но сейчас меня волнует не повседневная политика, а мои неоконченные и неопубликованные книги.

Молодежь не понимает, что мы переживаем. Даже оставив в стороне нынешнюю борьбу, я всю жизнь наслаждался и своей борьбой с фашизмом, тем, что спас страну, гордился «Золотой звездой» на груди. А потом СССР, за который я сражался, выбрал путь, мало отличавшийся от фашизма, предал мой народ и, слава Богу, понес за это наказание. Его больше нет. Страны и народы, насильно присоединенные к России, оккупированные ею, обрели независимость. По исторической логике это был неизбежный конец, восстановление справедливости. И я не могу представить ничего прекраснее, чем быть одним из активных и авторитетных лидеров этой борьбы за независимость.

Из-за бездарности сменяющих друг друга глав государства и международного давления мы понесли тяжелые потери на войне, но народ не свернул с дороги независимости. Я стал одним из инициаторов того, чтобы с целью спасения страны от катастрофы пригласить в Баку Аксакала, который некогда поднялся до одного из самых высоких постов, до членства в Политбюро; потом, из-за зависти Горбачева, стал, точно, как Нариманов, жертвой покушения в Москве, но сумел избежать смерти и вернуться на родину, а не получив поддержки от своих воспитанников в столице, нашел приют в родном провинциальном городе. Мне трудно сказать, был ли это верный или ошибочный шаг – пригласить его сюда. Выбора не оставалось. Я полагаюсь на него и верю, что скоро все начнет налаживаться. Дай Бог, жизнь покажет, что я не ошибаюсь. Не приди он, разве мог бы я сейчас так спокойно думать о науке и заниматься своей основной работой? Некоторые зловредные людишки, годами переливавшие из пустого в порожнее в коридорах и чайханах, не способные хоть с горем пополам написать научную работу, сделали все, чтобы испортить репутацию академии. Была б их воля, они и вовсе продали бы все это историческое здание. Откуда им знать ценность науки? И как только может человек быть настолько неблагодарным, чтобы пытаться разрушить научный центр, который его кормит? И Эльчибей не сумел их заткнуть... Конечно, Аксакал им не чета, он хорошо знает, что такое наука, ученый, писатель, культура. Так было и в советское время!

До этих невежд не доходит, что наука, литература, искусство лежат сегодня в основе существования и борьбы народа; и не осознавать это сродни невежеству или бедности национального духа.

К сожалению, в последние годы мы собственными руками уничтожили некоторые свои надежды. Потеря Карабаха согнула народ. Ведь они не могут руководить страной. Горбачев будто нарочно выталкивал вперед Везирова и Муталлибова. Мы ведь всех их знали, знали, кто что из себя представляет, и заранее предсказывали, что они могут сделать.

Да мой старый друг Эльчибей толком и не успел ничего! Его идеалы и верность прямому пути были не выгодны большому армянофильским силам; надо было ему это понять и действовать соответственно.

Я радовался приходу к власти Народного Фронта, но уже с первых их шагов понял, что надежды мои они не оправдают. Я не стал критиковать, стоя в стороне, а искренне постарался помочь. Эльчибей, несомненно, уважал меня. В последнюю нашу встречу он сам вышел на порог. Я сразу перешел к делу. Между нами состоялся примерно такой диалог:

Я:

– Первое, что ты должен сделать, – это закончить Карабахскую войну.

Эльчибей:

– Закончим!

– Таким макаром? – я разнервничался. – Что вы творите? У нас всего-то пять-шесть генералов. Божий дар. Почему вы не допускаете их до дела?

Эльчибей:

– Генерал говорит об укреплении границ, мерах обороны, окопах. Разве народ это выдержит? Мы должны, не теряя времени, очистить Карабах.

Я:

– Похвальное желание, но не пропускайте мимо ушей слов профессионального военного; у него большой опыт. Вместо того, чтобы проводить митинг против него, дайте возможность организовать армию по своему усмотрению. Без армии ничего не получится.

Эльчибей:

– Вы все усложняете! Вопрос с генералом стоял еще до меня.

Я:

– Но митинг против него устроили твои «фронтовики». Этот генерал тебе еще понадобится.

Эльчибей:

– Это народная война.

Я:

– Не вмешивай сюда народ!

Эльчибей:

– Народ и без того уже вмешан.

Я:

– Что может сделать безоружный народ! Если хочешь поскорее закончить войну, доверь это дело опытному военному. Я поговорю с ним. Там гористая местность, все смогут решить несколько мобильных отрядов, имеющих легкую технику. Я и сам могу к ним присоединиться.

Эльчибей засмеялся:

– Нет уж, мы вам этого не позволим!

Но я оставался серьезен:

– Я не шучу. Дай мне 200 мотоциклистов, 200 мотоциклов с люльками, и хорошо вооруженных стрелков, а остальное уже не твоя забота.

– Обсудите это с нашим новым министром обороны, – уверенно и спокойно сказал президент.

Я:

– И кто же он?

Эльчибей:

– «Фронтвик», разумеется, кого же еще мы могли поставить на эту должность.

Я:

– Не пренебрегай генералами в пользу всяких малолеток! Так не пойдет! Нельзя превращать все в игрушки. Демократия и болтология – разные вещи. До того дошло, что вы уже и Академию наук хотите упразднить и на торги выставить.

Эльчибей:

– Это всего лишь предложение.

– Но если такое предложение озвучивают первые лица страны, это обесценивает всю нашу науку и всех ученых... Армия, наука – это дело профессионалов. Неважно, «фронтвик» он или нет...

С такими словами я попрощался и ушел.

По мне, так Эльчибей не должен был становиться президентом. Одно дело – быть носителем мысли, мнения, идеи, но совсем другое – руководить воюющей страной...

Хорошо, что он вовремя опомнился и, положившись на Аксакала, пригласил его в Баку, а сам, не получив достаточной поддержки от тех, кто называл себя его учениками, внезапно отказался от власти и вернулся в родную деревню...

Много дней подряд я беспрестанно размышляю. Закончить недописанные работы об истории Древних и Средних веков... Это очень важно. Но разве то, что переживаем мы сами, вот эти мои записи, разве это тоже не история? Завтра кто-то будет стараться докопаться до сегодняшних истин. И они не должны оставаться без внимания. Иначе завтра народ окажется в растерянности, запутается. Ему будет трудно отыскать правду. Ведь каждый из этих краткосрочных правителей пишет свой собственный вариант истории. Считает себя правым. А это, по большому счету, то же самое, что армянская фальсификация...

Хоть бы, как только Аксакал возвратился из Москвы, старые его ученики и воспитанники отошли бы в сторону и привлекли его к власти. Тогда на голову нам не свалилось бы столько бед.

Попробовав на зуб претензии и правых, и левых, и власть имущих, и оппозиционеров, народ связывал все свои надежды с Аксакалом. «Он умен, опытен, со всеми может найти общий язык. Если придет, он и врага на место посадит». Отправившись в провинцию и объясняя, насколько важно его возвращение в Баку, я учитывал это мнение народа и ту сложную ситуацию, в которой мы оказались...

Если б он не пришел, катастрофы наши могли бы быть гораздо значительнее. Это однозначно так. Никто не может назвать иную альтернативу.

Да, в стране были остановлены центробежная сила и сепаратизм. Но молодежь, самоотверженно боровшаяся за свободу, никак не могла договориться между собой, отсутствовало национальное единство.

А главное – люди, пригласившие Аксакала в Баку и создавшие условия для избрания его президентом, затем разбежались в разные стороны, не став у него за спиной. Поэтому он положился на тех, кто, сменив личину, остались по сути своей теми же старыми коммунистами и приверженцами Москвы. Это пугает меня. Хотя упрекать его за это трудно. Из всех тех долгих разговоров в провинции я понял, что за годы, проведенные в Москве, он научился отличать друга от врага и подмечать предателей.

И ни в какую логику не укладывается повторное возвеличивание тех самых предателей, противников свободы. Мало того, большинство взяточников и казнокрадов стали депутатами. Но, увы, здесь, в столице, мы уже не можем говорить так откровенно и смело, как тогда, в провинции. У него и так забот полон рот. Не стоит нам создавать ему дополнительных проблем.

По правде говоря, мне порой трудно понять, по какому принципу он распределяет должности. Взять хотя бы нашего председателя Меджлиса. Разве мы его не знаем? Чего только не рассказывают о нем студенты. Говорят, он брал взятки в туалетах. А теперь вот председательствует. И я правильно сделал, что высказался. Я должен был это сказать, пусть даже товарищи по партии остались недовольны. Иначе я взорвался бы. Впервые Аксакал посмотрел на меня так жестко, с неодобрением. Но ведь он и сам не из тех, кто идет на компромиссы в подобных вопросах. Так что, наверно, поймет меня...

Но немало и тех, кто не любит его, критикует его работу и даже считает, что он еще до приезда в Баку приложил руку ко всей этой неразберихе. Ну, этим-то еще легко все разъяснить. Но нельзя заставить замолчать военных. Особенно – старых солдат, ветеранов, как они сами себя именуют. «Почему этот ваш, так называемый, Аксакал, как только пришел к власти, сразу же отозвал нас назад? Разве не предательство давать добровольцам приказ отступать, не создав сперва новые военные отряды? Может, это было сделано именно для того, чтобы отдать армянам семь районов в окрестностях Нагорного Карабаха?»

Я не знаю, что им ответить. По-моему, это не предательство, а ошибка. Он поспешил. Понадеялся на свой авторитет. Поверил, что ему вскоре удастся договориться с армянами и уладить все мирно. Ведь и карабахские сепаратисты были его воспитанниками. Это с его позволения они вскарабкались на верхние этажи власти.

...При глубоком исследовании недавней истории XX столетия, разворачивающейся у всех на глазах, затрагивающей жизнь каждого и, казалось бы, хорошо всем известной, забываются события далекого прошлого, древних правителей и стародавние войны. И хотя я написал историю великой войны, одним из героев которой был я сам, но теперь пребываю в полной растерянности, не могу выбраться из водоворота вопросов без ответа. Ищу способ спасения из этих сетей, расставленных много лет назад для нашего уничтожения, и до недавних пор надеялся, что смогу направить руководителей разных государственных структур по тому пути, который считаю верным, и тем самым решить судьбу войны нынешней. Ни одно человеческое существо, видевшее, как в борьбе с фашистской Германией погибли миллионы людей, как красивейшие города в мгновение ока превращались в руины и прах, ни за что не захочет повторения подобной трагедии. Объединение стран Европы и мира и развал соцлагеря должны остановить кровавые столкновения. Но безголовое правительство СССР вместо того, чтобы сделать Союз настоящим братством, вновь превратило его в очаг мелких войн, в котором правит бал русская гегемония. Про такое говорят: «Собака на сене». Не умеют толком управлять, давят, разрушают, сами своими руками закладывают основы разъединения, а потом поднимают друг против друга народы, желающие мирно жить на своей земле. И началось это еще в 20-х годах. Кто такой Киров, чтобы подарить Зангезур, являвшийся частью Азербайджана, соседям, или создать автономию под названием Нагорный Карабах.

Всю жизнь величайшей ценностью для меня была справедливость. Всю жизнь, что бы ни писал, я опирался на исторические сведения. Но вдруг осознал, что большим государствам и большим силам нужна не историческая правда, а та история, которая им выгодна...

Несмотря на слепоту мира и то, что я становлюсь все старше, временами во мне просыпается прежний боевой азарт. В моем воображении создалась четкая картина того, как можно положить конец конфликту, и я старался убедить своих собеседников, что в руках опытного военного это дело нескольких дней. Но потом в Азербайджане, как назло, всё, от политики до армии, превратилось в игры неумех, старающихся обскакать друг друга, и конфликт еще больше усугубился.

Если откровенно, то ни от бессмысленных споров в Меджлисе, ни от какого-либо из этих событий, я не получаю такого наслаждения, как от научных исследований. Изучая истинные причины и значимость происходящего вокруг, всех этих противоречий, предательств, и даже тайных намерений, направленных против своего народа, я лучше понимаю прошлое.

Столетиями одной из главных забот и печалей мудрецов, стремящихся к гармонии в мире, остается то, что люди не хотят извлекать уроков из истории.

Интересы мои меняются, и теперь большую часть дня я провожу за исследованиями в области истории философии и религии, экологии, астрономии, внеземных цивилизаций и прочих далеких друг от друга сфер. В каждой из них я сделал какие-то наработки, но надо найти время, чтобы привести всё это в порядок. И не случайно, что после истории древних эпох я вдруг заинтересовался историей советского периода, что из далекой древности возвратился внезапно в недавнее прошлое, я и сам это понимаю. Этот не зависящий от меня самого переход помогает отыскать корни многочисленных трагедий, продолжающих происходить в жизни нашего народа и по сей день, отыскать их причины, заказчиков и исполнителей. Не каждый может уловить связь между теми давними резнями и нынешними играми и бедами. То, как зло, коварство, кровожадность дошли до наших дней, сменив личину, но не суть, преодолев века и тысячелетия, опасный консерватизм человеческой сущности в сравнении с огромным скачком науки, – все это ввергает в смятение. Как же трудно об этом писать и, может, тут кроется одна из причин моего столь долгого молчания. О чем писать, брат, с чего начать?

К чему могут привести эти откровения в то время, как война еще не закончена, как воспримут разрушение догм массы с изнасилованным мозгом, позабывшие о весах совести? И, наконец, тебе придется отвечать на вопрос: «Зачем же ты, зная все, всю свою жизнь шел по этому пути?» Если уж начал, должен писать открыто, все, как есть. Как и обещал, я разоблачу тех, кто нынче льет воду на вражескую мельницу на фронте, в государственных кабинетах, в парламенте и даже в литературе. Эти люди в масках тайком расширяют генную войну, создают условия для экологической катастрофы.

Я солдат и, если вылез из окопа, должен схватиться с врагом врукопашную. Иначе никак. И до сегодняшнего дня я дошел через такие же рукопашные схватки. Осенний лес, листопад, штыковый бой... Господи, как я попал сюда? Где парк Академии наук, а где кровавые окопы Европы?

...Взорвавшийся рядом снаряд поднял меня вверх вместе с фонтаном земли и швырнул о землю, я ударился головой о камень на стене окопа и потерял сознание. А через какое-то время, чудом открыв глаза, увидел, что какой-то здоровенный немец, навалившись сверху, держит меня за горло и пытается задушить. «Ну, вот, наконец, настала и моя очередь, смерть настигла и меня тоже!» – подумал я. Мне было так спокойно, будто из кабалы освобождался. В тот момент я понял, что если и есть что-то, связывающее меня с Родиной, так это небо над моей головой, и я обратил свой безвольный взгляд в эти небеса. В вихрях земли, поднятых ударной волной, кружились желтые листья. Желтые листья, окончившие свою жизнь... Я был еще молод, я не хотел исчезать, смешавшись с землей, как эта листва. Разве можно умирать в такое время? Но для солдата любое время может в одно мгновение превратиться в смертный час. И вот этот самый час, в образе крупного спокойного фашиста, сжимал сильными пальцами мое горло, будто спеша оторвать мне голову, и без того едва державшуюся на плечах. В боях я потерял сотни друзей, так что спасибо этому немцу – благодаря ему скоро я с ними встречусь. Но что я скажу им в ответ на вопрос: «Командир, неужто ты явился сюда, покинув окоп?» Как оправдаюсь я перед ними за свою смерть? Силы мои были на исходе, в трясущемся мозгу все смешалось. Рука, оказывающая сопротивление врагу, ослабла, упала наземь и вдруг прикоснулась к чему-то холодному. Я мгновенно очнулся от полузабытья – это была рукоятка штык-ножа, засунутого в ботинок. Собравшись с силами, я выдернул нож и воткнул его в спину врагу, уже лишавшему меня последних глотков воздуха... Это было одно из чудесных спасений от реальной смерти, пережитых мною на той войне. Давненько я об этом не вспоминал. И если сейчас эпизод этот всплыл в памяти, значит, как и в истории, он связан с нынешним днем каким-то непонятным мне образом. Быть может, Господь уберет меня тогда от смерти именно для того, чтобы сейчас я стоял у окна и вновь глядел на чистое небо!? А может, дал мне возможность напомнить нашу историю? Быть может – для того, чтобы, выскользнув из паутины лжи, окутавшей сегодня мир, я понял коварство пропагандистской борьбы, заморочившей голову этому униженному и обездоленному народу. Не ценить этого – все равно, что умереть в том бою, задохнувшись в руках врага».

...Написав эти строки, Зияд бей закрыл общую тетрадь, в которой вел свой дневник, и положил её в ящик стола. По телу его прокатилась теплая волна. Встав, он подошел к окну, долго смотрел на пожелтевшие чинары, а затем взял несколько папок, стоявших на книжной полке, и вернулся с ними к столу. Это были рукописи его как научных, так и художественных произведений и материалы, собранные для новых работ. Открывая папки одну за другой, перелистывая страницы, он искал в них кончик нити своей новой книги, как всегда, начиная новое произведение с копания в старых записях.

Первая папка

Здесь хранились его статьи о кровавых событиях 1937 года и рукописи книги, которую он переиздал под названием «Террор». Также в этой папке лежали заметки, навеянные настроением тех дней, когда он работал в архиве, черновики статей о Карабахе и писем на эту тему, адресованных московскому руководству и российской прессе. Но важнее всего были копии документов, которые он обнаружил в архиве. Он трясся над ними и не хотел, чтобы они попали кому-то в руки. Наверно, и те, кто открыл для него двери архива, не желали бы, чтобы кто-то завладел этими документами. Они боялись за свои жизни или должности. Подумав об этом, он запнулся. Почему он смотрит на все так однобоко, почему оценивает все по своему разумению? Случайно ли оказались у него эти материалы? Неужели организация, которой известны все тайны на земле и под землей, не знала, что за документы лежали в папках, предоставленных академику? Сомнения его были небезосновательны. Во-первых, материалы в архиве не были идеально систематизированы, как ему представлялось, – материал, который ты искал в одной папке, иногда оказывался совсем в другой, потому что содержание его довольно обширно и имеет определенную связь с темой каждой из папок. А во-вторых, время идет, работники этой конторы тоже меняются, следы путаются, и уже невозможно хранить все в таком строжайшем секрете, как прежде.

Наряду с этим, в голове у Зияд бея вертелась и другая мысль – возможно, более важная, чем то, над чем он думал до сих пор. День и ночь его волновал вопрос, заставляющий прятать эти документы на самое дно папки и продолжать свои изыскания. Быть может, он совсем не случайно напал на след этих документов, это не мистика и не улыбка судьбы благорасположенной к нему фортуны? Может, бумаги были нарочно подложены в исследуемые им папки какими-то не знакомыми ему людьми из этой организации или некой неведомой силой? А с какой целью: с благой или дурной? Понять это нелегко... Открыть новый фронт для народа, и без того стоящего лицом к лицу с врагом, – большая ответственность. Народ должен знать правду, и рано или поздно он ее узнает. Но надо точно вычислить подходящее для этого время. Иначе попадем из огня да в полымя.

Все эти размышления изводили его. Не говори, не пиши, держи в тайне, позволь своему народу еще больше увязнуть в болоте. Что ж такое-то...

Ну, ладно, что проку от того, если он об этом напишет? Разве кто-то ищет сегодня истину? На что хватит сил у истины? Наверняка, есть и другие, кто знает эти секреты, помимо тебя. А они почему молчат? Значит, не видят на данный момент иного варианта, и у тебя его тоже нет...

Он закрыл папку и положил ее на место.

Вторая папка

В этой папке лежали его избранные художественные произведения. Стихи, эссе, неоконченные рассказы, пародии на поэтов... Он публиковал их в литературных газетах и журналах, и они быстро получали огласку. В дни, когда уставал от трудночитаемых старинных текстов или пытался упорядочить в голове запутанную историческую информацию, он, как сам говорил, отдыхал, сочиняя стихи и пародии. Хотя, разумеется, не признавался в этом среди писателей.

Лежащий в этой же папке объемный «роман-повесть» удивлял даже его самого. Он написал его в не свойственной себе манере и за очень короткий срок. «Приключения Зурначи бея».

Кого он имел в виду, придумывая это имя, на кого был направлен этот сарказм? Он и сам затрундился дать ответ.

Этот, как он его называл, «необычный роман», похожий на широко распространенные в Европе XVIII-XIX веков приключенческие и авантюрные романы и, конечно же, отражавший некоторые темы, на которые он не мог говорить открыто, родился внезапно в ту пору, когда он готовился к написанию нового научного труда.

Теперь он поражался, переворачивая страницы. Невероятно, как человек, всю свою жизнь исследовавший источники, написанные на чужих языках, привыкший к научному стилю изложения, мог обладать столь богатым художественным языком, изобилующим метафорами и аллегориями. Издавать этот роман он не собирался. Не поймут его... И потому, в который уже раз, перевернув пару-тройку страниц и, удивившись, что написал нечто из ряда вон выходящее, закрыл папку и вернул ее на место.

Третья папка

Он до сих пор не поставил последнюю точку в другом своем сочинении, который окрестил «романом-сказкой», и непонятно было, допишет ли его, когда почувствует вдохновение, или так и оставит незавершенным. И только он один знал, почему сказка эта все еще не окончена. Трудно понять людей – может статься, то, что тебе кажется незаконченным, в их глазах покажется полным, и наоборот. А возможно, он принимал во внимание читательский нрав. Еще, чего доброго, трактуют превратно. Подумают, что герой войны не отваживается высказать свое мнение открыто и прячется за сказочными выдумками. Такую критику он принять не мог. Какой смысл маскироваться? Он повсюду говорит прямо то, что думает. И, кстати, у него начисто вылетело из памяти, в каком году он начал эту самую сказку. Для чего он ее сочинил, где услышал эту историю, почему не завершил? Сколько вопросов вдруг посыпалось... Понятно, что он не может закончить произведения, которые ему не очень по душе.

Он всегда поступал таким образом – если перо натыкалось, как соха, на камень, сколько ни тяни его, не сдвинется с места, и не остается ничего другого, как отложить эту работу в сторону и заняться чем-то другим... Что касается этого романа, он помнил, что на тот момент написанное им могло показаться неправдоподобным, в СССР такого произойти не могло. И потому он решил раскрыть одну из трагедий своего времени через историческую призму и показать, как кажущиеся тогда мелкими события превратились в сотрясшую мир трагедию... Но теперь эти самые события стали темой для обсуждения по всему свету, и уже не оставалось нужды использовать аллегории. Независимо от себя, он стал листать «сказку» и переводить описываемое из прошлого в нынешний день. Для него это было просто. И если уж начал, то не успокоится, пока не закончит.

«...Восприятие человеком времени и пространства очень запутано, и хотя, с одной стороны, оно связано с природой, с Луной и Солнцем, то, с другой стороны, выражает волю тех, кто имеет власть над миром и людьми. Восхождение правителей на престол, приход пророков или возникновение какого-либо языка считается началом новой эпохи. Потому счетчик истории сильно зависит от географии и в каждом краю выглядит по-своему, и, плутая по этим лабиринтам, люди позабыли многие истины. Мы представляем историю как дорогу, ведущую вверх, будто бы мы достигли вершины цивилизации, а те, кто остался позади, ниже нас не только по времени, но и по качеству и ценности. На самом же деле правда, возможно, гораздо сложнее и лежит за пределами нашего понимания. В прошлом есть будущее, в будущем – прошлое; в мире бесчисленное множество песчинок, в каждой песчинке – бесчисленное множество миров; ветра, веющие над миром, похожи на наши мысли, а мысли наши похожи на ветра – нет горы, через которую они не могли бы перебраться, нет границы, которую не могли бы пересечь! Пути людей, народов, государств перепле-

таются, как миллионы нитей огромного ковра; прошлое – сегодняшняя сказка, сегодняшний день – сказка дня завтрашнего. Если искать истоки каждой сказки, это уведет тебя во многие страны. С тех пор, как появилась у людей претензия на величие и страсть к обладанию, было пролито много рек крови. И хотя каждый придумывал для своего неумного аппетита новое громкое название, но под этими сверкающими доспехами оставалось неизменным их хлипкое тело, суть происходящего. Когда пырей разбросает вокруг свои побеги, отыскать его корень уже непросто – так же сложно найти и зачаток всех этих событий.

...Жил да был в одной маленькой стране министр. Никто уж и не помнил, что настоящее его имя было Ширбала. А в свидетельстве о рождении, написанном плохим и неаккуратным почерком, «бала» читалось как «беда», а может быть, его с детства так ласково называли, и, наверное, в паспорте у него было написано так же. Да кто ж заглядывал в этот самый паспорт? Какой-то умник приспособил это имя под народный язык, и теперь вся страна знала его как министр Аслан. Говорят, что у вымысла резвые ноги. Но для Ширбеда Аллахвердиева время остановилось. Люди с пеленок видели его в министерском кресле и уже давно не могли представить ни кресло без него, ни его без кресла. Будто сама история началась с министра Аслана. Все, что было до, начисто стерлось из памяти, никто не мог этого припомнить, потому что никому это и не было нужно. А министерство было большущим, и от него зависели не только разномасштабные государственные учреждения, но и спокойная жизнь каждого отдельного гражданина. Министр Аслан знал обо всем, что происходит в стране. Его разрешения спрашивали, когда принимали кого-то на работу, его согласием заручались, прежде чем кого-то уволить. Откуда дуют ветра, кто следует в страну издалека... Но, в особенности, чем дышат, о чем думают жители страны? Сотни тысяч досье... Все нити в его руках. Кого хочешь, очернит, кого хочешь, обелит. Хранилище тайн, академия шантажа, машина страха... А потому никто не смел сказать ему слова поперек. В душе наш герой считал себя выше всех остальных министров... Он давно уже воспринимал страну как свою личную собственность. Кем и когда он был назначен, с каких пор держит это кресло в своей огромной тени? Не то что народ, но даже и он сам об этом позабыл. А точнее, даже и не интересовался этим. Зачем ему было вести счет годам, перед кем ему отчитываться, и без того его подручные летописцы превращали каждый день в историю, следя за всем, происходящим в стране, вплоть до чихания кошек и совокупления мышей. Телефонные разговоры, интимный шепот молодых пар, кто кого ненавидит, кто сколько зарабатывает, спят ли мужья со своими женами – все было у них под контролем. Ничто не ускользало от их пронизывающего взгляда и острого, словно топор палача, пера. Главное, что никого не интересовало то, что его окаменелое правление, будто каменная глыба, медленно сползало на страну, подминая под себя последние надежды народа. Потому что все знали о судьбе тех, кто этим интересовался. Каждого, кто, набравшись хоть немного смелости, заговаривал на эту тему, сразу же заставляли умолкнуть, и теперь уже все жили в счастливом молчании. Между правительством и народом не осталось ни малейшего расхождения или непонимания. Вода приняла форму кувшина и забыла о том, что когда-то была подвижным текучим веществом. Так и жил он со своими друзьями-товарищами, братьями-свьями... Точнее, сами-то они жили, а народу житья не давали.

Порою казалось, что министр Аслан позабыл даже о том, что есть в стране должности и повыше его.

Он вел себя как хозяин страны, и людей поражало, что сидящие наверху так спокойно к этому относятся. Дело дошло до того, что даже его коллеги, занимающие равноценные по уровню посты, платили ему дань, дабы спасти свою шкуру. Правда, для страны это были сущие копейки: ну, пятьсот тысяч, ну, миллион...

Те, кто учил его управлению, говорили: мир неизменен и неисправим. А ты не Господь Бог, чтобы знать средство от любой напасти. И, если хочешь знать, то и Господу это средство неведомо, или, может, он нарочно отдал многое на волю времени и этим темным людишкам, не знающим, что хорошо, а что плохо. Не сажай народ на голову. Кесарю кесарево, слесарю слесарево. Лучший способ общения с подданными или гражданами – это подавать им надежду. Поначалу распространяй по всей стране лозунги о том, что, дескать, разрушишь старый мир и выстроишь его заново, станешь опорой бедняков, глашатаем правды, защитником обиженных... Делай вид, будто работаешь, не покладая рук, днем и ночью, никому ни в чем не уступай. Заставь наивных людей поверить тебе, а после поступай, как тебе угодно.

Нельзя сказать, что он топил народ в крови, мучил и истязал. Хоть и творил он много несправедливостей, но палку не перегибал. Зачем ему столько денег? Можно отдать двадцать-тридцать тысяч и завести сеть рекламных агентств. Ничего сложного.

Пусть ходят по стране и восхваляют тебя, поют оды о том, как ты не похож на других министров, какой ты добродетельный, незаменимый... Но вместе с ним старели и эти оды. Если б открыл глаза пошире да пригляделся повнимательнее, он не узнал бы ни себя, ни страну. Но как мог он увидеть это, не выходя из министерского дворца? Выросшие в его тени и обосновавшиеся на ветвях власти родственники и друзья словно воздвигли вокруг него железный забор, из-за которого он не слышал ни лести, ни проклятий.

Его заместители и советники твердили в один голос: «Вы превратили наше министерство в рай на земле, сотрудники не то что любят, а молятся на вас, жизни своей без вас не представляют. Этот глупый народ не понимает, что, покуда рядом с вами есть мы, ваши верные секретари да помощники, приспешники, прислужники, рабы, с вашей драгоценной головы не упадет ни единый волос. Да мы света белого не видели, всю свою жизнь потратили на служение вам и дальше будем так же служить, с божьего позволения».

А министр не говорил, что, мол, собачье вы отродье, это я дал вам должности, я позволил кормиться объедками с моего стола, и, если завтра вышвырну на помойку, посмотрим, поможет ли вам божье позволение остаться рядом со мной...

Что поделать, он давно разучился сердиться. Если дела в министерстве идут, как по маслу, зачем тебе тратить нервы? Уши его были полны песьей брехни; в голову ему, точно гвоздь, была вколочена мысль, что это нормально, если подчиненные ведут его с ним, как шавки, и он обращается с ними соответствующе.

Хотя иногда, очень редко, когда в сердце его вдруг вспыхивали отблески далекого юношеского огня, его воротило от всего этого, и он с горечью думал: «Господи, где ты нашел этих баранов, зачем послал их мне?» Но это настроение быстро отступало. «Слава богу, что у меня есть такая надежная армия подручных», – говорил он и успокаивался.

А в последнее время, когда дифирамбы окончательно опротивели и подчиненным, и самому министру, и уже не казались убедительными, окружение его придумало новый трюк – спектакль под названием «борьба за министерство», заключавшееся в борьбе против критики «газет, управляемых гадкими оппозиционерами, продавшими Запад». Таким образом, они снимали все сливки общества, всех мало-мальски умных, думающих, благородных и отважных людей, обезвреживали их и представляли это народу как большую историческую победу. И вновь начинали кипеть оды в котлах лизоблюдства, и краснобаи облакали эти «подвиги» в литературную форму, слагали бестолковые вирши, полагая, что всякое слово, написанное золотым пером, становится золотым. Говорили: «Как хорошо, что в нашем великом министерстве и волки сыты, и овцы целы». И никто ведь не спросит, а разве в этой стране еще остались волки, разве народ еще вконец не превратился в овчье стадо?

Те, кто считал себя религиозными деятелями, откладывали вопрос веры на потом, чтоб не портить себе аппетит мыслями о том, что Бог считает смирение перед злом таким же грехом, как ересь, и за этот грех они будут гореть в адском пламени.

Те же, кто не мог терпеть несправедливости и хотел вырваться из ее сетей, при первой же возможности уезжали из страны.

Властитель, Падишах, Шах, Президент (в мечтах министр Аслан применял к себе все эти титулы), живущий в сплетенной собственными руками клетке, был уверен, что благополучие его останется нерушимым вовеки веков, давно позабыл о смерти и считал себя вечным.

И лишь один человек нарушал его покой – и это был его собственный сын Кямран. Окружающие, правда, были не в курсе разногласий между отцом и сыном, но кто мог гарантировать, что в один прекрасный день тайна эта не станет явной, не распространится сперва по министерскому дворцу, а затем по всей стране? Да и с этим можно было что-то сделать, не это было главной проблемой, а то, что сын совсем не видел себя на государственной службе и не принимал того, что в скором счастливом будущем все вершины власти в этой стране будут принадлежать только определенным людям или передаваться по наследству.

Все наставления министра, все его попытки уговорить сына оказались бесполезны, и наконец, решив, что Кямрана уговорит семейная жизнь, отец вместе с женой стал перебирать дочерей известных ему семей, чтобы выбрать среди них жену для сына. Тем более, что ему хотелось поскорее обзавестись внуком, увидеть его своими глазами, дабы быть уверенным, что и в далеком будущем министерство не перейдет в чужие руки, и не нарушится этот порядок вещей...

Женитьба не была новым правилом, введенным по приказу министра. Это была божья воля, и волю эту сын принял охотно и, пропустив мимо ушей намеки на дочку первого заместителя отца, назвал имя Сунай – девушки, которую давно себе приглядел. Ну, ладно, пусть будет не дочь первого заместителя, а дочь главного казначея, денежного мешка! Главное, чтобы сын остепенился.

Самая пышная свадьба в истории страны длилась несколько дней. А как же иначе? Пока жених с невестой принимали поздравления и ценные подарки от избранных лиц государства, повсюду в их честь проводили торжества и говорились тосты. Горы еды были съедены, реки вина были выпиты. Не шутка ведь: женится сын одного из самых важных министров. Позабылись повседневные заботы министерства, всякие там аварии, пожары, природные катастрофы. Люди даже скрывали смерть своих близких, чтобы не огорчать уважаемого министра. В конце концов, умерший сам виноват. Разве нормальный человек покинет мир в такой счастливый для всей страны момент, вместо того, чтобы присоединиться к празднествам? Умирать надо тоже умеючи, а не как попало!

Наконец, торжества закончились. Молодые переехали в построенный специально для них огромный дом. Это был свадебный подарок, и сумма, затраченная на его возведение и обустройство, превышала все мыслимые цифры... Много дней потребовалось бы, чтобы обойти все его многочисленные комнаты, отдохнуть в бассейне и сауне, прогуляться по всем уголкам сада. Но молодоженам такие вещи не интересны. Им достаточно и одного укромного уголка. К тому же, девушка, выбранная Кямраном, была не абы кем – все те, кого ему с пеной у рта расхваливали родители и сестры, в подметки ей не годились. Красотой своей затмевала она и луну, и солнце. Очень они друг другу подходили. Ведь и Кямран был хорош собой. И, сколь плотно ни закрывали бы они двери, ведя с отцом свои бесконечные споры, обрывки споров о том, что он не принимает своего окружения, все же распространились по стране, и многие возлагали на него надежды.

Новобрачные знали друг друга с детства и, хотя не говорили об этом вслух, но выражали свою тайную любовь без слов.

Говорят, что деньги тянутся к деньгам. Приданое невесты не уместилось бы и в целый караван. И главный казначей, если б не постеснялся, сам бы присоединился к этому каравану. Как бы ни радовался он, что выдает единственную дочь за сына министра Аслана, но все же тяжело было от того, что она навсегда покидает отчий дом. Ну, хорошо хоть, выходит она не против своей воли. Главное, что Кямран ей по душе, и на предложение о замужестве она согласилась без всякого колебания. Ну, а породниться с министром означало, что он вскоре сторицей вернет все то, что потратил на приданое. Так было принято считать в этой стране. Коль уж ты родственник столь важной шишки, то никто тебе перечить и мешать ни в чем не станет. Хотя он и без того уже насытился богатством и за наживой не гнался. Слава богу, все в этой жизни видел. Если б надо было, мог бы и втрое больше приданого дочке дать. Пусть только дитя его будет счастливо.

Мир изменился. Теперь власть уже не в кресле, а в деньгах. Деньги могут добраться туда, куда не дотягиваются руки у армии, сыска, политики и пропаганды. Раздаются подарки, которые хоть и не называются взятками, но являются ими по сути. Как грибы после дождя, плодятся тайные организации, фальшивые благотворительные центры, террористические отряды. Происходят пестрые революции, раскалываются на части государство, сталкиваются религии и культуры, беды и болезни бьют каждый день по новой стране...

Если б не налоговая, пять раз в год стучавшаяся к нему в дверь, да выдрессированная полиция, он бы и вовсе не знал, есть в этом краю правительство или нет. Но эта самая налоговая и непонятно для чего нужная стая инспекторов бесили немоверно. Благо, принадлежавшие казначею и окутавшие паутиной всю страну торговые точки были вне этих проверок; это было государство внутри государства, и потому то, что дочь его стала женой сына министра, означало не только сближение двух семей, но также и союз двух «государств». Это обновляло кровь обеих сторон и делало их сильнее. Но был у этого родства и еще один аспект. Дом казначея внезапно опустел. По залам гулял ветер. Оказывается, живыми и жилыми эти хоромы делала его любимая дочь Сунай. Как только отыграли свадьбу, в доме, еще вчера переполненном звуками, воцарилась мертвая тишина. Супруга, видя, как сильно переживает муж, подбадривала его: «Погоди, скоро внуки твои украсят этот дом».

Перетекла вода в другой кувшин. Казначей пытался забыть в работе, а министр Аслан радовался, что сын стал семейным человеком.

В полночь жениха чуть ли не силком втолкнули в спальню: «Грешно заставлять невесту ждать!» В расслабляющем и вместе с тем разжигающем страсть ночном свете, перед тонкой тюлевой занавеской, окрашенной в небесный цвет и словно бы очерчивающей границу какого-то иного мира, недвижно, словно статуя, стояла невеста. Ждала. Лицо ее сияло, и сияние это отражалось бликами на тюле. Они много раз видели друг друга. Разговаривали, когда ходили друг к другу в гости всей семьей. Если приглядеться, между ними даже можно было заметить некое сходство, и мать невесты с гордостью упоминала об этом, говоря сватье: «Ты только посмотри, как наши детки похожи!». Поэтому Кямран, с насмешкой отменяя одну за другой всех претенденток в жены, остановился, услышав имя дочери казначея. Эта секундная передышка была воспринята как согласие, и мать сказала: «Обойди хоть целый свет, но краше нее не найдешь, сынок».

И вот теперь эта писаная красавица была его суженой и ждала его. Нынешней ночью должно было свершиться таинство, о котором долгие годы мечтали два этих юных существа. Как в сказках: расколется гранат, будет взята неприступная крепость, влюбленные достигнут своей цели, три дня и три ночи, не показываясь на глаза родных, проведут они здесь, сливаясь друг с другом и наслаждаясь этим

счастьем. Время настало. Он откинул фату и осторожно приподнял склоненную голову невесты. Обняв Сунай за талию, он увлек ее за занавеску и начал раздевать. Два пламени оказались лицом к лицу и, казалось, что если они как можно скорее не сбросят одежду, та загорится, как платье Асли. Время от времени раздавался их шепот: «Добро пожаловать». «Ты долго меня ждала?» «Ты не шел, не хотел». «Нет, не говори так...»

Сколько ж пуговиц на этом платье... Но вот, наконец, наполовину расстегнутое платье соскальзывает, и два прекрасных божьих творений падают на кровать. Губы и груди ее трепещут, как розы, от прикосновений жениха. Теперь между ними нет уже никаких преград. Ее тело нетерпеливо и жадно льнет к нему, и для жениха это тоже долгожданный момент. Он ласкает ее, целует, и желание обладать возлюбленной смешивается в нем с желанием раствориться в ней... Но вдруг он ощущает, что тело не внемлет хотению – то есть он не в состоянии сделать невесту женщиной. Его бросает в пот, страсть бьет в голову, он еще крепче прижимается к девушке, но безрезультатно...

Утомившись, они ложатся рядышком друг с другом. Сунай понимает его смущение. Впереди еще целая ночь... А все попытки ласками и объятиями разбудить спящее естество жениха оказываются тщетны. Но она много слышала о том, что у парней такое иногда случается, и думает, что в этом нет ничего страшного, кладет голову на грудь любимому и засыпает.

Если б дело касалось только их двоих, можно было бы днями ждать, когда все наладится само собой. Но за этой ночью следит множество глаз. За закрытыми дверьми слушает множество ушей. Семья невесты хочет поделиться радостью ее несомненной девственности, а семья жениха – его столь же несомненной мужественностью. Кому-то может показаться смешным, но в этом краю невесту, пришедшую в дом жениха не девственницей, сажают задом наперед на осла и отправляют обратно. Две семьи схлестываются друг с другом, и порой дело доходит даже до кровопролития, и вражда эта может затянуться на десятилетия. И пусть даже жених не согласен с этим обычаем. Пусть говорит, что, дескать, чокнутые вы все, это моя возлюбленная, не утерпел я до свадьбы, взял эту крепость... Да какое там. Никто его и слушать не станет, никого не убедишь, что невеста пошла на это по твоей воле. Да и сам ты тоже хорош! Как можно совершить такое до брака? В общем, шила в мешке не утаишь. Но этот дом принадлежит министру Аслану, и стены его умеют хранить тайны. Чай, не в первый раз! Да и с Кямраном, слава богу, все в порядке – кулаком стену пробить может. Просто очень устал на свадьбе. Пусть отдохнет немного, и все будет хорошо.

Таким образом, наутро после брачной ночи во дворе дома жениха не выстрелили из ружья, не отправили в дом невесты весточку о ее девственности.

Эта весть, столь сильно ожидаемая обеими семьями, не пришла и на второе утро. И если в первый раз жених списал все на усталость и стыдливость, то вторая неудача усилила его смятение, которое он не мог скрыть от невесты.

Семейный врач не поверил своим ушам. Жених рос под его наблюдением и не мог быть болен. По его рекомендации, парня стали кормить определенными блюдами и поить целебными шербетами.

Когда и это не помогло, к жениху стали тайком водить самых знаменитых докторов страны. Но все они в один голос говорили, что никаких объяснений происходящему найти не могут – Кямран здоров, как бык, и никогда не получал никаких травм. Где, в каком месте нервные струны завязались в узелок, нарушивший связь с мозгом? Непонятно. Доктора разводили руками и удалялись. Жених от стыда не появлялся в министерстве и, в точности, как хотел отец, ни во что не вмешивался и ничего не критиковал. Сунай же за эти дни еще крепче привязалась к возлюбленному. Страдала вместе с ним и увядала, как цветок, от безответных желаний своего юного тела.

В конце концов, привезли какую-то знахарку из глухой горной деревушки. Увидев жениха, старуха очень удивилась. Не верилось ей, что у такого парня, который всю жизнь, как сыр в масле, катался, могут быть какие-то проблемы с потенцией. Но, с другой стороны, может, именно в этом благополучии и крылась причина проблемы. Она усомнилась в кушаньях, непонятно кем приготовленных.

«Зачем же вы, обманувшись красивыми обертками и яркими этикетками зарубежных деликатесов, забываете свой желудок этими непонятными колбасами-молбасами? Чем вам не угодили наше собственное мясо, наш хлеб, вода, фрукты? Что за мода пошла: с самого рождения лишать ребенка материнского молока и пичкать его лекарствами, как только захнычет? Вот чем это кончается! И этот парень не первый! Замучили меня уже таскать туда-сюда к таким же бедолагам. Кричат-причитают: «Ах, на сына того-то порчу навели...». Да какая еще порча? Времена порчи давно прошли. Теперь это уже настоящие болезни. Причем, не обижайтесь, но это – болезнь сытой роскошной жизни, болезнь импортной еды! Недаром слово «импотент» похоже на слово «импортный».

Бормоча себе под нос, она наполнила небольшой бассейн водой и высыпала туда мешочек золота, взятый у матери Кямрана. Велела жениху забраться в этот бассейн и не вылезать, покуда тело его не обернется золотым коконом. Но и золотая вода не возымела никакого действия. Однако старуха не намерена была сдаваться. Сердясь на тщетность своих усилий, она время от времени отпускала в адрес жениха грубоватые шутки, а потом, испугавшись, что обидела его, подбадривала: «Не переживай, справлюсь я с этой твоей хворью, куда ж она от меня денется». В один из дней она поставила жениху 10-12 пиявок. В другой день поручила красивым девушкам массировать его и от них узнала, что с телом у него «все в порядке, все на месте».

Не остался в стороне и главный ахунд города. Написал несколько молитв: одну – чтобы бросить ее в воду и выпить, вторую – чтобы повесить на шею, третью – еще на какое-то место.

Вслед за этим мать жениха позвала известную гадалку Рахшанду, с которой советовалась во всех важных делах. Гадалка испробовала все – от расплавленного свинца до кофейной гущи, применила все свое умение и вынесла вердикт: «У сына твоего много врагов. Они его на смерть заговорили, но, к счастью, план их не удался. Через три часа или через три дня, или через три месяца он избавится из этой напасти».

...И у земли есть уши. Как-то раз получили они послание от человека, которого в народе прозвали Старым Странником за то, что он обошел весь мир, а теперь давно уже не покидал свою келью и считался умершим. «Не мучайте молодых, не травите их лекарствами. Все дело в нечестно нажитом богатстве, – говорил старик в своем послании. – Не будет им счастья в этом доме, пусть съезжают оттуда и отправятся в путешествие или на летнее пастбище с пастухами...»

Выбора не оставалось.

В душах Сунай и Кямрана сменяли друг друга вихри самых разных мыслей, радость, печаль, сожаления, сомнения, надежда, и, охваченные всем этим, они не замечали, как проходит время. А между тем наступила середина весны – пора, когда сельский люд отправлялся на летние пастбища. Министр Аслан выстроил себе роскошные дома в горах, на берегу моря, у рек и озер, а точнее – его «друзья», будто соревнуясь друг с другом, дарили ему эти дома. Учитывая все детали, они даже о собаках не забывали – во дворе каждого особняка стояла такая собачья конура, что ведущие ученые страны лопнули бы от зависти, потому что конуры эти были дороже, чем жилища ученых.

Архитекторы ездили по свету и, увидев где-либо красивое здание, строили его аналог. И, если вдруг затеряются куда-то книги по истории, все эти здания запутают будущие поколения – кому принадлежала эта страна, сколько культур существовало тут в одно и то же время? Как им объяснить, что просто здешние власть имущие жили одновременно и в итальянских, и в китайских, и в финских, и в английских, и в немецких, и в русских, и в турецких дворцах. И вся внутренняя обстановка этих дворцов, начиная от мебели и заканчивая посудой и мельчайшими декоративными элементами, соответствовала архитектурному стилю. Была бы воля Кямрана, он бы охотно отправился в дом на Птичьем острове. Очень уж соскучился по охоте на птиц и рыбалке. Но охотничий сезон уже миновал. Началось время, когда море горячо, а воздух влажен, а потому он решил отправиться в самое подходящее сейчас место – к крепости Алтундаш. Она и сама почти, как остров – над облаками, среди высоких гор... А какие тут несравненные воздух и вода...! В этот сезон мраморные скалы словно оживают, укутываются цветочной шалью, и никто тут не нарушит твоего покоя. Да и гадалка очень рекомендовала именно это место: «Очень хорошо... Эта гора – место паломничества, есть там святилище под названием Алплар и родник Гысыр. Дай Бог, будет услышана ваша молитва».

Жена министра вся дрожала от волнения. С одной стороны, отправляла сына и невестку в горы, а с другой – с нетерпением ждала, когда истекут три месяца, о которых сказала гадалка. Она верила этой ворожее. Много раз убеждалась в правдивости ее слов и теперь была уверена, что через три месяца произойдет какое-то чудо, заклятие исчезнет и наступит конец беде, свалившейся на ее семью и заставляющей краснеть от стыда ее сына.

Кямран не мог отправить восвояси всю эту свору врачей, гадалщиков и священников. Вместе с тем все эти люди вокруг, горячие речи родственников, глаза, переполненные ложным сочувствием, ползущие вслед за ним перешептывания – все это было невыносимо. Ему казалось, что в самой атмосфере этих хором есть что-то, что делает его бессильным.

Сунай слабела день ото дня. Прошлым вечером она разрыдалась: «Разведись со мной! Это я виновата. Сердце твое меня не принимает. Вот что бывает, когда женишься не от души». Возлюбленный успокоил ее: «Я сам выбрал тебя. И забудь про развод».

Но он не знал, что таится за этими словами девушки. Не знал, что мысль эту внушила ей мать: «Мы не враги своему ребенку, сколько месяцев это будет продолжаться? Дочь гниет там!»

По правде говоря, мать Сунай и сама не знала, что делать. Если б дочь ее была невесткой в другом доме, она давным-давно вернула бы ее назад, но с министром Асланом так поступать не стоило, да и дочка слушать об этом не хотела: «Судьба у меня такая, и уйду я только ногами вперед».

Прекрасным майским днем они добрались до крепости. Впервые за долгое время Сунай улыбнулась: «Как же тут красиво!»

Хотя место это и называлось крепостью, но стен, которые превратили бы его в подобие тюрьмы, тут не было. Сама по себе гора походила на крепость, а дом на ее вершине – на розу в поднятой к небу ладони, словно гора протягивала его небу.

Кямрану тоже полегчало. Из больших окон комнат открывался такой прекрасный вид, который можно увидеть, наверное, только в раю. Не желая расстаться с этой красотой, они не стали входить в дом, а сели у костра снаружи. О еде они даже не вспоминали. Небо было усеяно гроздьями звезд. Огромная луна над ними светила почти так же ярко, как солнце, – так ярко, что и слов не найти для сравнения. Взглянув вверх, чтобы посмотреть на нее, Сунай запрокинула голову и коснулась ею груди мужа. Аромат ее волос вместе со светом луны переполнил сознание Кямрана, и он ощутил неясное волнение в своем теле. Потом девушка обернулась и обняла его.

Дул прохладный ночной ветерок. Они укутались пледом, который принес слуга. Не хотелось уходить от этого костра и залитой волшебным сиянием красоты. Парню казалось, что это чудесное, похожее на молоко сияние, постепенно вливается в него, струится по венам, и еще немного – потечет из глаз, с губ.

«В таких местах и в самом деле есть что-то священное, моя Сунай!» – сказал он.

«Ты тоже в это веришь?»

Впервые со дня свадьбы он ощущал себя так умиротворенно, будто вся его сила была в этом лунном свете, именно этого света не хватало ему в городе, и теперь он хотел всасывать его, как младенец.

Они ушли от костра лишь, когда луна скрылась за горными вершинами. Прохлада пробрала их насквозь. Скорее в теплую постель, и, прижавшись, греть друг друга... Вот чего они желали.

Так и случилось – они прижались друг к другу и уже не разомкнули объятия. Лунный свет вернул Кямрану его мужскую силу. Как рукой сняло те оковы, что мешали ему все эти месяцы. И где только скрывалась столько времени та ненасытная сила, что кипела теперь в его крови? Все пережитое казалось шуткой. «Ты убьешь меня так», – тихонько проговорила Сунай. «Нет, наоборот, мы воскресаем!» – ответил Кямран.

И не осталось уже нужды ни в паломничестве, ни в воде родника Гысыр. Они лишь зарезали жертвенного барашка в святилище Алплар и устроили пикник возле родника.

Сын министра считал произошедшее с ним редким состоянием духа и стыдился этого...

Приближенные же к высокопоставленным семействам врачи, хотя и не раскрывали никому секретов, но хорошо знали, что такие зажатости после свадьбы не новы и будут случаться еще. Но удивляло их другое – то, что год от года подобные болезни все более распространялись. То ли в шутку, то ли по одной им ведомой логике, врачи называли это «бессилие сильных» или «болезнь власти». Они и сами недоумевали оттого, что большинство женившихся за последнее время сыновей министров, банкиров, олигархов и миллионеров столкнулись с той же проблемой, что и Кямран... Более того, доктора, специализирующиеся именно на этом недуге, знали, что проблема эта не заканчивается после того, как избалованные «золотые мальчики» получают желаемое. Дальше их ждали еще более серьезные испытания. А именно – то, что роскошный мир, в котором жили эти люди, был лишен семени. Эти парные цветки не могут опылить друг друга, и невесты, счастливо летящие во дворцы, как беззаботные бабочки, не смогут нежить в них своих детей. В некоторых странах эта беда, выйдя за рамки семьи, принимала государственный масштаб и решалась на государственном уровне, ибо ставила под сомнения продолжение не только рода, но и нации, и для того, чтобы справиться с ней, создавались особые институты, куда собирали лучших ученых. Почему часть человечества лишается способности к размножению, почему в диких племенах у каждой семьи рождается по десять-пятнадцать детей, а в развитых странах, не знающих никаких житейских и материальных забот, заиметь даже одного ребенка часто превращается в недостижимую мечту? Ученых, которые отыщут ответ на этот вопрос и смогут с этим справиться, ждала огромная награда. И они предлагали ответы, сотни ответов: от экологии до состава еды, воды и воздуха. Капризы матерей, которые ради округлости груди и плоского живота (для кого?) не кормили детей молоком, что в дальнейшем могло привести к серьезным последствиям. Стрессы, переживаемые в борьбе за власть и безопасность, бесконечные битвы в прессе... Все это входило в предлагаемые объяснения.

Но все эти версии были ложными. И никто не знал, когда, наконец, наука найдет единственно верный ответ.

А ведь время не ждет, и каждая семья хочет увидеть продолжателя своей фамилии...

И вот, еще не протрезвев от выпитого ими любовного вина, молодожены каждый день подвергаются новым расспросам, суть которых скоро начинает беспокоить и их самих. Прошло несколько месяцев, но Сунай не забеременела. Продолжение какого-то рода – это, конечно, важно, но тут речь шла еще и о том, чтобы важная часть власти осталась в «надежных руках». Потому что, сколько бы эта страна ни пыталась прикинуться перед миром демократической, сколько бы ни твердилось, что власть, де, принадлежит народу, народ этот самый давно уже позабыл, когда здесь в последний раз проводились нормальные выборы. И место в парламенте, и порой министерское кресло переходили от одного члена семьи к другому, и таким образом власть создала для себя безопасные условия и управляла всем по своим законам. Все их дрязги и договоренности, все тайны оставались между ними, и им не хотелось, чтобы об этом знали за пределами их узкого круга. А если время от времени в народе появлялся кто-то, кто высказывал в адрес властей пару-тройку резких правдивых слов, то ворота золотого городка открывались, из них выходили генералы в золотых погонах, любовно и ласково «успокаивали» народ и возвращались назад в свое логово.

Поэтому наличие наследника было делом жизни и смерти. Какой чиновник захочет, чтобы в мгновение ока рухнула кажущаяся нерушимой система, построенная на насилии и деньгах?! Если она падет, то за этим неминуемо последует справедливый народный суд. А вот резвые наследники, посредством невообразимых капиталов, смогут обеспечить стране еще несколько лет стабильности, которой могло бы позавидовать кладбище. Толстые станут еще толще, худые – еще худее, ничто не сдвинется с места...

Никто не знал, что это бездвижие, коль длится слишком долго, превращается в национальную импотенцию. И пусть хоть сам Ибн Сина воскреснет, ничего не сможет с этим сделать, ничего не поймет ни он, ни все остальные врачи всех времен и народов, и лишь скажут эти два слова: «Национальная импотенция»! Не знали правители этой страны, что бесплодие начинается с бездействия, с паралича мысли и духа.

Высоченные заборы, через которые и птице не перелететь, преграждали путь ветрам, и в садах засохли все инжирные деревья и виноград. Признавали они этого или нет, но золотые казармы оказались лицом к лицу с золотой катастрофой, и самой кошмарной стороной было то, что из некоторых правящих семей все еще не раздавался голос младенца.

Усиливающаяся паника заставила Кямрана вернуться в город.

На сей раз диагноз, который по секрету прошептал министру врач, не оставлял места для спора и сомнения: детей у молодых не будет. И жена в этом ничуть не виновата. Все дело в том, что у мужа слишком жидкое семя. Министр готов был взять в руки меч и перерезать всех детей страны. Совсем эти врачи с ума сошли. Каждый день новую болезнь придумывают. Что значит «жидкое семя»? С какой стати у выросшего в достатке, совершенно здорового юноши не должно быть детей, почему раньше такого не случалось? Он никогда ни в чем не нуждался, никаких забот не знал...

Все эти вопросы, больше похожие на попытку защитить сына, врач слушал с горькой усмешкой, заметной лишь тем, кто хорошо его знал. Он понимал волнение отца. И хотелось сказать ему, что причина болезни сына как раз и кроется в этом самом достатке. Это болезнь избалованности, зажратости. Вы должны были быть готовы к такому исходу, когда выбирали еду по брендам, признавая лишь то, что привозится из-за рубежа в красивой упаковке, и воротя нос от родной пищи, которой питались ваши отцы и деды! Да! Они разжижаются: и сперма, и мозг разжижаются и

портятся. От всякой дряни, о составе которой вы понятия не имеете, от гибридных фруктов и овощей, от искусственных яиц и молока... Синтетические продукты питания в десять раз сокращают число клеток, способных к оплодотворению. Так что не надо кичиться обеспеченной жизнью! Она-то и является причиной болезни. Болезни зажратости! Таким вот образом Бог наказывает за наглость, за то, что вы ставите себя выше народа и нарушаете гармонию природы!

Так размышлял врач, и мысли эти в мягкой форме высказал министру, стараясь его не обидеть. А тому и в голову не приходило, что искусственная еда, которую его семья жрала каждый день, однажды может привести к такой проблеме. Но потом, расспросив всех надежных докторов, он выяснил, что, оказывается, подобная болезнь действительно существует. Да и неважно, от чего это! Главное, что семя его сына не способно создать человека. Разжижено, испорчено... называй, как хочешь... исход один! С потенцией все в порядке, стыдиться больше нечего, а вот детей можно не ждать.

Эта дурная новость не стала для врача неожиданностью. Сердце его, доброе и лояльное к правительству, не выдержало: «Только со смертью ничего нельзя поделаться, не переживайте, господин министр, что-нибудь придумаем».

Глаза министра, полные гнева и боли, воззрились на него с явным изумлением. Казалось, что отчаяние вот-вот разорвет его сердце:

– Что тут можно придумать? Что поделаешь с божьим промыслом?

Врач отвечал невозмутимо:

– В мире в таких случаях уже давно используют искусственное оплодотворение.

Министр терял терпение:

– Что еще за искусственное оплодотворение? Что можно сделать, если семя негодное?

– Это одно из новых достижений науки, господин министр. Во многих странах созданы банки.

– Ты спятил? Банки тут при чем?

– Я имею в виду банк спермы. Банк, в котором хранится мужское семя, необходимое для того, чтобы произвести на свет дитя... Есть и национальные банки, и межнациональные.

Мысленно врач добавил, что нахапанные министром и другими чиновниками деньги, хранящиеся в разных мировых банках, – почти то же самое, что эта сперма, так что название выбрано очень верно: «банк спермы». И сколько б ее ни называли «семенной банк», путая народ, истинное его наименование именно это!

– Это и у нас тоже применяется? У нас тоже есть такой банк?

– Давно! – с гордостью сообщил врач. – При соблюдении полной анонимности семя вводится женщине. Могу даже назвать точное количество детей, рожденных в нашей стране таким образом. – Он немного помолчал и продолжил: – Но, если вы не захотите обращаться в банк, есть и другой вариант.

– Какой?

– Можно воспользоваться услугой донора.

– Нельзя! – категорически заявил министр.

Но врач был уверен в том, что предлагал:

– Все будет совершенно секретно. Как донор не знает, кому оказывает услугу, так и тот, кому он ее оказывает, не знает владельца семени...

Интересующийся всем подряд министр почему-то не спросил о количестве родившихся таким путем детей. Полученная им информация оказалась настолько неожиданной, что ему было не до выяснения деталей. Он сидел, обхватив голову руками, и, возможно, даже позабыл о присутствии врача. Пробыв какое-то время в таком недвижимом и безмолвном состоянии, он поднял голову и внимательно посмотрел на доктора:

– Ладно, я сообщу о своем решении. Но если разговор наш выйдет за пределы этой комнаты, не сносить тебе головы!

– А как же иначе. Об этом не узнают даже сами молодые, мы представим все как одно из видов лечения, они ничего не заподозрят... – сказав это, врач вышел.

Он должен был подготовиться. «Министр не знает, что многие люди из его окружения с любовью прижимают к груди детей, появившихся на свет именно таким путем. Хорошо это или плохо? Трудно судить. С одной стороны, это и вправду революция, прорыв, положивший конец страданиям многих семей, не позволивший им распасться. Но с точки зрения сохранения рода, это начало катастрофы или даже нескольких катастроф... Потому что невозможно определить, куда и к кому восходят корни детей, родившихся в результате этой процедуры. Может статься, что и сперма-то эта не настоящая. Нынче ведь все наперегонки изобретают что-то искусственное. Может, они и людей хотят гибридными сделать. Что тогда будет? Кто выйдет из чрева этих бедных матерей?»

Два месяца спустя, бросившись на шею мужу, Сунай радостно сообщила: «Я беременна».

Прошли годы. Министр Аслан перешел в мир иной. Сын его без всяких препятствий, будто так и положено, занял высокий пост. А его сын подрос и присоединился к компании детей из других высокопоставленных семей, в которых дети видели больше ласки от нянь, чем от своих родителей. Их убедили, что отцы круглосуточно заняты важными государственными делами, иначе страна просто развалится. Не шутка ведь: вся она, эта страна, держится на их усталых плечах. И когда они уйдут, то посадят на свои места детей, невзирая на то, способны они к такой службе или нет. Но и это новое поколение тоже какое-то странное, очень уж неприглядно выглядит. И немного смахивает на современные футбольные команды, в которых больше пришлых, чем местных. Желтые, черные, золотистые... Вроде бы дети одного народа, а все разных расцветок. С юности заплывшие жиром, пухлые, рыхлые, с висящими, как у женщины, грудями, с потухшими глазами, тонкими руками и потными ладонями... В общем, какие-то существа среднего пола. И ладно еще это. Они и говорить-то нормально не умеют. На родном языке изъясняются, будто вынужденно, и с таким уродливым акцентом, что уши вянут...»

На этом месте произведение академика обрывалось...

Просмотрев эту рукопись, он вдруг понял, почему стал рыться в папках. После книги о терроре и репрессиях его еще больше стала интересовать тема морального террора. Война генов! Ведущая весь мир к катастрофе, приближающая конец света безмолвная война... Он вдруг осознал, что нет смысла разделять эти книги, потому что, как ни назови, но все эти войны и репрессии, по сути своей, есть продуманное и планомерное уничтожение нации...

Разговор с Айдыном

Друзья и ученики поражались и терялись в догадках, откуда он берет столько сил и энергии. Некоторые в шутку говорили, что источником этой энергии для него служит собственный гнев. Другие считали, что это связано с его требовательным характером. Он умел поднять своих учеников до небес, но с той же легкостью – стереть их в порошок из-за единого промаха. Словно в теле одного человека жило сразу несколько личностей. Он в одиночку справлялся с работой целого института.

В институте уже привыкли, что периодически академик исчезает на десяток-другой дней. И вот он вновь вернулся из поездки, сразу же возник в институтском коридоре и первым делом собрал у себя начальников отделов.

– Мы обсуждали судьбу Аральского озера. На этот раз в Нукусе, – сообщил он.

О том, что он является членом Международного комитета, занимавшегося этой катастрофой, охватившей Туркестан, им было известно, он много об этом писал. Но тяжелая ситуация в стране связала всех по рукам и ногам. Однако Зияд бей все же нашел возможность поехать на встречу с коллегами по комитету.

И вот теперь сотрудники смотрели на него с безмолвным вопросом во взглядах, и, не дожидаясь, пока тот будет озвучен, он сам заговорил на эту тему:

– Некоторые полагают, что в то время, когда на наши головы свалилось столько бед и проблем, заниматься Аральским озером как-то неуместно. И я их понимаю. Но сегодня нужно очень серьезно относиться ко всему, что касается экологии. В том числе и пересыханию Арала.

– Разве это оказывает какое-то влияние на нас? – спросил начальник отдела иранской истории.

– Конечно же, оказывает. И на нас, и на Иран. Но даже если бы нас это никак не касалось, мы все равно не можем оставаться равнодушными к судьбе народов Центральной Азии... А ведь существует еще и угроза пересыхания озера Урмия. Знаете, что означают для тюркского мира эти катастрофы?

Академик был человеком весьма придирчивым, и нравилось ему далеко не все. Лениость некоторых сотрудников уже порядком ему поднадоела, и он, можно сказать, за людей их не считал. Говорил с ними надменно, смотрел сверху вниз. Друзей у него было много, да еще из-за происходящих в стране событий поток визитеров к нему практически не иссякал.

Услышав имя академика Мирзааде, он встретил того в дверях.

Гость был столь же знаменитым, как и он сам, ученым, прославившимся на весь мир в своей области.

Пару минут они попрекали друг друга за столь редкие встречи, затем Зияд бей сказал:

– Мне понравилась твоя книга, Айдын.

Гость легонько улыбнулся:

– Иду по твоим стопам. Теперь вот к философии приистрастился.

– А я философией пока что не занимаюсь, – возразил Зияд бей.

– Будто бы есть что-то, чем ты не занимаешься! Эксплуатируешь себя. Вижу, теперь уже и за экологию взялся. Откуда вылезла эта история с Аралом?

– Ну, история-то не нова. Мы просто еще не знаем истинных масштабов трагедии. И для меня это важнее описания истории какого-нибудь древнего государства. А есть еще и Урмия... Это и тебя тоже должно волновать. Юг тебе ближе, чем нам. Зов крови.

– Понимаю, – тихо сказал Айдын муаллим.

– Арал и в самом деле трагедия для всего мира, и в первую очередь – для тюркского мира. Там Арал, а на юге – Урмия. Это два очага будущих катастроф для Туркестана и Азербайджана. Будто мало нам было загрязнения Каспия, того, что армяне сбрасывают всю отраву из медных рудников прямиков в Араз, того, что вода Куры, пройдя через Грузию, не годится даже для орошения, будто мало того, что делают с Абшероном химические заводы Сумгайыта, так еще, с другой стороны, соль Арала и Урмии... Знаешь, Айдын, соль этих двух озер может положить конец всей тюркской цивилизации. Все мы окажемся погребенными под этой солью. Ознакомившись с этими проблемами поближе, я позабыл об истории. Народ, у которого нет настоящего и будущего, нельзя успокоить или уберечь исторической сказкой. Я много об этом думаю. Одно дело, когда природа постепенно меняется сама по себе, но совсем другое дело – когда катастрофа создается искусственным путем... Ты и сам знаешь,

что большая часть того, что мы сейчас называем природными катастрофами, в действительности природными отнюдь не являются. Атомное оружие, землетрясения, изменения климата, засуха, портящийся воздух... Глупые люди пилят сук, на котором сидят.

Айдын муаллим подтвердил его слова:

– И это еще не считая вреда, нанесенного экологии Карабахской войной...

– Вот именно! Об этом я не упомянул, потому что язык уже устал упоминать... Но мир остается слеп и глух. А наши не понимают, что без борьбы эту проблему не решить! Я надеялся на Аксакала. Но и он колеблется. Не понимаю, чего ждет.

– Почему же не знаешь?! Знаешь! – прервал его Айдын. – Ты один из создателей правящей партии! Вы что же, собраний-заседаний не проводите? Вот и спроси однажды у него самого!

– Нет нужды спрашивать. Он и сам говорит все открыто. Запад и Россия мешают начать войну. Видел, какая шумиха поднялась из-за наших успехов в боях в направлении Физули? Весь мир поднялся на ноги с требованием прекратить бои, иначе нам крышка.

Айдын повысил голос:

– Нам и так крышка. Что может быть хуже того, что есть. По мне, так нельзя слушать за границу.

– Тогда и его отправят вслед за остальными...

– Ну, вот мы и дошли до сути, – сказал Айдын, – все больше заботятся о том, чтобы сохранить свою жизнь или власть, а не родину. Нельзя так...

Зияд бей заговорил задумчиво, с расстановкой, будто проглатывая некоторые слова, когда они уже были на кончике языка:

– Ты и сам следишь за его встречами. По-моему, выпячиванием нефтяного фактора и своими зарубежными поездками он старается переменить мнение крупных держав.

– И ты, как ребенок, веришь, что это возможно?

– Нет. Я уже высказал, что думаю на этот счет. Я говорил об этом и с предыдущим, и с ним у нас состоялась такая же беседа.

Внезапно Айдын муаллим сменил тему, будто подразумевая, что и эта их дискуссия тоже не в силах ничего изменить:

– Ладно, что нового ты пишешь?

Для Зияд бей эта тема была столь же тяжелой, как и война:

– В последнее время занимаюсь историей репрессий. И, погружаясь во все это, чувствую, как схожу с ума. Знаешь, что было их мишенью?

Оба они окончили университет на русском, но прекрасно говорили и писали на родном языке, да и теперь на столе Зияд бей лежало несколько словарей.

Ответ Айдын муаллима был лаконичен:

– Ты не можешь отделять репрессии от этой войны!

– Разумеется! – подтвердил Зияд бей. – Иначе и быть не может, и цель, и мишень – одна и та же. Столетиями их мишенью был не только наш народ, но и наша природа. Помимо очевидной борьбы, идет еще и борьба невидимая, скрытая, и остановить ее никак нельзя.

Тут Айдын муаллим с ним не согласился:

– Война совсем заморочила тебе голову, друг мой. Что еще за невидимая борьба? Что тут скрытого?

– Не беспокойся, с головой у меня все в порядке. Я не все смог сказать в своей книге о большевистском терроре. Видишь, сколько всяких новых тем возникает: мусульманский террор, исламский фундаментализм... Мне кажется, что основная мишень – это турки, думающий мозг и бьющая рука исламского мира.

– Кажется, ты пересказываешь мне свои статьи, – засмеялся Айдын муаллим.

– Сейчас я думаю вот о чем: война генов... Глобальная война, идущая нынче в мире, направлена именно против генов растений, животных, человека. Ты знаешь, что я имею в виду.

– Вмешательство в природу ведет мир к катастрофе.

– Конечно, и главное – это как раз природа. Всем известно, что лозунг «Человек должен покорить природу» – это полный идиотизм. Как может человек покорить вселенную, являясь ее крупницей. Такое покорение есть нарушение божьего порядка. Природу надо не покорять, а узнавать, охранять, жить с ней в гармонии. Это – видимая сторона дела. Человек ведет к гибели не только природу, но и себя самого. Меньяет гены овощей, фруктов, злаков... Все мутирует ради рынка.

Айдын муаллим кивнул:

– Как раз вчера я прочитал, что ученые выступают против ускоренного выращивания кур. Оказывается, у мужчин, которые едят такую курятину, растут груди.

Зияд бей рассмеялся:

– Так вот почему большинство мужчин, чем дальше, тем больше становятся похожи на женщин. Да что там говорить: даже мужская сперма сегодня превратилась в объект купли-продажи, страны экспортируют друг другу человеческое семя. К чему это может привести?

– Думаешь, в мире все смешается, так что собака перестанет узнавать своего хозяина? – спросил с улыбкой Айдын муаллим.

– Что-то в этом роде. Возникнет хаос.

– Физики говорят, что и у хаоса есть свои законы, не стоит бояться хаоса.

– Этот хаос не может быть упорядочен, Айдын. Бог с ним, с остальным миром, я думаю о нас самих. На протяжении двух веков, а может, и того больше, генетическая картина Азербайджана подвергается изменениям. Все эти переселения, репрессии, раскалывание одного народа на несколько частей – для чего это? В одном из центров зарождения человеческой цивилизации иссушаются генетические корни.

– Но ты должен смотреть на вещи, как ученый, отставив эмоциональность и патриотизм.

Зияд бей не сдавал своих позиций:

– Дело зашло так далеко, что наука превратилась в нечто бессмысленное. Что едят наши люди, что за воду пьют, каким воздухом дышат? Почему у матерей пропадает молоко, поколения мельчают, болеют духом, увеличивается число гомосексуалистов? Почему небо над нашей головой все лето бывает пепельного цвета?

– После такого описания можно вообразить, что мы живем в настоящем аду.

– Не дай бог, – улыбнулся Зияд бей. – Мы живем в раю, но его хотят превратить в ад. Самое страшное, что, хотя государство, устроившее репрессии, развалилось, но отпрыски его все еще живы и продолжают свое дело. Сменились названия, обновилась маски, а цель осталась прежней. Среди нас обитает масса предателей, облеченных властью, занимающих высокие посты и называющие себя националистами, демократами, самоотверженными борцами за народное благо и так далее, и тому подобное... Знаешь, что некоторые из них одной крови с теми, с кем мы сейчас воюем?

– Газеты каждый день об этом пишут...

– Одно дело – то, что написано в газетах, а другое – неоспоримые факты, зафиксированные в документах...

Айдын муаллим взглянул на часы и сказал, подытоживая разговор:

– Репрессии в Азербайджане – часть человеческой трагедии, охватившей весь мир. Если воспринимать это локально, легко сбиться с толку.

Зияд бей ничего не ответил. Точнее, видя, что друг торопится, не стал продолжать дискуссию.

Президент нефтяной компании встретил Зияд бея приветливо. И приветливость эта была искренней.

Для него, выходца из бедной деревенской семьи, лишь по чистой случайности оказавшегося на столь высокой должности, визит знаменитого ученого стал неожиданностью. Он мысленно возблагодарил Бога и кресло, в котором сидел, за то, что те привели к нему на прием такого человека. Нефть и созданные ею условия превратили его в одного из незримых хозяев страны, и это положение преподносило порой весьма удивительные сюрпризы.

Он заранее обдумывал ответ. Что он скажет, если его будут о чем-то просить? «Конечно, академик!» Нет, это как-то по-детски. «Честное слово, не могу». А это высокомерно. «Дайте мне денег, чтобы все выяснить!» Это звучит, как попытка отвяжаться. «Вы человек, верный государству и, в частности, господину Президенту, и, если вам что-нибудь нужно, наш долг – сделать все возможное и невозможное». Вот, именно так! И уважение к гостю демонстрируешь, и даешь понять, что ты – представитель государства, заботящийся об интересах главы страны.

Секретарша принесла чай. Президент компании сел напротив академика. Он и одно предложение написать без ошибок не в состоянии, а сейчас такая величина, большой ученый муж окажет ему честь: «Такой-то муаллим, знаете ли, у вас работает один мой родственник...»

Но Зияд бей не спешил; вид, открывавшийся из окна этого кабинета на третьем этаже старинного здания, заставил его на мгновение забыть, где он находится. Слева видны крепостные стены, Старый город, и Девичья башня, еще не загороженная высотками. Справа – знаменитый Баилковский мыс и простирающийся перед ним Каспий. Спокойное море и словно бы застывшие на его поверхности суда навевали ощущение, будто все вокруг вечно и останется неизменным вовеки веков.

– Пейте чай.

Голос вернул его в комнату и напомнил, зачем он сюда пришел.

– Джасур! – президент компании не ожидал такого прямого обращения и угрожающе-надменного тона. – Жители Баку тебе что-то задолжали?

Президент еще не успел стереть с лица улыбку.

– Не понимаю вас, муаллим. Разве я такое говорил?

– А может, наш народ иностранным компаниям что-то должен?

Президент сглотнул:

– Иностранная компания не может такого сказать.

Академик закипал:

– Тогда почему отравляющие вещества закапывают в окрестностях Шонгара и Гызылдаша?

– Не может такого быть.

– Джасур, ты можешь пудрить мозги кому-то другому, но не мне. Я никогда не говорю того, чего не знаю! Ко мне приходили жители тех деревень. Откуда привозят эти контейнеры? Почему закапывают на Абшероне? Другого места не нашлось?

Глава компании понял, что отрицать всю эту историю с контейнерами бессмысленно:

– Насколько мне известно, в них нет никакой отравы.

– Ну, если это не отравы, то давай, садись в машину, и поехали. Посмотрим, подойдешь ли ты близко к этому кладбищу контейнеров? Ты в курсе, что теперь в Гызылдаше и Шонгаре даже зелень не растет? Поехали, посмотрим, выдержишь ли ты хотя бы минуту эту вонь? Тебе людей не жалко? Мало того, что нефть их выкачиваешь, так еще и травишь.

– Академик, мы не давали разрешения на закапывание там ядовитых веществ!

– Но на что-то ты дал разрешение! Не знаю уж, под каким соусом. Всеми этими отговорками ты можешь обмануть наивных селян, но не меня. А может, и тебя самого обманывают. Ты сам хоть проверял, что там закапывают? В Баку и так уже трудно дышать от строительной пыли. В ветреную погоду глаза невозможно раскрыть. О чем вы думали, создавая для Баку еще одну напасть?

– Муаллим!

«Муаллим» уже поднялся:

– Пожалейте народ! Ничто нельзя отдавать в жертву деньгам! Покуда народ не узнал об этой гнусности, прикрой свою лавочку смерти. Я тебя предупредил...

Не пожав руки, он удалился. Президент компании вышел следом за ним, Зияд бей, не обращая на него внимания, широкими шагами прошел мимо лифта и спустился по лестнице. «Ну, ты и Дон Кихот!» – сказал он мысленно самому себе. Теперь этот тип позвонит главе государства и нажалуется с три короба.

Всю ночь он не спал. Мозг кипел. Позади их дома, в самой верхней части Баку день ото дня росли здоровенные бетонные ребра, будто выстроенные в ряд скелеты трех гигантских акул. Интересно, у этого города есть какой-то генплан, главный архитектор? Неужели они не видят, что эти здания раздавят город, что им тут совсем не место? А кто эти самые главный архитектор и глава города? Подневольные люди, послушные приказу, – отвечал он сам себе. – Но и те, кто отдает приказы, тоже могли бы это понять... Ну, ладно, строят, и черт с ним. Но хоть поинтересовались ли они, кто стоит за фирмами, вложившими деньги в это строительство?

...С самого момента закладки фундамента соседи не знают ни минуты покоя. Целый год, а может, и того дольше, в землю вбивались опоры, и ощущение было такое, будто людям гвозди в голову вколачивают. А теперь вот сварочные аппараты рвут в клочья нервы. А ведь почти все здешние жители – люди пожилые. Самоотверженные обитатели Дома ученых и героев... Как долго могут они продержаться без сна? Несколько ветеранов войны отправились даже на строительную площадку, чтобы призвать тамошних деятелей к совести – мол, хотя бы на ночь останавливайте работу, дайте нам глаз сомкнуть.

Но на площадке творилась такая неразбериха, что... Да и потом, кто ж обратит внимание на этих стариков, одной ногой стоящих в могиле, кто распознает их и придаст значения их словам? Зияд бей, чье терпение и без того было уже на пределе, выслушал соседей и совсем обезумел: «Что ж они, настолько обнаглели, что и вас не слышат?» Но и его собственная попытка не принесла результата. Невозможно было выяснить, кто стоит во главе этой стройки, чтобы поговорить с ним. Бесконечный скулеж подъемных кранов и визг сварочных аппаратов, в конце концов, доведут всех соседей до психушки...

Он взял топор и направился к стоящему во дворе трансформатору. Соседи с интересом ждали, что же он сделает. Зияд бей знал, что отсюда поступает на стройку электричество. Натянув на руки резиновые перчатки, он обрушил на кабель всю свою многодневную ярость, и тотчас же смолкли все сварочные аппараты, погасли огни подъемных кранов. На мир опустилась тишина, от которой они давно уже отвыкли. Целую неделю соседи спали спокойно...

«Да, ты Дон Кихот! – говорил он сам себе. – Но этому народу как раз и нужны Дон Кихоты и Кефли Искендеры...»

Окончание следует

20 ЯНВАРЯ – ДЕНЬ ВСЕНАРОДНОЙ СКОРБИ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

МАХИР ГАМЗАЕВ

Председатель Общины азербайджанцев Литвы,

член Союза писателей Литвы

БАКУ-ВИЛЬНЮС: СУДЬБОНОСНЫЕ ЯНВАРСКИЕ СОБЫТИЯ

НА ПУТИ СВОБОДЫ

Минуло уже почти тридцать пять лет с тех трагических январских событий 1990-1991 гг., когда безоружные люди Азербайджана и Литвы в Баку и в Вильнюсе силой своего духа, стремлением к правде и свободе доказали миру свою готовность защищать Свободу и создавать свои Независимые государства.

13 января в Литве отмечается День защитников свободы.

Мероприятия в память о трагических событиях 13 января 1991 года начинаются с традиционной гражданской акции «Память жива, потому что свидетельствует».

В окнах домов, предприятий и школ вновь зажигаются свечи.

Позже памятное мероприятие перемещается в исторический актовый зал 11 Марта в Сейме Литовской республики. Здесь, в сердце страны и колыбели Независимости, проходит торжественное заседание с участием высшего руководства страны, представителей общественности и зарубежных гостей. На площади Независимости перед Сеймом Литвы организуется торжественная церемония поднятия Государственного флага. А на Антакальнисском кладбище Вильнюса проходит церемония поминовения погибших защитников свободы. Вечером в Вильнюсском кафедральном соборе в память о погибших совершается Святая месса. Мессы и молебны служатся и в других храмах Литвы.

Вся Литва, изъясняясь словами певца литовского народа, выдающегося поэта Юстинаса Марцинкявичюса (1930–2011), еще раз словно склоняется над своими погибшими лучшими дочерьми и сыновьями и еще раз укрывает их вечной свободой.

А 20 января – в День всенародной скорби весь азербайджанский народ чувствует своих национальных героев, защитников Отечества и борцов за свободу.

В этот день азербайджанцы всего мира склоняются к своим высокочтимым шедам и еще раз укрывают их миллионами гвоздик, ставших символом их борьбы за Отчизну, символом их готовности защищать родную землю и символом рассвета Независимости.

Бакинские и вильнюсские события чрезвычайно схожи: и в Баку, и в Вильнюсе мы видели баррикады, поскольку официальная Москва впервые после Второй мировой войны использовала тяжелое вооружение против безоружных людей. Четко просматривались общие сценарии кровавых событий, руководимых из одного центра, в Литве предателями национальных интересов стали бурокавичюсы и ермалавичюсы, в Азербайджане – везиrowы и муталибовы.

Суть агрессии, идеологические параллели и надуманные мотивы также были схожи по своему содержанию: в Вильнюсе были созданы организации «Комитет по защите граждан СССР» и интерфронт «Единство», настоятельно требовавшие введения советской армии, а в Баку войска были введены, прикрываясь необходимостью предотвращения армянских «погромов».

Были военные операции и другие подобные действия, неизменным оставался только испепеляющий взгляд имперского ангела смерти, не утихали переполненные болью и мукой стоны матерей Родины о помощи и голоса наших народов, заглушаемые словно поросшей мхом каменной глухотой и равнодушием западного мира.

Да, мы понесли скорбные утраты, но почти за тридцать пять лет мы глубоко осознали, что 20 января и 13 января – это дни победы Азербайджана и Литвы. Не будь этих январских событий, этих побед, возможно, не распалась бы и советская империя, и нынешние Европа и мир выглядели бы иначе.

Историческая важность, драматизм и огромное притяжение судьбоносных январских событий 90-го года в Баку и 91-го года в Вильнюсе в эти январские дни не отпускают меня с орбиты тех событий и постоянно привлекают мое внимание, переполняя моё сердце спектром самых разнообразных эмоций и чувств.

За Вашу и Нашу свободу

Сегодня я словно возвращаюсь на 33 года назад. В январе 1991 года на площади у Сейма Литвы толпились люди, колыхалось море триколоров, рядом с которыми цвели национальные флаги различных народов, населяющих Литву, в том числе и знамя моего родного Азербайджана. Я горжусь, что в то время вместе с представителями других национальных сообществ здесь были и мы – азербайджанцы Литвы.

В январе 1991 г. печальная новость о трагических событиях в Вильнюсе пронеслась по всему Азербайджану. В знак решительного протеста против кровавого подавления выступлений сторонников независимости Литвы и чтобы выразить солидарность с литовским народом, в Нахчыване, Сумгайыте, Лянкяране и в других городах страны тогда прошли митинги солидарности, на которых звучал лозунг: «Ландсбергис, мы с Тобой!» Основную роль в организации этих акций сыграл Народный Фронт Азербайджана. Все это сохранилось в памяти свободолюбивых людей и на слегка пожелтевших от времени страницах азербайджанской газеты «Азадлыг» («Свобода») того периода.

«За Вашу и Нашу свободу» – тогда этот исторический девиз словно перенесся из древней истории Литвы и звучал из уст людей разных национальностей. Именно тогда духовное единство, стремление к свободе соединили нас для одной общей цели: защитить воссозданное независимое Литовское государство, чтобы Оно во второй раз в XX веке могло гордо обратиться к миру своим собственным голосом. И тогда агрессивные силы и бронемашин были сдержаны не баррикадами, а всеобъемлющим чувством единения и общности, ответственностью за наше общее государство и его будущее. Это действительно неизгладимые мгновения.

Люди самых разных национальностей, бок о бок стоявшие с литовцами на страже Независимости, оберегали одну святую мечту – защитить наш общий дом, упрочить воссозданную Независимость и вместе созидать многонациональную, свободную и процветающую Литву. В те исторические дни претворение этой мечты в жизнь потребовало жертв. Среди потерпевших были и мои соотечественники: вильнюсец Фамиль Шюкюров (род. 1943) и клайпедчанин Илькин Дадашов (род. 1970). За защиту свободы и независимости Литвы в январе 1991 года, они награждены медалями Памяти 13 января.

Лучшие дочери и сыны Азербайджана и Литвы, Национальные Герои, сквозь одну из самых черных январских ночей 90-го года в Баку и 91-го года в Вильнюсе протянули незабываемый мост надежды и свободы в брезжащий рассвет Независимости наших Отчизн, построить который иным народностям не под силу и за века.

Это еще раз свидетельствует о том, что народы с седой стариной и древней историей государственности лелеют схожие ценности и мыслят одинаковыми понятиями Свободы и категориями Независимости. Самые передовые дочери и сыны Азербайджана и Литвы на протяжении исчисляемой не одно столетие истории наших народов не единожды подтвердили этот постулат своими поступками и трудами, тем самым поддерживая, помогая друг другу в трудные моменты и в смутные исторические периоды.

Исторические связи

История наших межгосударственных отношений корнями уходит вглубь второй половины XV века, когда дипломатические отношения азербайджанских государственных образований Ак-Коюнлу (1468–1501) и Сефевидов (1502–1736) с Великим Княжеством Литовским (1236–1569) и Речью Посполитой (1569–1795) длились на протяжении более двух столетий.

В восьмидесятые годы XVII века в Гяндже, в Нахчыване и других городах Азербайджана действовала миссия иезуитов Великого княжества Литовского. Наши отношения того периода богаты интересными событиями.

Но более тесная история азербайджано-литовских связей датируется первой половиной XIX века, после инкорпорации наших государств в состав царской Российской империи. В особенности после восстаний 1831 и 1863 годов много просвещенных литовцев было сослано на окраины империи, в том числе и в Азербайджан. Именно эти светочи и завязали первые духовные связи, навели первые литературные, культурные, общественные мосты между нашими народами.

Но давайте прервем наш исторический экскурс и вернемся к новейшей истории независимых Азербайджанской и Литовской республик. Существуют чрезвычайно важные, но малоизвестные широкой общественности факты, объединяющие Литву с Азербайджаном, подтверждающие взаимопомощь и поддержку в трудные и ответственные исторические моменты.

Ведь не только такие выдающиеся личности, как классик литовской литературы Винцас Креве-Мицкявичюс (1882–1954), как расстрелянный большевиками начальник Генерального штаба армии Азербайджана литовский татарин Мотеюс Сулькявичюс (1865–1920), оставили свой глубокий след на азербайджанской земле. Есть и больше литовцев, трудившихся при создании первой независимой Азербайджанской Республики в 1918–1920 годы.

Независимый Азербайджан и Литовская Тариба («Совет Литвы») 23 июля 1918 г. *de facto* завязали межгосударственные отношения. Тогда представителем Государственного Совета Литвы при правительствах Закавказских государств был аккредитован председатель Совета литовцев на Кавказе, учитель математики 4 гимназии Тбилиси Пранас Дайлиде (1888–1965). В марте 1919 г. в Баку было учреждено консульство Литовской Республики, и первым консулом здесь был назначен учитель русского языка и литературы Бакинского реального училища В. Креве-Мицкявичюс.

Следует акцентировать, что Литва и Азербайджан в 1919–1920 годах на Парижской мирной конференции поддерживали друг друга и действовали заодно с Латвией, Эстонией, Украиной, Северным Кавказом и Грузией, добиваясь признания своей независимости. И вот 11 января 1920 года Азербайджан *de facto* был признан независимым государством мира.

Нужно отметить, что Литва тогда не только признала Независимость Азербайджанской Республики, но и поддержала его территориальную целостность.

В то время в составе Азербайджана не было такой административной единицы, как Нагорно-Карабахская автономная область. Управлял Карабахом назначенный правительством Азербайджанской Республики губернатор, область была неотъемлемой частью страны, и именно такое Азербайджанское государство *de facto* признало большинство стран мира, в том числе и Литовское государство.

Наряду с первым консулом Литвы в Баку Винцасом Креве мне хотелось бы упомянуть выходцев из Вильнюсского края братьев Кричинских, старший из которых – Ольгерд Найман Кричинский (1884-1942) в 1919–1920 годах был вице-министром юстиции Азербайджанской Республики, за что в 1942 году был советами расстрелян в тюрьме в Горьком. Младший Арслан (Леон) Кричинский (1887–1939) в 1919–1920 годах занимал пост директора канцелярии правительства Независимого Азербайджана и пост главного редактора издания «Государственные вести».

В первые годы Независимости инспектором Бакинской мореходной школы служил Винцас Каралюс, заместителем заведующего Организационно-контрольным отделом Министерства государственного контроля был Йонас Мацкявичюс, начальником Железнодорожного управления Азербайджана работал Альфонсас Вейсис. Следует также упомянуть заместителя заведующего Бюро регулирования железнодорожных перевозок Министерства путей сообщения Азербайджана Паулюса Вашкиса, заместителя прокурора окружного суда Гянджи Йонаса Вальтиса и многих других.

Еще один интересный пример: в 1921 году консулат Литвы в Баку должен был позаботиться о судьбе Станисловаса Криштопайтиса, поскольку тот, устроившись на работу в армию советского Азербайджана сапожником, позднее категорически отказался подчиняться законам и стать красноармейцем.

Межгосударственные отношения независимых Литвы и Азербайджана с 1922 г. надолго, почти до конца XX в., были принудительно прерваны.

Новые страницы истории взаимоотношений

Хотелось бы акцентировать, что литовский народ свое стремление к воссозданию Независимости лелеял на протяжении всего периода оккупации. Об этом свидетельствует и вооруженная борьба в послевоенные 1945-1953 годы, и другие подвиги сил сопротивления. Возвращаясь к периоду вооруженной резистенции, следует подчеркнуть, что в рядах литовских партизан сражались и представители других национальностей: немало немцев, кое-кто из русских староверов, патриоты украинской национальности и даже – бельгиец.

Здесь надо отметить, что в 1945–1951 годы за свободу и независимость Литвы в рядах литовских лесных братьев достойно сражался и мой соотечественник Шакир Садыгов (1919–1951), родом из Уджарского района Азербайджана. Он – партизан в округе Кястучё, соратник легендарного генерала Йонаса Жямайтиса (1909–1954), партизанских командиров Йонаса Венслаускаса, Пятраса Барткуса (1925-1949) и других известных борцов за свободу, решительно защищал независимость Литвы и вместе с другими братьями по оружию и идеям весной 1951 года пожертвовал жизнью во имя этой святой цели.

Когда в 1988 году в Литве началось движение национального возрождения, проживающие в Литве азербайджанцы объединились в свою общественную организацию. Они активно включились в движение национального возрождения Литвы, конкретными делами участвовали в судьбоносных для всей Литвы событиях, активно участвовали в организации Балтийского пути, референдума о выводе из Литвы со-

ветских войск, в защите независимости Литвы в январских событиях 1991 г. и в ходе августовского путча.

Следует отметить, что в драматические январские дни 1991-го Общество азербайджанцев Литвы было одним из учредителей Совета национальных общин Литвы при Департаменте национальностей при правительстве Литовской Республики.

Азербайджанское общество было также одним из учредителей Межнациональной координационной ассоциации, действовавшей в Литве в 1988–1991 гг., и активным участником ее деятельности.

В тот период данная ассоциация была единственной структурой сплочения и объединения национальных меньшинств Литвы, их общественных организаций, стремившихся к восстановлению независимости Литвы и к созданию гражданского общества.

Связующим Литву и Азербайджан началом являются не только древние исторические и культурные связи, обоюдная симпатия между нашими народами, но и общие ценности и мировоззрение. Членство Литвы в Европейском союзе и в НАТО изменило не только качество жизни в этой стране, но и дало новый стимул в оказании помощи идущим по тому же пути Евроатлантической интеграции государствам Восточной Европы и Кавказского региона.

Партнерство между нашими странами зиждется не только на совпадающих интересах, но и на схожем видении будущего. Мы схожи своей открытостью новшествам, желанием активно участвовать в деятельности мирового сообщества и внести свой вклад в решение наиглавнейших вопросов международной политики. Я уверен, что в силу такого сходства мы становимся близкими соратниками и в создании добрососедских отношений.

Нынешний период в истории сотрудничества наших народов является особенным благодаря интенсивности отношений и созданию новых возможностей в будущем. Почти двадцать лет назад в наших отношениях произошел прорыв. Долг наших общественных и культурных деятелей – сохранить это ускорение и стремиться к тому, чтобы открытые возможности активных политических связей были заполнены конкретными проектами общественного, экономического и культурного сотрудничества между нашими странами.

Сопоставляя исторические параллели наших народов, хочу подчеркнуть, что никогда прежде у нас не было столько свобод и неограниченной инициативы по созданию и упрочению нашего самого главного богатства – человеческих и культурных связей. Настоящее дарит нам уникальную возможность вместе творить свое будущее. Поэтому мы должны задействовать те таланты и идеи, которых предостаточно и в Литве, и в Азербайджане, во имя создания современного партнерства на основе демократических ценностей.

За всё это мы признательны и лучшим дочерям и сыновьям Литвы и Азербайджана, отдавшим свои жизни за Независимость наших государств. Участники судьбоносных январских событий в Баку и в Вильнюсе акты восстановления Независимости наших государств подписали и скрепили своей кровью.

Поэтому стремления и идеалы людей, пожертвовавших жизнью за Независимость, за освобождение родной земли, являются общими. И в Вильнюсе, и в Баку народные герои отдали свои жизни за одни и те же стремления к Свободе и Независимости. Они погибли от агрессии одной и той же империи. Память о них связывают общие ценности и идеи.

Я верю, что погибших не должны разделять наши религиозные убеждения. Да ниспошлет им Господь вечную благодать. И пусть это поминовение, будто духовный мост, еще сильнее сблизит память наших народов. Наш гражданский и исторический долг – и далее идти дорогой взаимопонимания, сохранения общей исторической памяти, взаимоподдержки и созидания.

И в завершение мне бы хотелось обратить внимание на стихотворение известного азербайджанского поэта Фикрета Садыга (1930–2016), переведенное на литовский язык литовским поэтом и прекрасным переводчиком Альфонсом Буконтасом (род. 1941). Это стихотворение написано почти 60 лет назад, когда поэт Ф. Садыг, гостивший в Литве, посетил один из пяти этнокультурных регионов страны – Дзукию (Дайнаву). Произведение посвящено именно этому региону – Дайнаве (**примечание:** лит. *daina* – песня) и называется «Песенный край»:

*Памятников – каменная песнь,
Там чащоб мелодия лесная,
Нериса напевная волна и*

*Ожиданий вечных, расставаний,
Чувств душевных льющаяся песнь...*

*И вела меня она тем краем,
Ей встречала каждая изба –
Вспомнился мне отчий Карабах.*

*Я ни слова, ни единой фразы
На литовском языке не знал.
Но едва услышал песни – сразу
Суть их смысла стала мне ясна.*

(подстрочный перевод с азербайджанского)

Я убежден, что герои январских событий в Баку и в Вильнюсе, защитники Свободы, даже не владея языком, тогда прекрасно понимали друг друга, ведь говорили они на языке Свободы, на языке Независимости, для которой, как и для музыки, перевод не нужен.

Наш долг и долг грядущих поколений – защитить и сохранить Свободу, продолжать идти ознаменованными нашей общностью путями Независимости...

Вильнюс – Баку, Январь, 1990 – 2024 годы

ВАДИМ ГАЛЬПЕРИН

Мелькнет и исчезнет реальность

Несется пространство сквозь время,
Струится в часах песок.
И все в одном направлении,
Отмеряя каждому срок.

Сливаются кванты мгновений
В причудливый пазл бытия.
И мир, как объект ощущений,
Субъектом вползает в меня.

Вгрызается, мозг распирает
То змеем, а то соловьем
И душу и тело терзает,
Но я же стою на своем.

И бьемся, вцепившись друг в друга,
Вот дружеский наш симбиоз.
А толку, – лишь время-хапуга
Хохочет над нами до слез.

Оно и судья, и целитель,
Оно промелькнуло и нет.
Мы в нем лишь актеры и зритель.
У каждого роль и билет.

Кто прямой по сцене кружится,
Другой и подыгрывать рад.
Мелькают безликие лица –
Людской балаган-маскарад.

И я, как отдельная данность,
Частичка, но все же с душой
Пытаюсь понять эту странность,
Что странствует рядом со мной.

В ней тьма – есть отсутствие света,
Добро – лишь в присутствие зла.
И правда – лишь тень от предмета,
А истина нам не дана.

Здесь сладкое с привкусом соли,
Здесь холодом жжет горячо,
Здесь рабство в обличии воли
Свободою дышит в плечо.

И это двуличье известно,
Касается всех и всего,
Но слышу опять повсеместно:
За что, почему, для чего?

И вечно мы ищем ответы
На то, что не можем постичь.
Но Б-г нам оставил заветы,
Чтоб мы понимали, как жить.

Вдохнул, что зовется душою
И в вечность потом упорхнет.
Отметил земною юдолюю
И вновь нас к себе призовет.

Мелькнет и исчезнет реальность –
Таков уж закон бытия.
Но миг этот – счастье и радость,
Промчатся, творя и любя!

Размышления

Мы все же не вечны, и мы это знаем.
Зачем же друг другу мы жизнь отравляем?
Зачем бессердечны, взаимно жестоки?
Бездумно бросаем проклятья, упреки.

Мы ищем врагов обязательно вне,
Желания нет покопаться в себе.
Конечно же проще кого-то винить,
Чем вдуматься: что же в себе изменить?

А время уходит, бежит в никуда,
И то, что ты сделал, сказал, – навсегда
Останется в сердце того, кто с тобой
По жизни был связан коварной судьбой.

Задумайтесь, люди, и будьте людьми,
Известна ведь заповедь: «Не навреди».
Но глупость обычно не дружит с умом,
Упертость до смерти стоит на своем.

Ценою здоровья, счастья, любви,
Но будет по-моему, хоть ты пропади.
Но то, что посеешь, то сам же пожнешь,
Чем супчик заправишь, то сам и сожрешь.

Да, все мы упрямы, и все мы горды,
Но думать о ближних мы больше должны.
Ведь страсти утихнут, придет тишина,
Но нет никого, лишь одна пустота.

Воспоминания из прошлого с послесловием

Посвящается моему отцу и дедушке

Ялта. 2 декабря 1920г., четверг. За окном солнышко. Обычное начало крымской зимы: еще тепло, но с моря уже веет прохладой, и нет той дивной свежести воздуха. Обыкновенное, ничем не примечательное утро. Только проснулись мы несколько позже, чем всегда. Папа подошел ко мне, улыбнулся, потрепал по щеке и сказал: «Хватит валяться. Кто будет делать зарядку?» И не дожидаясь ответа, ушел в соседнюю комнату делать свои упражнения. Это вошло у него в привычку с 1905г., с того времени, когда он несколько месяцев провел в Петропавловке по обвинению в революционной деятельности. Тогда ему было 23 года. Через 8 лет он женился, а еще через год в Петербурге, практически одновременно с началом I мировой войны, родился я. Мама же моя была родом из Ялты. Мы жили попеременно то там, то тут. Но сейчас находились здесь, в Ялте – уже в послеврангелевской «красной» Ялте. Время и место, как много они определяют в судьбе человека. Или наоборот, какая-то высшая сила помещает человека в predetermined ему пространственно временное перекрестье, держит на прицеле и ждет команды от своего главного начальника. Итак, 2 декабря 1920г. Завтрак: яичница, чай, булочки. Застольный разговор о наступающей эре справедливости для всех, поцелуй в щеку, и папа, просмотрев какие-то свои бумаги, уходит прогуляться, не надолго..., навсегда! Может быть, события этого утра были несколько иными, но главное, что время началось схлопываться в часы, минуты, секунды и..., кто-то нажал спусковой крючок.

Ленинград, 7 декабря 1930г., воскресенье. Поздний вечер. За окном темно. На улице сыкотно. В нашей комнате тепло и уютно. В углу на железной кровати спит мама. В другом углу на стене над импровизированным комодом, из поставленных друг на друга чемоданов, висят фотографии. Много фотографий из нашей прошлой крымской жизни. Мы перебрались в Ленинград после знаменитого ялтинского землетрясения 1927 года. Удалось получить одну комнату в квартире, где проживало еще 8 семей. До революции вся одиннадцатикомнатная квартира принадлежала моему дяде – старшему брату отца. Он был довольно известным адвокатом. Рассказывают, что эту квартиру ему в качестве гонорара подарил один купец. Дядя выиграл процесс и сохранил купцу четыре дома. Теперь он жил в том же подъезде в небольшой однокомнатной квартире, любезно предоставленной новой властью. Повезло. Мне уже 16 лет. Я учусь в индустриальном техникуме и подрабатываю помощником чертежника. Сейчас доделываю задание, которое надо сдать завтра утром. Несколько притомился. Хочется спать, глаза слипаются, голова потихоньку опускается все ниже и ниже, пока не касается поверхности нашего обеденного, а заодно и моего рабочего стола... Я открыл глаза от несильного стука в дверь. «Кто бы это мог быть так поздно?» – подумал я. Коммунальная квартира, и общего входного звонка я вроде не слышал. «Входите, не заперто». Дверь открылась, и... на пороге стоял... мой отец. Он практически не изменился с того времени, как, в тот памятный день 10 лет назад, вышел погулять. Разве что чуть-чуть поседел. В одной руке он держал трость, с которой обычно прогуливался, а в другой был зажат небольшой бумажный листок. В первый момент, как ни странно, я не испытал даже чувства удивления. В голове все перемешалось. Был я, повзрослевший и настоящий, и он, вернувшийся из прошлого, немножко нереальный, мой любимый, долгожданный папа. В следующее мгновение я бросился к нему, но он как-то странно улыбнулся и остановил меня неторопливым движением руки. «Подожди, извини, я должен снова ненадолго отлучиться, я вернусь».

Дверь захлопнулась. Я бросился за ним, стал искать по всей квартире, выбежал на лестничную площадку. Нигде никого не было. Потом вдруг появилось множество незнакомых людей: гражданских, красноармейцев, матросов. Они сновали туда-сюда, поднимаясь и спускаясь по лестнице, которая каким-то непонятным образом никак не могла закончиться. Мне даже показалось, что среди них мелькала фигура моего отца. Я рванул к нему, но он тут же растворился в толпе. Не знаю, сколько времени блуждал я по этой мебиусообразной лестнице, заглядывая в калейдоскоп мелькающих лиц, но тщетно. Полное непонимание происходящего, чувства растерянности, опустошенности и горечи утраты овладели мной. Не помню, как я снова оказался в своей комнате. Ничего не изменилось. По-прежнему тускло горела лампочка над столом. Повернувшись лицом к стене, спала мама. Лишь на столе, на видном месте, лежала записка: «Не теряй надежду, жди, мы обязательно встретимся». Было написано, именно, встретимся, а не вернусь, как он обещал.

Ялта. Первые дни декабря 1920г. Опросы соседей, знакомых и обращение к властям города ничего не дали. Человек вышел из дому и исчез: пропал без вести. Никто никогда его больше не видел. Ни живым, ни мертвым. Было понимание, что случилось что-то страшное. Но, как я узнал позже, такие потрясения коснулись не только нашей семьи. Ялта стала последним городом Крыма, куда вошла Красная армия. 17 ноября 1920 года в неё вступили части 1-й конной армии Южного фронта. Советские руководители считали, что в Ялте буржуазии, собравшейся со всей России, было больше, чем в любом другом городе. В связи с этим началось систематическое и поголовное физическое истребление всех тех, кто, по мнению нового руководства, присланного из Москвы, не вписывался в рамки новой большевистской идеологии. 6 декабря 1920 года В.И. Ленин, выступая на совещании актива московских большевиков, заявил: «Сейчас в Крыму 300 000 буржуазии. Это источник будущей спекуляции, шпионства, всякой помощи капиталистам. Но мы их не боимся. Мы говорим, что возьмем их, распределим, подчиним, переварим».

В этой кровавой революционной скороварке был переварен и мой отец. Он не был никаким классовым врагом и не занимался политикой. Наверно, просто не повезло. Попал в очередную облаву, когда вышел погулять. Может быть, была дана команда отлавливать любого интеллигента, как потенциально опасного элемента, или хватали всех подряд для порядка. Ничего этого, конечно, в те дни я не знал и не понимал. Припоминаю только, что слышал разговоры о том, что на улицах задерживали группы людей, уводили за город. Слышались выстрелы, крики, и редко, кто возвращался. Мне же объясняли, что даже если папу задержали, то скоро отпустят, потому что он ни в чем не виноват. Последнее было абсолютной правдой, а вот, что скоро отпустят... Но на тот момент у меня не было сомнений: папа обязательно вернется, а иначе и быть не может. Он еще молодой, сильный, здоровый. С ним не может ничего случиться. А мне всего 6 лет. Я не хочу, не могу без папы. Это не справедливо. Со временем детская уверенность сменилась юношескими мечтами, что однажды откроется дверь, и... войдет папа. Эти мысли преследовали меня много лет. Ведь никто не видел его мертвым, и значит, существует надежда. Надежда-понятие, редко связанное с рассудком, особенно в молодом возрасте. Но как часто хочется обманываться в ожидании чуда.

Ленинград, послеялтинский период. Как я уже писал, в 1927г. мы с мамой оказались в Ленинграде. С 14 лет на меня легла ответственность за нашу маленькую семью. Я начал работать. Жили мы, конечно, очень бедно, и те небольшие деньги, которые мне платили, как ученику чертежника, были для нас большим подспорьем. В любых документах, где требовались сведения об отце, я писал: «Умер в 1920г.». Никто не спрашивал причину смерти, да и что мог бы я ответить: «Ушел и не вернулся».

А о его возвращении я продолжал фантазировать, с годами все яснее понимая, что навряд ли это случится. Такие сны, как в ту декабрьскую ночь, мне снились редко, но я часто засыпал, представляя, что папе удалось спастись, бежать куда-нибудь, и он просто не может с нами связаться. Но время брало свое. Я учился, работал, прошел войну, встретил свою любовь, с которой прожил 46 лет, вырос мой сын, и все дальше отступали те далекие годы и события детства. Но все же, иногда, я вспоминал записку со словами «мы обязательно встретимся». Так я и ушел из жизни в 1992г., не узнав, что на самом деле случилось с моим отцом.

P.S. (от внука) Через 20 лет после смерти моего папы я набрал в интернете имя и фамилию дедушки. Надежда найти информацию об обычном человеке, с исчезновения которого прошло столько времени, была минимальна. И каково же было мое удивление и потрясение, когда я на сайте **krimoved-library.ru** обнаружил статью «**Судный день 7 декабря 1920 года**», в которой писалось:

«Расстрельные списки: №№ 1-50. Вот появилось первое, судя по сохранившимся документам, печальное шествие смертников за город, подгоняемое прикладами «освободителей». Оно растянулось длиннейшей колонной на всю улицу, провожаемое испуганными взглядами проснувшихся обитателей окрестных домов. Гонимые могли только догадываться, какая участь их ожидает, но определенных намерений большевиков не знал никто, поскольку «приговор» во всех случаях объявлялся уже на месте расстрела, после чего отчаянные крики заглушал грохот пулемета.

В отношении этой первой многочисленной группы накануне состоялось заседание чрезвычайной тройки Крымской ударной группы управления особых отделов ВЧК при РВС Южного и Юго-Западного фронтов под председательством Чернабрывого, членов Удриса и Гунько-Горкунова. «Тройка» рассмотрела анкеты арестованных в городе и окрестностях лиц, содержащихся в тюрьме, и 7 декабря 1920г. вынесла постановление о расстреле 315 человек».

Под номером 45 в этих списках был мой дед.

Так я узнал то, о чем догадывались, но не могли установить точно ни мой отец, ни бабушка. Можно спросить: «Ну и что? Кому это нужно сейчас? Дело почти столетней давности. Нет уже ни одного живого свидетеля тех событий». Но, слава Б-гу, мы не всегда исходим только из категории целесообразности. Довольно часто наши действия носят абсолютно нерациональный характер. Вдруг возникает какая-то внутренняя потребность что-то узнать, прояснить для себя. Почему это происходит в тот или иной момент времени, сказать трудно. Наверно, это зреет в нас как-то подспудно, порой незаметно. Наши корни, родословная, судьбы близких людей. Это то, что было до нас, при нас и останется после нас. Останется в виде фотографий, сохранившихся документов, воспоминаний очевидцев. Кого-то я видел и знал, о ком-то мне рассказывали. Пока мы помним, они с нами.

Гальперин Вадим Леопольдович (Galperin Vadim Leopold)

Родился в 1948г. в Ленинграде. Закончил физико-математическую школу и Ленинградский Политехнический институт им. М.И.Калинина (ныне Санкт-Петербургский Политехнический Университет Петра Великого). С 1998г. проживает в Германии. Автор многочисленных научно-технических статей и изобретений. Пишет (не часто, для себя «в стол») стихи, рассказы, воспоминания.

Одним из дискуссионных вопросов всемирной истории является вопрос о корнях тюркских народов, причинах и последствиях их бурной миграции в раннее средневековье, особенностях освоения ими Малой и Средней Азии. Дошедшие до нас летописи свидетельствуют, что тюркские племена разрозненно жили на этих землях еще до великого переселения народов. Историки задаются вопросом: тюрки – аборигены этих краев или пришельцы с северо-востока? В работах профессора Низами Мамедова обосновывается относительно новое видение истории тюркских народов, поддерживается мысль о глубоких связях тюркского этноса с шумерской цивилизацией, раскрывается многовековая интегративная роль тюркской культуры в Евразийском пространстве. Данный подход выбивает почву из-под ног шовинистически настроенных политиков, призывающих «вернуть тюрков в Сибирь...». Предлагаем вашему вниманию одну из статей Низами Мамедова, посвященную данному вопросу.

НИЗАМИ МАМЕДОВ

Единство и многообразие тюркской культуры

Тюркская культура своими корнями уходит в глубокую древность, и вследствие беспрецедентного расширения ареала проживания тюркских народов, их активной деятельности она оказала многогранное влияние на культуру народов Евразии, мировую культуру в целом. Однако тюркский фактор в развитии мировой культуры до сих пор остается во многих отношениях неизвестным и недооцененным. В европейском общественном сознании «тюркские страницы» истории зачастую ассоциируются только с жестокими завоеваниями, варварством гуннов, падением Византии и образованием Османской империи. Между тем распространение тюркских племен, как и другие великие переселения народов, некорректно рассматривать односторонне. Это сложный естественно-исторический процесс, требующий для понимания и должной оценки всестороннего, диалектического подхода. Миграция тюркских племен была обусловлена как объективными (рост народонаселения, изменение климата, истощение ресурсов), так и субъективными (пассионарностью тюркского этноса, психологическими мотивами, религиозными идеями и др.) причинами. Абсолютизация негативных сторон данного процесса оставляет в тени позитивные последствия, повлиявшие на ход мирового общественного развития. С распространением тюрков в Евразии связаны конвергенция ценностей культур многих народов, населявших эти бескрайние просторы, формирование основ евразийской культуры, «туранского мышления», понимание значения государственности. Как подчеркивал Николай Трубецкой, один из авторов концепции Евразийской культуры, «из всех туранцев именно тюрки играли в истории Евразии самую выдающуюся роль» (Трубецкой Н. С. *О туранском элементе в русской культуре. // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М., 1993, с. 70*).

Оставляя в стороне геополитическое значение появления Османской империи, можно однозначно сказать, что она на протяжении шести веков являлась связующим звеном между Европой и странами Востока, выполняла важную коммуникативную функцию. Как показывают в своих работах Элизе Реклю, Монтгомери Уотт, Лев Гумилев, Николай Трубецкой и другие ученые, вряд ли была возможна эпоха Возрождения без влияния различных исламских и тюркских идей, изменивших духовный и интеллектуальный климат Европы. Мрак европейского Средневековья, его жестокие догматические установки пошатнулись сначала в Испании благодаря влиянию ислама, затем эта волна перемен, несмотря на жесткие преграды, все же через пару столетий (после появления в Анатолии Османского государства) охватила Италию, потом Францию и Германию. Новые философские, научные знания, которые осваивали европейцы благодаря культурному взаимодействию со странами Востока, позволили сформировать антропоцентрическое, гуманистическое мировоззрение, взгляд на социальную действительность, допускающий ее изменение в интересах человека.

Так началась Новая европейская история, наброски которой дали уже впоследствии великие социалисты-утописты Томас Мор и Томмазо Кампанелла.

Считается, что сейчас в мире 16 народов имеют тюркские корни и говорят на тюркских языках. Современная тюркская культура довольно мозаична. На нее оказывают влияние глобальные процессы, формирующаяся глобальная культура. Рассмотрение оснований тюркской культуры, ее системы ценностей, движущих сил, особенностей развития представляет интерес не только для историков и тюркологов, но и для специалистов в области теории культуры. *Тюркская культура – эвристически ценная модель для понимания истории и современного состояния мирового культурного процесса.* В данной статье сделана попытка лишь обозначить этот вопрос.

О сущности культуры. Культура – атрибутивный фактор становления и развития человека. Она проявляется в традициях, восходящих в древние времена, в духовной, интеллектуальной атмосфере эпохи, в способе мышления и деятельности людей, парадигмах научного познания, содержании и методах образования, характере экономики, политической системы, особенностях управления обществом. Другими словами, все достижения человека, все формы, в которых протекает его деятельность, отражают определенную культуру. Хотя исторический процесс обусловлен многими факторами: экономическими, социальными, технологическими и т.п., но все они в совокупности являются преломлением, выражением соответствующей культуры. Во второй половине XX века стала явной регулятивная, программирующая функция культуры в историческом процессе. Известны различные подходы к определению культуры, они раскрывают отдельные грани культурного процесса. Представляется, что культура, в общем и целом, – это совокупность различных способов и результатов адаптации и организации жизнедеятельности людей в определенной среде. Передаваемый из поколения в поколение этот опыт освоения человеком действительности в различных формах и видах определяет сущность данной культуры (Мамедов Н. М. *Культура как фактор развития.* //Вестник МГАДА, 2011, №3, с.5).

Национальная культура – это целостный, духовно-материальный феномен, связанный с родовой общностью людей. В процессе исторического развития в зависимости от природных условий, этнических особенностей у каждого народа складывались свое миропонимание, свои святилища, символы, представления о нормах поведения. Язык, архетипы, традиции, духовные, моральные ценности — все это базисные элементы национальной культуры. Их особенности определяют идентификационные показатели той или иной культуры, типичные для нее модели поведения.

Культуры всех народов являются определенным развитием изначальной, примитивной культуры. Примитивная культура (лат. *primitivus* «первый, самый ранний») охватывала простейшие умения и навыки, обеспечивала непосредственную жизнедеятельность древних людей, она основывалась на поверхностных сведениях об окружающей среде, не требующих глубокого понимания природных явлений и процессов. Культурное единство человечества стало ветвиться по мере исторического развития, в частности, освоения новых регионов и континентов, перехода от охоты и собирательства к земледелию и скотоводству, и особенно с началом смены мифологического мировоззрения рациональным, философским, которую Карл Ясперс считал началом «Осевого времени» в истории человечества (Ясперс К. *Смысл и назначение истории.* М., 1991, с.32).

Пространственно-временные горизонты тюркской культуры. До последнего времени считалось, что тюркский этнос сформировался на территории Алтая и в степях Азии. Этот традиционный взгляд в последние годы меняется на силу археологических, исторических, лингвистических изысканий и открытий. В антропологическом, культурном и языковых отношениях выяснилась связь тюрков с шумерами. Шумерский и тюркский языки подчиняются одинаковым морфологическим принципам, много инвариантов в их грамматике и более 300 схожих и общих слов (см.: Закиев М. *Происхождение тюрков и татар.* М., 2002. См. также: Таиров Т. *Шумеры – кто они и где они?* // turklib.ru...history/shumery).

Судя по всему, подлинная родина тюрков – Двуречье, и они в период распада Шумерской цивилизации стали перемещаться в Центральную Азию и на Север, охватили нынешние территории Алтая, Хакасии, Тувы, Якутии. Спустя два тысячелетия, уже в Средние века, когда наступило похолодание, связанное с началом Малого ледникового периода, тюркские племена двинулись обратно на Юг и на Запад. Беспрецедентная миграция тюркских племен привела к тому, что часть современных тюрков относится к европеидной расе, часть – к смешанным расам и небольшая часть – к монголоидной расе.

Уже в древние времена у тюркских племен определились способы хозяйствования, формы кочевого образа жизни, правила социальной организации, основы духовной культуры, закрепились бытовые традиции. Наивысшим достижением стало создание тюркской письменности. Наиболее ранние и более или менее достоверные сведения о тюркском письме относятся к V–VI векам. Хотя в китайских летописях об особенностях тюркской письменности сообщается гораздо раньше.

Сейчас многообразно вероисповедание тюркских народов. Но первоначально у них была единая религия – тенгрианство. В этой религии верховное божество неба – «Тенгри» считался всемогущим творцом, силой, управляющей миром. В архетипическом сознании тюркских народов (в том числе азербайджанцев) до сих пор остались многие идеи, символы тенгрианства. В любой азербайджанской деревне и сейчас нередко можно услышать: «Tanrı haggi» или «Tanrıya and olsun».

Впоследствии большинство тюркских племен приняло ислам, относительно небольшая часть – христианство (гагаузы и чувашаи), иудаизм (крымчаки и караимы), буддизм (тувинцы и жёлтые уйгуры), а также самобытные религии бурханизм (алтайцы), Аар Айыы (якуты), шаманизм (хакасы, шорцы и телеуты).

Следует отметить, что многоконфессиональный характер культуры тюркских народов обострил поиски единых идеологических основ общества, государственного строительства и управления. Так, на политическую жизнь Османской империи оказывало влияние борьба таких идейных течений, как османизм, исламизм, тюркизм (туранизм) и европеизм (западничество). Османисты старались сузить область действия религии, вывести государственные институты из ее влияния. Они считали, что нужно создать единую османскую нацию из разных народов, населяющих империю, независимо от их вероисповедания.

Тюркисты исходили из идеи возрождения тюркских традиций, объединения тюркских народов на этнической почве в едином туранском государстве.

Исламисты полагали, что большинство населения Османской империи составляют мусульмане, поэтому национализм (тюркизм) разрушает империю, вносит разногласия между мусульманскими народами (арабами, курдами и др.). По мнению исламистов, религия – единственная форма объединения людей разных национальностей в едином государстве.

В свою очередь, западники представляли тюркизм и исламизм устаревшими направлениями. Они настаивали на использовании передового политического опыта Европы. Западники считали, что спасти Османскую империю можно только путем европеизации экономики, образа жизни, образования, развития науки и техники.

Проблема взаимоотношения исламизма, тюркизма и западничества остается актуальной для тюркоязычных стран и сейчас.

Определенное компромиссное решение данного вопроса дал в начале XX века Зия Гекальп. По его мнению, не нужно противопоставлять тюркизм исламизму и европеизации, следует отвлечься от этих идей и развивать науку, создавать новые технологии, обулаивать жизнь людей (*Gokalp Ziya. Turklesmek, islamlasmak, muasirlasmak. Ankara, 1960, s.21*).

Считается, что идеи Гекальпа оказали определенное влияние на Кемаля Ата-тюрка, который конфессиональную проблему решил, отделив религию от государства. Это привело к свободе вероисповедания и создало основу светского общества.

Разумеется, между культурами тюрков, живущих в Сибири и Европе, есть существенные отличия. Эти культуры отдалены от их истоков различным вероисповеданием, особенностями окружающей их природной, социальной, культурной среды, в которой они оказались и адаптировались.

Единство культур тюркских народов сохраняется благодаря глубинным основам этой культуры, ее архетипическому ядру, общей языковой базе, схожести мифов, народных эпосов, сохранившимся ритуалам и традициям.

В этой связи возникает вопрос о структуре, последовательности формирования глубинных основ культуры. Видимо, следует согласиться с точкой зрения, что ритуалы предшествуют языку, выступают «и как последние шаги биологической эволюции, приведшей к антропогенезу, и как первые шаги человеческой культуры». А мифы – это «то состояние души, которое стучится в мир слова..., не довольствуясь ритуалом» (Топоров В. О ритуале: введение в проблематику. Архаический ритуал в фольклорных и литературных памятниках. М., 1988, с. 60).

Фундаментальное значение в данном случае приобретает язык. Язык воздействует на характер народа, на духовную организацию общества. Через язык все созданное в прошлом воздействует на современного человека. Не случайно М. Хайдеггер подчеркивал, что язык – это «дом бытия» и «жилище самого человека».

Тюркский язык сыграл значительную роль в формировании национальной идентичности, национального характера, предстал как вербальный способ сохранения и передачи культурных традиций. Тюркские языки устойчивы и близки друг к другу, особенно если отвлечься от привнесенных иностранных слов. Николай Трубецкой в этой связи писал: «При сравнении отдельных тюркских языков между собой выявляется один общий тип, который характеризуется своей необычайной стройностью. Звуковой состав слов в нем нормируется рядом законов, которые в чисто тюркских, незаимствованных словах не терпят исключений» (Трубецкой Н. С. О туранском элементе в русской культуре. // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М., 1993, с. 73).

Особое, возвышенное отношение к слову порождало в культуре тюркских народов различные традиции.

Так, в ранний период мифологическое сознание отождествляло слово и предмет, имя вещи и ее сущность, приписывало слову трансцендентные свойства, фетишизировало имена богов, ритуальные формулы.

Небезынтересно отметить, что в античной культуре главным принципом аргументации было *слово* авторитета и ссылка на него. В иудаизме, христианстве, исламе (религиях Писания) вопрос «Кто сказал?» приобрел ключевое значение. В исламе значение слова усилилось. Это было обусловлено стилистикой Корана, весь его текст – прямое обращение Бога к людям. Исламский принцип иснада – основной метод обучения и приобретения достоверных знаний.

Традиции являются способом самоидентификации и важнейшим кодом культуры. Они, являясь накопителями смысла и формотворчества в культуре, обеспечивают ее целостность, связывают прошлое, настоящее и будущее.

В целом можно выделить несколько взаимосвязанных уровней в культуре, образующие соответствующие слои и оберегающие культуру от внешних возмущений.

На примере тюркской культуры это проявляется достаточно рельефно.

Исходное ядро культуры, ее глубинный, практически неизменный внутренний слой составляют *неосознаваемые* архетипические представления (символы), сюда, наверное, можно отнести и ритуалы, придающие культуре неповторимость, самобытность, определяющие психологический склад народа, его ментальность. Язык, традиции, исторически сформировавшиеся ценностные установки, принятые обществом духовные представления, верования образуют *осознаваемый* внутренний слой культуры, который носит *относительно* устойчивый характер, но может дополняться в историческом масштабе времени.

Более вариативным, отвечающим на вызовы современности, является поверхностный слой культуры, который восприимчив к текущим социальным изменениям, коммуникативным воздействиям. Конвергентные процессы, происходящие на этом уровне, в исключительных случаях могут переходить во внутренние слои культуры и частично изменять ее основы.

Сейчас культурная глобализация создает уникальные возможности для изменения, обогащения традиционных ценностей, идей, жизненных установок народов мира. Национальные культуры при этом подвергаются суровому испытанию, возникает проблема сохранения разнообразия культур. И это разнообразие сохраняется благодаря устойчивости «внутренних слоев» национальных культур.

Итак, можно сделать вывод, что, с одной стороны, культура тюркских народов имеет единые архетипические, этнические, языковые корни, с другой, - она мозаична, в зависимости от региона распространения в ней заметны существенные отличия, связанные с влиянием местных культур, ценностей, положений христианских, исламских, буддийских и других религий. Однако в целом это единая, синкретичная культура, и фундаментальный ее пласт составляют евразийские ценности и туранское мышление.

Становление культуры устойчивого развития в странах тюркского мира.

Развитие культуры тюркских народов сейчас невозможно рассматривать вне контекста процессов глобализации и наметившихся перспектив перехода человечества к устойчивому развитию.

В соответствии с концепцией устойчивого развития на смену прежним, ориентированным исключительно на развитие экономики стратегиям, должна прийти стратегия, в центре которой находится человек. Современный образ жизни, ценности, сформировавшиеся в эпоху индустриального общества, должны подвергнуться радикальным изменениям. Вот почему необходима конвергенция ценностей тюркской культуры с гуманистическими и экологическими ценностями устойчивого развития. Разумеется, интенсивность этого перехода будет не одинакова в тюркоязычных странах. Многое зависит от уровня экономического развития, идеологических и политических установок в стране.

Главный показатель устойчивого развития – гармония между социально-экономическим и экологическим развитием. Культура устойчивого развития предстает как новый способ соединения человека с природой, примирения его с ней на основе более глубокого ее познания (Мамедов Н. М. *Феномен культуры и устойчивое развитие // Универсум: вестник герценовского университета, СПб, 2013, №3, с.55*) Это требует необходимости постоянного пополнения знаний о законах функционирования окружающей природной среды, о формах и методах деятельности по рациональному природопользованию.

По мере осмысления проблем и перспектив перехода современного общества к устойчивому развитию стало очевидным, что такой переход возможен только при гармоничных социальных отношениях, нравственном совершенствовании людей, изменении человеческих качеств на основе гуманистических ценностей и идеалов.

Культура устойчивого развития может формироваться благодаря целенаправленным действиям. Основой изменения, обогащения культуры может выступать система образования, которая определяет духовные, научно-теоретические предпосылки развития общества. Не случайно ЮНЕСКО в формировании культуры устойчивого развития особую роль отводит реформированию национальных систем образования.

Методология реализации образования для устойчивого развития предполагает: формирование гражданского общества, поощрение социального партнерства, выравнивание диспропорций в различных областях общественной жизни и устранение расслоения в социально-экономической сфере, создание в целом толерантного духовного климата в обществе. Опережающее формирование ценностей и установок культуры устойчивого развития может выдвинуть страны тюркского мира на передний край мирового цивилизационного развития.

РАМИЗ МОВСУМ

Грустная история трех братьев

Несколько лет тому назад мне пришлось пойти в Азербайджанский государственный университет нефти и промышленности.

Возле входа сидел пожилой мужчина. Я поздоровался с ним. Он спросил:

– Извините, вы куда идете?

Я сказал, что пришел по поводу документов своей дочери.

– Рабочее время уже закончилось, все ушли. В другое время придете. Я здесь охранник.

У пожилого мужчины был характерный сладкий акцент.

– По вашему говору можно сказать, что вы из Гарабаха.

– Вы не ошиблись, так оно и есть. Я коренной шушинец.

– А с кем вы связаны родственными узами в городе Шуша?

– А вы кого знаете в Шуше? – ответил он вопросом на мой вопрос.

– Аксакал, я тоже из Гарабаха, – сказал ему я. – Несмотря на то, что родился я в городе Агдам, мое детство прошло в Шуше. Можно сказать, что отец каждые летние каникулы привозил нас – троих сыновей и трех дочерей в Детский Санаторий в Шуше. Так же, как и мы, сотни детей из различных республик все три месяца летних каникул отдыхали в этом санатории. Детский санаторий работал во все времена года, но осенью, зимой и весной дети из Шуши составляли большинство. В этот период года дети, которые проживали поблизости санатория, продолжали свою учебу в шушинских школах. В конце августа 1954 года я тоже не вернулся в Агдам, оставшись в санатории на все первое полугодие, и учился в 1-ой средней школе города Шуша. Нам было известно, что санаторий, в котором мы отдыхали, находился в особняке, принадлежавшем когда-то нашей благотельнице поэтессе Хан гызы Натаван. Прямо у входа в санаторий были посажены тутовые деревья, которые радовали детей своими сладкими, как мед, плодами. В другом конце санатория находился утоляющий жажду родник, построенный Натаван. Шум родниковой воды был словно колыбельной песней для детей. Я никогда не забуду удивительный вкус этой воды ...

На этом месте я завершил свой разговор.

– Ваш рассказ напомнил мне о моей шушинской боли. – сказал он. – Все, что вы сказали, – это правда. Давайте познакомимся.

Мы пожали друг другу руки. Я назвал ему свое имя. Он сказал, что его зовут Ибрагим. В детстве его звали Ибишем.

– Если вы узнаете, кто я, то, наверное, вам станет грустно.

– Пожалуйста, я слушаю вас.

У него в горле словно застрял ком. Видно было, что ему трудно было начать говорить. В этот момент я и заметил грусть на его лице... Я попросил его поговорить со мной.

Он глубоко вздохнул и начал свой рассказ:

– Я племянник мастера-ханенде Сеида Шушинского. У отца были три брата: Зульфигар, Мириш, Мир Мохсун. Мой старший дядя Зульфигар погиб в 1918 году во время армяно-мусульманской резни. Мой отец Мириш назвал меня в честь своего отца, я этим горжусь. Мой отец в те времена был знаменитым ханенде. Свадьбы, праздничные дни не проходили без него. Все фанатично-религиозные представители того времени – безбожники-муллы, которые шли против искусства, твердили, что это

дело рук сатаны. Они запретили отцу заниматься исполнительской деятельностью.

Но отец, несмотря на то, что несколько раз получал предупреждение со стороны мулл, не мог отказаться от своего любимого дела. И поэтому муллы, сговорившись, убили его. Мы ничего не смогли доказать, виновники так и остались на свободе. Смерть любимого брата сильно потрясла моего младшего дядю Мир Мохсуна, он полностью ушел в себя. Он практически не ел и не пил. Его единственным спасением были сигареты. Не закончив одну, он брал следующую... Он обещал, что после смерти брата Мириша никогда не женится и сдержал свою клятву.

Грустная история трех братьев тронула меня до глубины души. Пожилой мужчина был очень взволнован, и у меня навернулись слезы.

Ибрагим продолжил свой рассказ.

– Отец умер, но его дело было продолжено. Мой дядя Мир Мохсун еще при жизни своего отца стал заниматься пением и достиг невероятного успеха в своем творчестве, вознес исполнение мугамов до невообразимых вершин!

Мужчина завершил свой рассказ. Пусть земля будет пухом всем трем братьям. Мы помолились за упокой их душ, а затем попрощались, как близкие родственники...

Через некоторое время я пришел провести Ибрагима, но, увы, не застал его. Я часто стал захаживать в АГУНП, однако увидеть Ибрагима так и не удалось. Интересно, что случилось со стариком? Человеческая жизнь скоротечна, но я и близко не подпускаю черных мыслей, думаю только о хорошем. Надеюсь, что когда-нибудь я вновь встречу с ним!

Перевод Саадет СУЛТАН

Сеид Шушинский (наст. имя – Мир Мохсун-ага Сеид Ибрагим оглу Шушинский) родился 12 апреля в 1889 году в Горадизе.

Джаббар Карьягдыоглу считал его «жемчужиной восточной музыки».

Сеид Шушинский владел секретами вокального искусства, полученными сначала у Навваба (Мир Мохсун Навваб – азербайджанский учёный, художник, музыковед, поэт, общественный деятель Азербайджана XIX века.), у которого обучался два года, а затем у известного ханенде Джаббара Карьягдыоглу. С мастерством он исполнял мугам Чаргях, который считается особо трудным для певцов. Он был прекрасным исполнителем мугамов Махур, Нава, Мани, Аразбары, Хейраты. Будучи певцом-новатором, объединив многие мугамы, он пел их в новых вариантах.

При исполнении мугамов и теснифов он обращался к газелями классиков поэзии Хафиза, Физули, Сеида Азима Ширвани, а также к стихам своих современников – Джавида и Сабира, и был первым азербайджанским ханенде, который отбирал для пения стихи на общественно-политические мотивы.

Он дружил с такими прогрессивными деятелями своего времени, как Джалил Мамедкулизаде, Абдуррагим бек Ахвердиев, Гусейн Джавид, Гусейн Араблинский. Сеид оказал материальную помощь для выхода нескольких номеров известного сатирического журнала «Молла Насреддин». Меценат также материально помогал многим ханенде и актёрам.

Скончался ханенде 1 ноября 1965.

ИМРУЗ ЭФЕНДИЕВА

СЛОВО О СОКРОВЕННОМ ДРУГЕ

Памяти Севды Ибрагимовой

*Поминаться добром!..
И вечность, верно в этом.
Но проживи беззвучно век,
Кто будет знать об этом?..*

Мехмет Акиф Эрсой

«Жизнь, смерть, любовь, сострадание и вдохновение – все будет сказано в музыке, ибо в ней, в музыке, мы смогли достичь наивысшей свободы, за которую боролись на протяжении всей истории, начиная с первых проблесков сознания в человеке, но достичь которой нам удалось лишь в ней».

Эти прекрасные слова Чингиза Айтматова очень подходят к музыке Севды ханым Ибрагимовой¹, нашей любимой Севды.

В ее произведениях «переплетены воедино такие важнейшие факты, как жизнь, смерть, любовь, сострадание и вдохновение». К этим словам великого писателя хотелось бы прибавить еще одно – гуманность. Всю гамму этих чувств и переживаний мы найдем, вернее, услышим в музыке моей коллеги, исходящей из ее открытого и полного искренней любовью к людям сердца. И тяжело сейчас сознавать, что ее больше нет с нами. Ее любили все, встречали – восторженными аплодисментами и в Баку, в филармонии, в Бакинской музыкальной академии имени Узеира Гаджибекова, и в других городах Советского Союза.

В 1982 году Севда Ибрагимова, большую часть своего творчества посвятившая детям, создала детскую оперу «Сказки моей бабушки». Автором либретто, написанного на основе древнеиндийского эпоса, был Х.Зия. В азербайджанском музыкальном искусстве это – первая опера-эпос для юных зрителей. Премьера произведения была осуществлена на сцене Самаркандского Театра Оперы и Балета в 1985-м году. Мне посчастливилось быть на этом представлении, имеющим большой успех.

Секретарь Союза композиторов Азербайджана, народный артист Тофик Алекперович Кулиев позаботился о билетах на самолет, а Севда ханым с супругом Арифом меня встретили в Самарканде. Это был один из незабываемых и счастливых дней в моей жизни. Музыковед Назакет Казимова, также приехавшая на премьеру, позже провела интересную передачу о Севде Ибрагимовой, на которую была приглашена и я.

Премьера оперы «Сказки моей бабушки», состоялась 23 марта 1985 года, во время празднования Новруза. Севда и Ариф муаллим в вестибюле театра установили столики, на которых разместили азербайджанские национальные игрушки, детские книжки, конфеты и печенье, пахлаву и шекербуру. Девушка в азербайджанском национальном костюме одаривала детей игрушками и сладостями. А дети пришли с красивыми букетами цветов. В зале царила торжественная, светлая и радостная атмосфера. Был аншлаги! Администрации театра пришлось ставить дополнительные стулья, а перед первым рядом постелили длинный красивый ковер, на котором разместилась шумная и радостная детвора.

¹ Севда Ибрагимова – выпускница Аз. Гос. Консерватории двух факультетов: специального фортепиано (кл. проф. М. Р. Бреннер, 1962 г.), композиции (кл. проф. К. Караева, 1964 г.).

Под солнечные звуки увертюры поднимается занавес.

Благодаря талантливо написанному либретто Х.Зия, искусно расставившего драматургические акценты, идея добра и справедливости нашла в опере яркое воплощение. Главными действующими лицами являются обитатели лесного царства. Мир положительных героев олицетворяют обезьяна, заяц, слон, медвежонок, белочка, олень, лебедь, мир отрицательных героев олицетворяют волк, лиса, шакал, тигр. В опере есть и образы людей – это бабушка и ее внучата.

Итак, премьера прошла с аншлагом: 20 минут зал стоя аплодировал нашей любимой С.Ибрагимовой, благодаря ее за прекрасную музыку. Более подробный анализ дан в книге¹ автора этой статьи.

Вы знаете, когда композитор бывает счастливым? Если, уходя из зала, слушатель уносит в памяти одну или две мелодии – значит твоя музыка завоевала, затронула сердце. И действительно, дети, собравшиеся в вестибюле после премьеры, напевали: кто-то пел песенку мартышки, а кто-то ласковую песню зайца – словом, дети запомнили выразительную, теплую и задушевную музыку Севды, основанную на народных мелодиях.

Мне бы хотелось поделиться и личными воспоминаниями о Севде – о моем друге, о сестре, о светлом человеке с кристально чистой душой, отзывчивой и доброй, личности.

Наши отцы – Мирза Ибрагимов и Мамед Садых Эфендиев – хорошо друг друга знали, дружили и вместе работали. Всю свою жизнь они самоотверженно служили каждый на своем посту своему делу.

Об этом в своих радио и телевизионных передачах говорил академик Рафаэль Гусейнов. Рафаэль муаллим сделал специальную передачу о М. С. Эфендиеве.

В 1941 году, Мирза Ибрагимов, будучи начальником Управления по делам искусства при Совнаркоме Азерб. ССР, пригласил Тофика Кулиева к себе и предложил организовать Государственный джаз-оркестр.

Вот что пишет профессор Тофик Кулиев в статье «Один день 1941 года», опубликованной на страницах «Литературного Азербайджана» 1982, №7: *«Предложение было очень ответственным и осуществление его таило в себе несомненные трудности, начиная с приобретения джазового инструментария и создания репертуара... Мирза Ибрагимов посоветовал мне связаться с Мамед Садых Эфендиевым, в то время директором Аз.Гос.Филармонии им.Муслима Магомаева, где бурлила интенсивная концертная жизнь и где ожидалась концерты знаменитых джаз-оркестров Эдди Рознера, Генриха Варса и других. И вот я в филармонии, в ожидании приема у Мамед Садых Эфендиева, человека, о котором ходили легенды. Чекист, политработник, литератор, театровед, нарком, директор института, философ... И все это в 39 лет. Когда он успел достичь всего этого?... Первый же вопрос, с которым он обратился ко мне, удивил: «Что такое джаз и как я представляю себе изучение азербайджанской музыки в джазовом преломлении?..» Беседа продолжалась долго. В заключении М.С.Эфендиев высказал ряд оригинальных соображений по поводу развития джазового искусства у нас, в Азербайджане. Дал несколько ценных советов и обнадежил меня относительно нового жанра в музыкальном искусстве республики».*

Такие у нас были отцы! И мы всю жизнь хотели быть похожими на них, «подражали» им, самое главное – старались быть целеустремленными, ответственными, объективными и добропорядочными, с честью и достоинством нести их имена.

Севда, как заведующая кафедрой, каждый день приходила в Академию, а я – три раза в неделю. Проходя мимо моего класса №221, Севда непременно заглядывала ко мне. Мои племянники Сархан и Айхан Эфендиевы прошли педагогическую практику до поступления в Музыкальную школу-десятилетку им.Бюль-Бюля под руководством Севды ханым.

¹ Имруз Эфендиева «Музыка для детей» в творчестве Севды Ибрагимовой. Баку. Элм.2003.

Айхан написал диссертацию на тему: «Muasir azərbaycan bəstəkarlarının musiqisində xüsusiyyətləri (1920-2010)». В одной из глав диссертации он анализирует «Концерт для фортепиано №3» в сопровождении симфонического оркестра.

Однажды в нашей беседе Айхан сказал: «Я рассматриваю творчество Севды Ибрагимовой не только в контексте национальных традиций, а еще – во взаимосвязи с лучшими достижениями. Считаю, что Севда ханым – новатор в сфере гармонического языка. Она умело и мастерски соединяет народную гармонию с творческими находками С.Прокофьева – в результате создаются ряды красочных аккордовых комплексов».

И, действительно, это правильное наблюдение. Ведь традиции Прокофьева впервые (именно в сфере гармонии) оригинально воплотил в своем творчестве Кара Караев в двух пленительно-задушевных романсах на слова А.С.Пушкина «Я вас любил», «На холмах Грузии».

А термин «народная гармония» в связи с творчеством Узеира Гаджибейли вводит в своем уникальном исследовании¹ Изабелла Владимировна Абезгауз. Как тонко отметила И.Абезгауз, что «хотя Гаджибеков расширил и углубил выразительные возможности народной гармонии, его многоголосие было новым и чисто композиторским явлением».

Я очень люблю песни и романсы Севды ханым. С тонким вкусом применяет композитор «ашугское созвучие» – одну из разновидностей народной гармонии. Более подробно эта проблема рассматривается в одной из глав книги² автора этих строк.

В этой статье хочу отметить и многих других авторов, которые занимались изучением творчества Севды ханым.

Прекрасную книгу написала Хагигят ханым Юсифова, в которой она оригинально исследовала все жанры творчества Севды ханым, а также осветила общественную и педагогическую деятельность композитора. Народный артист Азербайджанской республики, профессор, заведующий кафедрой методики и педагогической подготовки Бакинской Музыкальной Академии имени Узеира Гаджибейли Севда Ибрагимова была талантливым педагогом. Многие студенты стремились попасть по индивидуальным занятиям именно в ее класс. Всё это отражено в книге Хагигят ханым.

Среди исследователей ее творчества хочу отметить свою бывшую студентку, доктора философии по искусствоведению Мехпару Рзаеву (под моим научным руководством прошла все этапы учебного процесса: бакалавр, магистр, докторант). В третьем номере журнала «Musiqi aləmində» за 2023 год, посвященном памяти Кара Караева, Мехпара ханым выступила с интересной публикацией о творчестве Севды Ибрагимовой (Севда – любимая ученица Кара Абульфасовича).

Среди новых публикаций хочу особо отметить книгу Земфиры Сафаровой «Azərbaycan musiqisi müstəqillik illərində», где анализируется кантата Севды ханым «Vətən şəhidlərinə» (слова Мирзы Ибрагимова и Амины Дильбази). З.Сафарова отмечает высокий профессиональный и уровень композиции и ее эмоционально-интеллектуальную насыщенность.

В своей работе Земфира ханым дает яркий творческий портрет талантливого композитора и замечательного человека Севды Ибрагимовой.

Хочу завершить статью словами нашего любимого поэта Бахтияра Вагабзаде «Горенье не останется бесследно для тех, в чье сердце входит боль земли».

¹ И.В. Абезгауз. Опера «Кёр оглы» Узеира Гаджибекова. М. «Сов. композитор», 1987.

² О некоторых художественных закономерностях азербайджанской национальной гармонии. И. Эфендиева «Musiqi mədəniyyətimiz və muasirliq. Sechilmish məqalələr». Bakı. «Rennesans – A». 2016.

СЕРГЕЙ ЖАДАН

Украина

Сергей Викторович Жадан (род. 23 августа 1974, Старобельск, Ворошиловградская область) – украинский поэт, прозаик и эссеист, переводчик, а также певец и музыкант, участник украинских рок-групп «Жадан і Собаки» и «Линия Маннергейма». Автор романов «Депеш Мод», «Ворошиловград», «Месопотамия», «Интернат», поэтических сборников «Цитатник», «Эфиопия», «Жизнь Марии», «Тамплиеры», «Антенна». В июле 2022 года был удостоен Премии мира немецких книготорговцев за «выдающиеся художественные работы, а также за его гуманитарную позицию, с которой он обращается к людям на войне и помогает им, рискуя жизнью».

Женщина с черными, как земля волосами

**А женщина с черными, как земля, волосами
живёт себе, и ей всё нипочём
– я-то знаю её годами –
И в ночные прохлады, и слепительным днём.**

**Среди железа и листвы раскалённой,
среди стен и птичьих криков,
среди каналов, под землёй переплетённых,
среди всех своих снов и своих фриков.**

**Она ходит на рынки и на стадионы,
пряча в куртке своей телефон и флагу.
Я готов поджигать всех соседей районы,
чтоб она оглянулась на меня, бедолагу.**

**Я готов анархистом города обезвластить,
и в портвейн превращать озёрную воду,
чтоб она, вспоминая меня хоть отчасти,
писала мне письма про жизнь и погоду.**

**Я готов устраивать на её улице стачки,
лишь бы поближе к её нежности и злости,
слышать, видеть побасенки её и подначки –
с кем она спит, кому перемывает кости.**

**Я сменю начертания букв, препинанья,
я убью всех поэтов с их девизом «пиши»,
чтоб она потеряла последние знания,
чтоб она пребывала во мраке, в тиши.**

**Небо, будь для неё холодней, зеленее.
Утопи её память бездонну ливнем летним.
Пусть забудет про всех – и меня – поскорее.
Только меня пусть забудет последним.**

Переводилось около десяти раз. Согласно переводчику и исследователю творчества С.Жадана Петру Згонникову, данный перевод является лучшим.

С выжженными глазами

С выжженными глазами и железом в ключице –
Смысл найдётся ли в жизни влаченьи?
И она говорит ему, глядя в застывши глазницы:
Не тревожься, я – заменю тебе зреньё.

Я советом смогу умягчать твою рану.
Я смогу рассказать, хороша ли погода.
Слишком я влюблена, чтоб прибегнуть к обману.
В нежелании жить правды нет, только гордость.

А он чувствует, что в теле его много металла,
А он знает, что к тьме присуждён до скончания века.
А он слышит голоса выходящих с вокзала.
А он находит слезу, тронув мёртвое веко.

И говорит: так скажи, чего, не узрев, не пойму я?
Из чего состоит сейчас небо над нами?
Чем убедишь мою душу слепую?
Как будешь договариваться с моими снами?

Ты не видишь, – говорит она, – как нам не хватает удачи,
как упорно следуют люди утренними поездами,
а ещё не видишь, как постарели друзья, хоть и зрячи,
и как забывают тех, кого нет уже с нами.

Я смогу, – говорит, – быть легка, как небес дуновенья,
быть зверьком, причинить неспособным обиды.
Одного не смогу –
сделать так, чтоб забыл ты погибших в сраженьях,
чтоб не снились друзья, что заполнили царство Аида.

... И даже если зима эта будет длиться годами,
Если помощь, участие к вам людям не к спеху –
Будь его дыханием и руками,
Будь его голосом, будь его смехом.
Ты должна теперь видеть за тех, что незрячи,
Ты должна полюбить за того, кто не любит,
В эту зиму деревья стоят, будто плачут
От усталости, словно они тоже люди.
Будь продолженьем его отсеченных пальцев,
будь окончаньем его длинных предложений.
Зимнее утро над главами страдальцев
сложено из доказательств и возражений.

Переведено впервые

Перевод ЛАЧИНА

АФСАНА АСИМАН

НОВОГОДНИЕ СКАЗКИ

Друг

Он прислонил косу к стене сарая, подошел к ручейнику, сооруженному во дворе. Он только вернулся с сенокоса, потому весь был в поту. Утром ушел в сад совсем спозаранку. Роса на траве оставляла влажный след на его ногах и брюках, утренняя прохлада отдавалась в теле легким ознобом. Но солнце уже встало, освещая всё вокруг. И было довольно тепло. Он снял рубашку и дернул носик ручейника. Но воды там не оказалось.

– Лалезар, почему тут нет воды? – проворчал он раздраженно.

– Ах, Октай, ты пришел? Ей-богу, утром наполняла. Наверно, дети игрались с водой. Санам, ай Санам, мои руки в тесте. Возьми маленькое ведро, сбегай, принеси отцу воды из ховуза. Быстрее, хватит играть с гусенком, отдай его матери, – кликнула мать свою дочку, играющую в поле с гусенком.

– Алекс, Алекс, возьми хлебушка, я сейчас, – сказала девочка, схватила ведро и побежала. Быстро примчалась обратно, отдала наполненное водой ведро отцу и снова вернулась к любимцу. – Алекс, Алекс, умный гусенок, ты всё съел до моего возвращения? Да? Вот молодец.

– Санам, доченька, ты назвала гусенка Алексом? – спросил отец.

– Да, папа, а что, тебе не нравится?

– Почему «Алекс», чем плохи наши имена? Разве своих у нас нет?.. Ты знаешь, что мне такие вещи не нравятся. Давай назовем его Самандар.

– Самандар, – скривила лицо Санам. Это имя явно ей не нравилось, но возражать она не стала, ибо по принятым в этом доме правилам спорить с отцом запрещалось. – Ладно, пусть так, – согласилась она.

...Перед глазами Санам, ласково глядящей своего белоснежного питомца, встал тот самый день, когда она впервые назвала Самандара этим именем. Самандар вырос и стал красивым, белоснежным гусем. Санам очень любила как его самого, так и его имя. Она целыми днями приголубливала его, кормила с руки. Всегда беседовала с ним, будучи одна. А сегодня, вернувшись из школы, Санам увидела, что гуся возле лестницы у входа в дом привязали за ногу. Стремглав взобравшись по ступенькам, она вбежала в кухню. Вошла и, запыхавшись от волнения, спросила у матери:

– Мама, почему ты привязала Самандара?!

– Как это почему? – мама сделала вид, что не замечает волнения Санам, и ответила предельно равнодушно: – Через два дня у твоего отца день рождения. Вот я его и привязала, чтобы папа зарезал. Сделаю бастурму для шашлыка. Шашлык из гусятин выходит отличный. Да и отцу твоему так больше по вкусу.

– Мама, не режьте Самандара, – зарыдала Санам. – Режьте кого-нибудь другого! Курицу там или того красного петуха! Всё равно ведь он целыми днями обижает куриц. Я замечала, взбирается на куриц, топчет их. Я столько раз швыряла в него камни, отгоняла, а он снова за свое. Да и разжирел прилично, нарежьте его, пожалуйста! Да почему вы вцепились в моего Самандара, отстать не хотите?

– Дочка, пойми, у нас не зверинец. Мы держим домашних птиц, чтобы есть их мясо. Знаю, ты еще мала, многого не понимаешь. Но такова жизнь. Ты должна понять...

– Мама, не режьте Самандара! – пуще прежнего стала плакать Санам. – Он мой гусь. Я не разрешаю, не режьте моего гуся!

Матери стало очень плохо при виде плачущей дочери. Кольнуло сердце. Но по-давать виду она не стала. Предпочла казаться жесткой. Она отвернулась, хлопнула рукой по столу и сказала:

– Хватит ныть! Гуся мы зарежем, и точка! А сама уходи отсюда, не мешай мне делами заниматься.

Санам хлопнула дверью и пулей выбежала из комнаты.

– Санам, не хлопай дверью! Что за манеры...

Мать обращалась к Санам, но та уже ушла, потому мать не договорила. Она села на стул и задумалась. Затем вскочила с места, выбежала на веранду:

– Санам, ай Санам, отведи гуся в сарай. Уже темнеет. Завтра... может, завтра мы его зарежем, – облегченно вздохнула мать, будто гору с плеч свалила. Затем она, подумав о чем-то, улыбнулась и снова вернулась в кухню – к своим делам. Санам хорошо была знакома с характером мамы, потому поняла, что та передумала резать гуся. Санам радостно прибежала к своему гусю, погладила его и сказала:

– Самандар, видишь? Кажется, мама сжалилась над тобой. Ты спасен! Но ты им покамест не верь. Вдруг передумают. Я знаю, как поступлю. Тебе просто надо делать, что я скажу, – сказала с улыбкой Санам, резво взяла на руки гуся и побежала украдкой в сад, нагибаясь, чтобы ее никто не видел. Она остановилась у высокого дуба в самой глубине сада. Девочка совсем запыхалась. Немного передохнув, она развязала гуся лапки и подошла к ограде. Крепко-крепко обняла Самандара, погладила его. Затем подняла его на ограду и сказала:

– Самандар, скажи-ка мне, видал ли ты перелетных гусей, летящих в небе? Они точь-в-точь как ты. Ты их племени и роду. Может, они твои братья и сестры. Может, чуть дальние родственники – двоюродные братья и сестры.

Бедный гусь, ничего не понимающий в речах Санам, пару раз гакнул. Санам тут же схватилась за его клюв:

– Шшш, молчи, не шуми! Еще услышат. Да, я знаю, ты внимательно на них глядел, когда они пролетали над твоей головой. И ты уловил, что вы похожи. Наверно, ты думал: «Почему бы и мне не летать вместе с ними? Интересно, куда они летят? Если бы я летал с ними, путешествовал бы, то прожил бы жизнь полную приключений». Знаю, милый, ты задумывался обо всём этом. И почему же ты не полетел?

Гусь продолжал молчать и жалобно смотреть на Санам. Санам сощурила глаза и хитро улыбнулась:

– Да, я знаю почему. Тебе не надо говорить. Ты не смог покинуть меня, потому что ты любишь меня так же, как и я тебя! Я знаю, ты можешь взлететь. Помнишь, однажды вдвоем мы играли во дворе. Я гонялась за тобой. Ты вдруг расправил крылья и поднялся в воздух! Парил, сделал несколько кругов. Вот тогда и я захотела летать! Меня охватила такая зависть к тебе... Ведь и я вместе с тобой сначала ходила, потом побежала. Мы оба бежали с одинаковой скоростью. Шли совсем вровень! Но ты взмыл в воздух, а я осталась на земле. В тот миг мне показалось, что если и я широко раскрою руки, смогу взлететь! Но не вышло, я не смогла полететь... А ты, ты счастлив, что можешь летать! Друг мой, не беспокойся обо мне. Лети себе! Улетай сейчас же. Не то рано или поздно тебя зарежут и съедят. Не гляди на меня так. Они неплохие люди. Просто не понимают, что ты мне друг. Есть тебя нельзя. Но, прошу, прежде, чем улететь, поговори со мной. Я знаю, ты умеешь говорить. Не бойся, я никому не скажу, что ты это умеешь.

Гусь продолжал молчать и смотреть в лицо Санам.

– Ну, чего стоишь? Не хочешь говорить, не надо. Ну, давай, улетай! Сейчас кинутся меня искать. Давай-ка еще раз тебя обниму.

Санам еще раз обняла гуся. Затем стала прогонять его:

– Кыш-кыш-кыш, улетай! Улетай в теплые края. Но меня не забывай. Прощай! Из глаз Санам полились слезы. Она вытерла глаза и побежала домой. Назавтра около полудня мать спросила у Санам:

– Ты не видала Самандара? Я весь двор обыскала и в сарай заглянула. Нигде его нет.

– Не знаю, – сказала Санам, пряча глаза от матери, – я вечером отвела его в сарай.

После этих слов Санам быстро прошла в свою комнату. Мать удивленно посмотрела ей вслед и подумала: «Да разве стала бы Санам так спокойно воспринимать пропажу Самандара?» Она хотела позвать дочь и спросить, в чем дело, но тут в ворота постучались. Мать вышла на веранду и молвила:

– Кто там? Дверь открыта, заходите. Сестрица Гюльназ, это ты? Почему там стоишь, заходи.

– Да нет, сестрица Лалезар, задерживаться не стану. Я пришла спросить, не потеряли ли вы гуся? Эти проклятые собаки разорвали гуся возле моей ограды. По перьям видно, что он был белого цвета. Мои-то гуси все серые. Я подумала, это, наверно, ваш. Пришла тебе сказать, чтобы понапрасну не искала.

Мать тут же поняла, что это перья Самандара. Бедного гуся ночью растерзали собаки. Но она сказала соседке:

– Нет, нет, не наш. Точно не наш. Спасибо за заботу, сестрица Гюльназ, – Лалезар не стала затягивать беседу, хотела, чтоб соседка поскорее ушла.

Тут вся охваченная нетерпением выбежала наружу Санам, услышавшая слово «гусь»:

– Мама, кто это? Что она говорила? Кажется, говорила о каком-то гусе.

Мать собралась и сказала как можно равнодушнее:

– Да так, ничего, это была тетя Гюльназ. Говорит, вчера над их домом совсем высоко пролетел белый гусь и скрылся из виду. Спрашивала, не наш ли. Наверно, это Самандар был. Улетел в теплые края. Надо было подрезать ему крылья. Жаль, съесть его не смогли, такой мясистый был...

– Да, жаль, – подтвердила Санам слова матери.

Но представив полет Самандара, обрадовалась. Подошла к перилам, радостно взглянула в небо и тихо прошептала: «Прощай, мой друг, будь жив и здоров!»

Новогоднее желание

В это утро солнце будто бы вовсе не хотело выглянуть из-за облаков. Было так пасмурно, что не удавалось определить, утро сейчас или вечер. Ледяной ветер, вобрав в себя весь холод с вершин заснеженных гор, безжалостно выдувал его на город. Глаза Юсифа, смотрящего уже более часа наружу сквозь закрытое окно, вдруг расширились от радости, – кажется, с неба что-то сыплется! «Похоже на снег», – подумал он. Присмотревшись внимательней, он увидел, что это мокрый снег. Он затаил дыхание, – всегда так, сначала идет мокрый снег, затем превращается в снег настоящий. Будто нарочно так, сначала идет мокрый снег и делает землю с асфальтом мокрой. В таком случае, настоящие снежинки, упав на землю, начинают таять. Для них становится сложно устоять на земле, создать тот прекрасный белый слой. Но снежинки не сдаются. Начинают падать крупными хлопьями, всё с большей скоростью, без устали. Самоотверженные снежинки, падающие на мокрую землю, тают и становятся щитом для других снежинок. И, наконец, землю украшает белоснежный, как хлопок, снежный покров. Ах, как же это красиво! – с этими мыслями Юсиф подпер подбородок ладонью и вперился взглядом в небо, чтобы не упустить момент превращения мокрого снега в снег настоящий.

Юсиф, любящий зиму, снег, Новогодний праздник, учился в четвертом классе. У него была сестра Нармин, старше на два года, и брат Кянан, младше на два года. Они жили в большой, комфортной, прекрасно отремонтированной квартире. У каждого из детей имелаась своя комната, свои игрушки, свой особый мирок. Чуть ли не каждая вещь в квартире имела своего обладателя: ложки, вилки, тарелки, чашки и так далее. Если кто-то по ошибке пользовался вещами другого, в квартире начинался переполох, ожесточенный спор. В такую минуту в дело вмешивались родители и кое-как успокаивали своих чад.

Всё в квартире было поделено между ними поровну. И, конечно, любовь родителей в том числе. Но каждый из детей считает, что родители любят кого-то меньше, кого-то больше. Дети никогда не играли вместе, никогда не общались друг с другом. Даже мультфильмы не смотрели вместе. Но все трое очень любили Новый год. А для Юсифа – это двойной праздник. Ведь 31 декабря у него еще и день рождения. Юсиф очень любит Новогодний праздник, так сильно верит в его атрибуты, что в эту пору попадает, будто в волшебный мир. Во время праздника он хочет, чтобы всё шло в заведенном порядке. Он ни на секунду не сомневается в существовании Деда Мороза и пытается убедить в этом каждого.

Ну вот, праздник снова на подходе. В доме такое оживление, что диву даешься! Каждый готовится к встрече Нового года. Но даже в этот прекрасный праздник дети не могут друг с другом поладить. У каждого из них в своей комнате собственная маленькая елка. И в этом году снова выставлены в подъезд за входную дверь игрушки и украшения, оставшиеся от прошлого года праздника. Дети снова начинают уговаривать мать отправиться по магазинам, а мама в свою очередь пробует им объяснить:

– Ну, какая разница? Ведь мы можем воспользоваться этими игрушками и в этом году. Зачем тратиться лишний раз?..

Она долго говорит о деньгах, ненужных тратах, семейном бюджете, но в конце снова выходит так, как того желают дети. Они посвящают целый день походу по магазинам, покупают самые модные украшения, игрушки, освещение, и возвращаются домой с большими пакетами. Дойдя до дома, каждый уходит в свою комнату и запирается. Каждый украшает свою елку и развешивает на ней огни.

У Юсифа есть одноклассница по имени Улькяр. Семья Улькяр уже два года проживает этажом выше – в квартире, которую им для временного проживания дали родственники. Детей в этой семье вместе с самой Улькяр четверо. Ее отец – рабочий, и ему очень сложно покрывать все расходы семьи.

Юсиф, встречаясь с Улькяр в подъезде, всегда проходил мимо. Он каждый день ездил в школу на автомобиле, но ни разу не предлагал Улькяр поехать вместе с ним. Улькяр казалось, что Юсиф даже не замечает ее присутствия, не видит ее. И вправду, если б Юсифа спросили: «Учится ли в вашем классе девочка по имени Улькяр?», ему пришлось бы долго думать, прежде чем ответить. Улькяр всегда смотрела на Юсифа с восхищением, потому что тот учился на «отлично», не отставал ни по одному предмету. Улькяр очень хотелось дружить с ним. Девочка даже иногда думала попросить его помочь ей с домашними заданиями, но не решалась. Боялась, что Юсиф скажет ей что-то неприятное.

А сейчас Улькяр поднималась по ступенькам к себе. Проходя мимо квартиры Юсифа, она увидела возле их двери новогодние украшения в полиэтиленовых пакетах и задержала шаг. «Опять то же самое... они снова выкинули новехонькие игрушки... Гм... ну и здорово! Если вам не надо, надо мне», – подумала Улькяр.

Девчушка оглянулась по сторонам, взяла пакеты и побежала домой. Нажала на звонок. Как только мама открыла дверь, Улькяр, вся запыхавшаяся, ринулась внутрь.

– Доченька, что с тобой? – спросила мать. – Ты будто от пожара бежишь! Отдышись! Что это у тебя в руках?

– Мама, – сказала Улькяр, показывая пакеты в руках, – Юсиф снова выкинул но-вехонькие игрушки. Тут есть даже Дед Мороз и Снегурочка! Посмотри, какие огром-ные! Я бы такое никогда не выкинула!

– Дочка, – недовольно сказала мама, – ты и так всю квартиру ими набила, в прошлом году тоже принесла. Зачем тебе всё это? Стыдно ведь, соседи увидят...

Улькяр обиженно надула губки:

– Мама, что тут плохого? Я ведь ничего не украла.

– Но, с другой стороны ты права: всё равно расходов у нас много. Благодаря тебе мы не тратимся на такие вещи. Ладно, проходи! Моя шалунья!

После этих слов у Улькяр заблестели глаза, на лице появилась улыбка. Она схватила пакеты и побежала в комнату, к своим братьям и сестрам. Дети собрались вокруг Улькяр. Они увлеченно доставали игрушки и смотрели. Каждая маленькая игрушка доставляла им радость, их глаза лучились от счастья. Они весело шутили и смеялись. Мать оставила свои дела на кухне и сейчас тайком поглядывала на них, до-вольно улыбаясь. Дети выглядели такими счастливыми...

Дома у Юсифа тоже царило праздничное веселье. Но в этот вечер их ждал сюр-приз. Они очень удивились, когда вечером пришел отец. У него в руках была боль-шая, доходящая до потолка праздничная елка. Отец поставил елку в гостиной. Привел ее в порядок и сказал:

– Ну, дети, вы больше не станете украшать каждый свою елку! Идите прине-сите свои игрушки, украшения, серпантины! Давайте украсим эту большую елку вме-сте, всей семьей! Если хотите, можете поставить рядом свои маленькие елки.

Эта мысль всем пришлась по душе. Дети побежали в свои комнаты. А Юсиф стоял, не шелохнувшись. Он так и стоял, изумленно глядя на елку. Отцу показалось, что сын не согласен с его предложением. Потому и спросил:

– Юсиф, а ты почему стоишь? Не хочешь украсить это красивое дерево?

А Юсиф не отводил взгляда от дерева и ничего не отвечал. Отец обратился к нему на сей раз громче:

– Юсиф, сынок, я с тобой, не слышишь?

Юсиф будто ото сна очнулся:

– Да, да, слышу, папочка!!! Папа, папа, какое же красивое это дерево! Будто ты принес его прямо из лесу! Я, я сейчас же принесу все свои игрушки и лампочки и украшу его! Папа, у меня есть и красивая звезда! Она красивее, чем у других! Хочу, чтоб на елке красовалась моя звезда! Что скажешь?

– Да, конечно, – улыбнулся отец, – поставим на эту елку твою звезду!

Юсиф обрадованно выпалил:

– Папа, ты меня поднимешь, я сам надену! Но если Нармин с Кянаном тоже за-хотят, скажешь, что первым ты обещал Юсифу. Папа, какое же оно высокое! Чтоб украсить его, мы должны что-нибудь поставить под ноги! Ладно, папа, я побежал!

Эта праздничная елка околдовала Юсифа. Дерево казалось ему величествен-ным и мощным. В тот миг он думал, что в мире нет ничего краше этого дерева... Впо-следствии, уже будучи взрослым юношей и вспоминая это событие, он никак не мог понять, почему эта обычная праздничная елка показалась ему такой необычной?

В тот вечер они вместе украсили праздничную елку. Юсиф не мог наглядеться на дерево. Когда они пошли вечером спать, отец сказал:

– Ну, дети, до праздника осталось три дня. Время писать письма Деду Морозу. Чем скорее напишете письма, тем лучше. – Затем отец подмигнул маме и сказал: – Ведь бедный Дед Мороз еще должен обойти магазины и исполнить пожелания. Мед-лить нельзя. А теперь идите спать.

Дети отправились спать. Вдруг Юсиф сказал Нармин:

– Я напишу свое письмо сейчас же. Хочу, чтоб Дед Мороз прочел мое письмо раньше всех!

– А мне хочется спать, – сказала Нармин, подначивая Юсифа. – Я напишу свое письмо завтра. Да, Юсиф, скажу еще то, чтобы ты ничего необычного не просил у Деда Мороза, попроси чего-нибудь такого, что могли бы купить папа с мамой, ха-ха-ха. Но если терпеть не могу, можешь тут же идти к папе с мамой и сказать, чего ты хочешь!

Эти слова очень задели Юсифа. Ему от злости хотелось дернуть Нармин за волосы. Он совсем не подпускал себе мыслей о том, что Деда Мороза не существует. Он всеми силами пытался убедить себя и окружающих в существовании Деда Мороза. Так что Юсиф сказал Нармин:

– Что ты хочешь сказать? По-твоему, Деда Мороза нет? Хочешь сказать, что мама с папой врут? Тогда почему они хотят, чтобы мы писали письма?

– Да это проще простого! Это и трехлетнему малышу понятно! А ты будто с луны свалился! Писать письма – это всего лишь праздничная традиция. Но на самом деле все знают, что подарки покупают родители. Юсиф, ты и вправду веришь в эти сказки или издеваешься над нами?!

– Конечно, я верю в существование Деда Мороза! Однажды поверишь и ты! А теперь я пойду писать свое письмо!

И дети разошлись по своим комнатам.

Юсиф стал думать, о чем попросить Деда Мороза. Хотя еще в тот момент, когда отец принес домой ту огромную елку, мальчик ясно понял, чего он хочет от Деда Мороза. Но не мог решиться написать это в письме. Юсиф думал: «Ведь это совсем смешно! Как мне такое писать? Тогда надо мной примутся смеяться... А Дед Мороз... Что подумает об этом Дед Мороз? Я... я... напишу это! Напишу свое желание!!!»

И Юсиф написал вот такое письмо...

«Письмо Деду Морозу!

Дорогой Дед Мороз, я Вас очень люблю!!! Я очень в Вас верю, верю, что Дед Мороз существует! И я всегда буду в это верить! Когда Вы войдете в нашу гостиную, то увидите там большую, красивую, величественную праздничную елку! Она такая красивая... Вам тоже понравится! Эта елка ослепительна! Вот я и хочу превратиться в ту праздничную елку! Хочу стать главным украшением этого праздника! Хочу увидеть Вас, когда Вы пожелаете в нашу квартиру, хочу смотреть как Вы будете класть подарки! Прошу Вас превратить меня в ту Праздничную елку!!!»

Юсиф вложил письмо в конверт и прошел в гостиную. Он искал под деревом подходящее место, куда мог бы положить конверт, но тут послышался скрип двери и звук шагов. Юсиф тут же спрятался за диваном. В комнате было темно. Но сквозь окно падал луч луны, и в этом свете Юсиф увидел, что это его брат Кянан. Кянан огляделся по сторонам, положил свое письмо и ушел. Юсиф хотел выбраться из своего укрытия, но тут снова услышал звук шагов и вернулся в свое укрытие. На сей раз пришла Нармин. Она тоже принесла свое письмо. При виде ее Юсиф подумал: «Ай Нармин, ты ведь говорила, что напишешь завтра! А тут оказывается, что...»

В эту секунду Нармин сказала вслух:

– Это ведь письмо Кянана. А где письмо Юсифа? Он ведь собирался писать. Лентяй! Наверно, сейчас спит. Всё равно он просыпается поздно. Я скажу, что написала свое письмо рано утром.

После этих слова Нармин ушла. Юсиф перевел дыхание и, наконец, вышел из своего укрытия. Он тоже положил свое письмо под елку. Глядя на письма брата и сестры, ему вдруг захотелось открыть и прочитать их, но тут он вспомнил, что уже однажды у них дома из-за этого вышел спор. Родители запретили им читать без разрешения чужие письма. Юсиф хотел уже вернуться в кровать, но вдруг задержался. Подумал, ведь его ночью никто не видит.

«Прочту, а потом верну на место. И никому ничего не скажу», – подумал Юсиф. Он только протянул руку и взял письма, как тут услышал голос за спиной.

– Так нельзя! Что ты делаешь?! Эти письма написаны мне! Только я имею право их читать.

Письма выпали из рук Юсифа. Он начал дрожать от страха. От волнения весь покрылся потом. За считанную секунду в голове пролетели сотни мыслей: «Как, как?! Написаны мне?! Написаны мне??? Выходит, это Дед Мороз?! Не может быть!!! Ведь это... ведь это чудо!!! Я должен собраться и оглянуться! Вдруг Он возьмет и уйдет. Нет, этого нельзя допускать!»

Юсиф немедленно обернулся. Он не обманулся, перед ним стоял Дед Мороз. Он был таким высоким, что почти достигал потолка. На нем был красный халат, в руке посох. С его приходом в комнате стало очень холодно. Он будто бы испускал белое свечение. А голос оказался каким-то волшебным. Юсиф от изумления потерял дар речи. У него сердце готово было замереть от радости. Дед Мороз увидел, что Юсиф очень взволнован и сказал:

– Юсиф, сынок, не надо так волноваться! Верно, видеть меня перед собой дело не совсем обычное, но тебе лучше немного успокоиться. Сынок, я знаю, ты меня очень любишь. Я тоже тебя очень люблю! Потому я и здесь. Если бы ты не верил от всей души в мое существование, я бы тебе не показался. Я показываюсь только тем, кто искренне в меня верит. Вот, а сейчас давай читать письма.

Юсиф успел немного прийти в себя.

– Дедушка, – молвил он, – я сейчас дам тебе все три письма!

Юсиф взял письма из-под дерева и протянул Деду Морозу, но тут те начали светиться у него в руках, будто внутри них находился источник света. Юсиф изумленно посмотрел на письма, не понимая, что происходит. Затем вдруг сияние пропало. Юсиф немного расстроено протянул письма Деду Морозу, а Дед Мороз сказал:

– Сынок, я уже прочел письма и всё узнал. Можешь вернуть их на место.

– Но как?! – удивленно спросил Юсиф. – А-а-а, я понял, значит, вот почему сияли письма!

– Да, так и есть! – сказал Дед Мороз. – У меня свои умения. Да, сынок, скажи-ка, ты и вправду хочешь, чтоб я исполнил это твое желание? Ты хорошенько всё обдумал?

– Да, да, Дедушка Мороз!!! Если это возможно... Я... я хочу стать вот этой Праздничной елкой! Хочу знать, каково это стоять там.

– Знаешь, сынок, ты очень хороший мальчик, но у тебя есть кое-какие ошибки... Я бы высказал тебе всё это как дед, но, думаю, ты совсем скоро сам всё увидишь и устранишь. В таком случае думаю, что это твое пожелание весьма кстати. Но должен сказать и то, что никто и никогда не просил у меня такой странной вещи! Видимо, ты очень любишь Новогодний праздник! Я исполню твое пожелание! Но с одним условием: ты после праздника станешь прежним Юсифом. Ведь я не могу согласиться, чтобы такой хороший мальчик, как ты, навеки превратился в праздничную елку! Не думай, что раз я живу среди льдов, то и сердце у меня ледяное...

– Да, конечно, дедушка, я согласен! – радостно молвил Юсиф.

– Но при одном условии! – сказал Дед Мороз.

– Что за условие?

– Сынок, если кто-нибудь прочтет твое письмо, волшебство исчезнет!

– Вот как, – пробурчал Юсиф, – да, нехорошо... Мои родители запретили читать письма без разрешения, но как знать?

Дед Мороз улыбнулся:

– Да, как знать. Может, кто-нибудь захочет тайком нарушить запрет...

Юсиф смутился и опустил голову. Затем, немного подумав, сказал:

– Ладно, Дедушка Мороз, я согласен!

– Завтра утром после 11 твое желание исполнится! Будь готов! А мне надо идти, дел много. Сладких тебе снов, сыночек! Пока! До встречи!

После этих слов Дед Мороз подошел к окну. Юсиф с волнением посмотрел на него вопросительным взглядом, а Дед Мороз будто прочел его мысли.

– Ну, чего? Не надо так смотреть, мы еще увидимся!!!

– Правда, Дедушка Мороз?! Обещаете?!

– Да, сыночек, обещаю!

После этих слов Дед Мороз в мгновении ока стал невидим. Будто его вовсе и не было... Юсиф глубоко вздохнул. Затем огляделся. В ночной тишине слышалось лишь тиканье больших часов. Юсиф задумался и подошел к праздничной елке. Взял свое письмо и затолкнул под краешек ковра. Затем хлопнул руками и сказал:

– Вот и всё! Больше никто не сможет прочесть это письмо!

Затем обернулся и пошел в свою комнату. И как только лег в постель, сладко заснул.

Утром Юсиф, как и все домочадцы, позавтракал и вернулся в свою комнату. Дома всё шло заведенным чередом. День начался обычно и так же обычно шел своим ходом. Но на самом деле так выглядело только со стороны. Сегодня в квартире у Юсифа должно было случиться нечто невероятное. Юсиф был очень взволнован. Не мог отвести взгляд от часов. Он только и делал, что ходил из угла в угол. Он с волнением ждал совершения чуда, но не мог полностью в это поверить. Даже порой думал, что ему всё привиделось, или же всё это лишь сон...

Пока он пребывал в этих сомнениях, часы уже показывали 11. В этот миг Юсиф стал ощущать в себе какие-то изменения. Будто он медленно рос вверх. Он посмотрел на ноги, те уже превратились в ель. Он тут же взглянул на руки. Они тоже стали деревом. Будто всё произошло в течении одной секунды. Юсиф вдруг увидел, что стоит в гостиной, превратившись в разукрашенную Новогоднюю елку...

Он ощутил яркую звезду у себя на голове. Ощутил тяжесть бесчисленных украшений, огней. Сердце его ликовало. Он ощущал себя самым большим, самым красивым, самым величественным! Юсифу захотелось немного пошевелить руками, покружиться. Но как только он шевельнулся, послышался звон. Игрушки ударились друг о друга, звякнули и посыпались на пол. Разноцветные лампочки погасли. А звезда на голове склонилась вниз. Юсиф очень испугался. Он быстро взял себя в руки и спокойно встал на свое место. Понял, что ни в коем случае шевелиться нельзя: «Ведь Новогодняя елка не танцует. Танцуют только дети вокруг нее».

Но спохватился он поздно. Все домашние услышали шум. Сначала в комнату вбежала Нармин, следом Кянан. Пришла даже мама с кухни, ворча под нос. Она очень удивилась, войдя в комнату. Игрушки с елки попадали на пол, а лампочки не светились. Но дерево стояло на своем месте. Она раздраженно посмотрела на детей:

– Умные дети, ничего не скажешь: сначала повалили дерево, а потом спешно поставили. Кто это сделал???

Дети переглянулись. Оба стали возражать.

– Значит, это я его повалила, – сказала мама. – А где Юсиф?

– Да, мама, наверно, это Юсиф сделал, – сказала Нармин. – Пойду его отыщу! Нармин пошла в комнату Юсифа. Увидела, что его там нет, и стала звать:

– Юсиф, а Юсиф, ты где? Спрятался? Выходи! Всё равно знаем, что это ты повалил елку! Выходи уже! Ну, ладно, не хочешь – как хочешь! Я не собираюсь тебя искать. Я иду помогать маме. Надо повесить игрушки обратно.

Нармин снова вернулась в гостиную. Юсиф слышал слова Нармин. Он подумал про себя: «Ищи, ищи! Долго придется искать! Ты никогда не сможешь меня отыскать! Теперь ты обычная девочка, а я – величественная Новогодняя елка!»

Они украшали Праздничную елку, то есть Юсифа. Вешали на него игрушки. Это очень понравилось Юсифу. Правда, ему было немного щекотно, и он еле сдерживался от смеха. Дошел черед до звезды. Мама, водружая звезду, смотрела прямо в лицо Юсифу. Юсиф в этой ситуации чуть не забывал, что он Праздничная елка. Даже хотел поговорить с мамой. Но потом вспомнил, что мама не знает, что это дерево – ее сын.

После того, как Праздничную елку привели в порядок, все вернулись к своим делам. Медленно шли минуты, подходило время обеда. Мама накрыла стол и позвала детей. В эту секунду послышался звонок в дверь. Это был отец Юсифа. Он пришел домой пообедать. Все сидели за столом.

А сердце Юсифа наполнилось радостью! Ему доставляло удовольствие вот так стоять и быть наряженной елкой.

Через какое-то время отец поинтересовался:

– А где Юсиф? Почему не обедает с нами?

Мама обратилась к Нармин:

– Дочка, иди позови Юсифа. Быстрее, еда остывает!

Юсиф стал немного беспокоиться. Он даже об этом не подумал. «Чем же всё это закончится?!» Он с волнением наблюдал за ходом событий, чтобы найти ответ на этот вопрос. Спустя несколько минут Нармин вернулась в гостиную.

– Мама, – сказала она испуганно, – Юсифа нет в комнате!!! Я посмотрела повсюду, под столом, под кроватью, в шкафу, его нигде нет!

– Почему ж ты искала его в шкафу? – спросила удивленно мама. – Может, он в ванной или на балконе...

Нармин пожала плечами:

– Не знаю, он повалил елку и потому спрятался. Я подумала, может... Но верно говоришь, сейчас посмотрю на балконе!

Отец кивнул головой в знак согласия. На сей раз мама вышла следом за Нармин. Они стали ходить по всей квартире и звать Юсифа. Посмотрели повсюду: под столами, кроватями во всех комнатах, в шкафах, одним словом, в каждом уголке. К этим поискам присоединились и отец с братом. Наконец, все снова собрались в гостиной. У всех на лице застыл страх, паника. Отец совсем вышел из терпения:

– Улькяр, где же этот мальчишка?! Когда вы видели его в последний раз?!

Все переглянулись. Немного задумались. И стало известно, что после завтрака Юсифа никто не видел. Мама Юсифа упала без сил на стул.

– Куда же подевался этот ребенок?! – стала говорить она, будто обращаясь к самой себе. – Он никогда не уходит из дому без разрешения. Может... может он пошел к своему другу Нариману?

А отец Юсифа Санан ходил по комнате из угла в угол. Вдруг он нервно хлопнул рукой по столу и сказал громко:

– А я у тебя спрашиваю, Улькяр ханым, где твой сын?! Где твой ребенок?! Улькяр, ответь мне!!! Что ты за мать?! Твой ребенок исчез, а тебе невдомек! Даже об одном ребенке позаботиться не можешь!!!

– Что я могу поделать? – виновато молвила Улькяр. – Я была в кухне. Мне и в голову не могло прийти, что может такое случиться. А ты будто только повода ищешь, чтоб меня обвинить. Лучше подумай, что мы можем сделать.

– Может, пойду, посмотрю во дворе? – сказала тут Нармин.

– Я посмотрела с балкона. Нигде его не видно, – сказала мама.

– Тогда посмотрю в парке и во дворах соседних зданий.

– Да, верно говоришь, моя умница, пойдем посмотрим!

– Нет, Нармин пойдет со мной, – сказал отец. – Вы с Кянаном оставайтесь дома. Если что, я позвоню. Найди в комнате Юсифа блокнот с номерами его одноклассников. Если не найдем во дворе, обзвоним его одноклассников.

Нармин с отцом не мешкая вышли из дому. Мама проводила их, затем нашла в комнате Юсифа записную книжку. Просмотрела все номера. Затем, задумавшись, бросила блокнот на стол и стала беспокойно ходить по комнате. Потом, схватившись за сердце, тихо заплакала. Кянан, увидевший это, стал утешать маму:

– Мама, не надо так беспокоиться! Ты напрасно плачешь. Вот увидишь, Юсифа скоро отыщут. Сядь, передохни. У меня от твоих метаний уже голова кругом идет.

– Сынок, не могу успокоиться! Никак не могу прийти в себя. Всё думаю и думаю, куда он мог подеваться? Ничего в голову не приходит. У меня уже голова скоро треснет. Думаю, может, я его чем-то обидела. Но ничего такого припомнить не могу. Кянан, сынок, подумай хорошенько, может, ты что-то знаешь? Умоляю, сынок, скажи мне!

– Мама, ей-богу, ничего не знаю. Если б знал, сказал.

Мама снова начала говорить сама с собой:

– Да, да, прав твой отец, это я виновата! Будь я хорошей матерью, знала бы, где мой сын...

У Юсифа, наблюдающего за всем этим со стороны, сердце разрывалось: «Вот я глупец, что я наделал! Мама с папой препираются из-за меня. Все беспокоятся обо мне. А я об этом даже не подумал. Я такой плохой, что думаю лишь о себе. Почему мне вздумалось творить такое? Что я теперь буду делать?! Никак не могу вынести вида плачущей мамы. Подожду еще, посмотрим, что выйдет. Может, они успокоятся...»

Таким образом, Юсиф в качестве величественной Новогодней елки продолжал украшать гостиную. Но он был уже не таким веселым и счастливым, как прежде. Он очень расстроился. Теперь каждая минута, проведенная здесь, доставляла ему муки. Да и время тянулось медленно-медленно, не желая идти.

Вдруг зазвонил телефон. Мама подбежала и схватила трубку. Она в панике повторяла «Алло!!! Алло!!!» Но было такое ощущение, что вместо этого «Алло» она надела: «вот бы это оказался Юсиф».

Юсифа тоже охватило беспокойство. Он тоже хотел, чтобы мама услышала по телефону нечто ободряющее. Он подумал про себя: «Глупый Юсиф! Пока ты тут стоишь, маму ничто не обрадует!»

И Юсиф был вынужден безмолвно наблюдать за происходящим.

Мама произнесла несколько фраз и опечаленно повесила трубку. Подошел Кянан и спросил у мамы, что случилось. Та ответила:

– Это твой отец, говорит, что нигде его не нашли...

Чуть погодя послышался дверной звонок. Вошли отец и Нармин. Мама встретила их на пороге. Она бесперебойно задавала вопросы. Нармин увидела маму в панике и обняла ее.

– Мама, пожалуйста, успокойся! Успокойся! Поверь, с Юсифом ничего не случится, он скоро отыщется...

Кянан тоже подбежал и обнял маму. Он тоже стал ее утешать. А отец повернулся лицом к елке, чтобы никто не видел, и утер свои слезы. Затем обратился к членам семьи и сказал:

– Ладно, хватит нюни распускать! Слезами делу не поможешь! Надо что-то предпринять.

Отцу казалось, что его слезы никто не видит. Но Юсиф всё видел отчетливо. «Бедный папа, – подумал Юсиф, – всегда старается казаться сильным и жестким. Но на самом деле очень ранимый и заботливый... А Нармин с Кянаном... Как же они утешают маму. Молодцы! Мне даже не думалось, что они такие чуткие. Да и выглядят очень расстроенными. Ведь мы никогда не ладили. Теперь им следовало бы радоваться моему исчезновению. Неужели они так меня любят? Нет... не верю... Скорее всего, они так расстроены из-за мамы с папой. Да... да, скорее всего, поэтому!»

Юсиф, пытающийся себя убедить в этом мнении, настолько погрузился в думы, что невольно качнул головой. Но, конечно, качнулась не голова Юсифа, а крона дерева. Юсиф вдруг заметил, что все в комнате обратили внимание на него.

– Мама, папа, видели?! – молвила в панике Нармин. – Елка шевельнулась! Вы тоже слышали? Будто игрушки качнулись.

– Да, Нармин правду говорит! – сказал Кянан. – Я тоже слышал!

– Да, верно, я тоже слышала, – сказала равнодушно мама. – Но это не значит, что елка качнулась сама по себе. Глядите, ваш отец рядом с елкой. Наверно, задел рукой или ногой. Разве не так, Сана-а-ан?

– Я тут не при чем, – пожал плечами отец. – Я к елке не притрагивался.

Улькяр ханым вскинула брови и сказала:

– Хватит, наверно, нечаянно задел!

Отец хотел возразить и начать спор, но Улькяр ханым метнулась к нему и шепнула на ухо:

– Почему ты споришь? Наверно, нечаянно задел! Всегда должно быть по-твоему? Не видишь, дети перепугались?! Теперь они перебирают в уме все варианты, от призраков до джиннов!

– Да-а-а, да, верно говоришь! Так и есть! Наверно, рукой задел.

Этот ответ полностью удовлетворил маму. Она будто на секунду забыла о пропаже Юсифа и довольно улыбнулась. Увидев улыбающуюся маму, дети перестали паниковать. Но этот проблеск радости скоро покинул мамино лицо. Ее взгляд упал на блокнот на столе. И на ее лице снова появилась печаль. Она глубоко вздохнула. Взяла телефон и сказала:

– Нармин, дай-ка мне блокнот, обзовем одноклассников Юсифа!

Отец обернулся к елке, внимательно посмотрел и сказал почти неслышимым голосом:

– Но ведь я и вправду не касался елки... И почему же она качнулась? Проклятье! Ну, ладно...

Затем и он взял свой мобильный телефон, начал набирать номера из блокнота. Конечно, все старания были впустую. Все застыли и молча переглянулись. Тишину нарушила мама:

– И что же нам теперь делать?

– Может, к бабушке пошел? – сказал после некоторого раздумья отец. – Давай позвоним ей.

– Думаешь, к матери моей пошел? – спросила мама. – Но ведь он никогда один туда не ходил. Совсем не верится.

– А может, к моей матери пошел, – сказал отец. – Но ваши живут поблизости. В любом случае, надо позвонить каждой и справиться.

В эту секунду мама взволнованно положила руку на лоб и сказала:

– У мамы больное сердце, у отца давление. Если я им это скажу, им станет плохо. Даже не знаю, что делать?!

– А мои родители здоровы? – сказал раздраженно отец. – Оба диабетики. Но другого пути нет. Мы должны позвонить! Всё равно рано или поздно узнают. Дай Бог, чтоб он и вправду пошел к ним!!! В противном случае мне придется обратиться в полицию!

Мама снова стала плакать навзрыд:

– Что это за беда? Почему она с нами приключилась? Ты правду говоришь, Санан, я позвоню первой. Наши живут ближе.

Она, продолжая плакать, набрала номер. Старалась держать себя в руках, чтобы не пугать мать, и спросила как можно осторожнее о Юсифе.

Конечно, Юсифа там не было. Бабушка Юсифа встретила эту новость с тревогой. Как ни старалась Улькяр ханым, она не могла успокоить мать.

Ее мать сказала, что скоро придет и повесила трубку. Юсиф смотрел на всё это и думал: «Моя мама старается скрыть свои слезы и печаль, чтобы не печалить бабушку. А я? Как сильно мучаю я маму». Затем Юсиф вспомнил, что бабушка сказала, что придет. А это означало то, что спустя несколько минут к ним придут все родственники со стороны матери. Уже и отец звонил своим родителям. Сейчас всё узнают и родственники со стороны отца. А что будет, когда обратятся в полицию и на телевидение?! Когда одноклассники узнают, где я, они станут насмехаться надо мной! Вай!!! Я пропал!!! Я должен сообщить о себе до прихода родственников. Вот и всё!!! Скажу!!! Раз, два, три!!!

– Мама! Мама! Папа! Я тут! Никому ничего не сообщайте!!!

Юсиф увидел, что ничего не происходит. Он стал говорить громче. Но увидел, что каждый занят своим делом. Никто на него внимания не обращал. Он крикнул громче. Но впустую. Он свой голос слышал ясно, но вот его никто не слышал. «Значит, мой голос неслышим! И что мне теперь делать?! Может, шевельнуться и тем самым дать о себе знать... Но что может сказать обо мне шевелящаяся елка? Наверно, они подумают, что успели изобрести и такую елку, шевелящуюся. Что мне делать? Дед Мороз сказал, что я вернусь в нормальный вид только после праздника. Хорошо хоть я превратился в елку не навсегда. Погоди, погоди, еще он сказал, что, если кто-нибудь прочтет до праздника мое письмо Деду Морозу, волшебство рассеется. И я стану прежним Юсифом. А я спрятал письмо под ковром. Было бы глупо надеяться, что кто-то его прочтет. Генеральная уборка в квартире будет как минимум через несколько дней. Ведь мама вчера провела тщательную уборку. Когда письмо отыщут, будет поздно. Все всё узнают! Я даже представлять этого не хочу. Что же мне теперь делать?»

Юсиф совсем расстроился. Он всё думал и думал, но найти выхода не мог. Поэтому ему не оставалось ничего другого, как наблюдать за происходящим в квартире. Но видел он совсем не радостную картину. Семья Юсифа очень переживала за него. Отец напряженно постукивал костяшками пальцев по столу, а мама так и ходила из угла в угол. Вдруг Нармин сказала:

– Да, я забыла сказать...

– Что забыла, дочка? – спросила мама. – Ну, быстрее, что ты забыла?!

– Нет, нет, мама, не волнуйся! – тихо сказала Нармин. – Это не такая уж важная весть. Я просто увидела во дворе одноклассницу Юсифа. Оказывается, она живет над нами, этажом выше. Зовут ее Улькияр. Она дочь тети Салимы.

– Да, узнала, – сказала мама. – Близких отношений у нас нет, но мы здороваемся при встрече.

– Бедная девочка очень взволнована, – сказала Нармин. – Она принялась искать вместе со мной. Очень добрая девочка. Она еще сказала, что непременно увидела бы Юсифа, если б тот спустился во двор. Но, по-моему, она его не заметила. Юсифа дома нет. Значит, ему непременно надо было спуститься во двор, раз он куда-то шел.

Мама задумчиво молвила:

– Значит, с ним учится моя тезка. А он никогда мне об этом не говорил...

Отец Юсифа неожиданно стукнул руками об стол и встал.

– Улькияр!!! Всё!!! Я больше ждать не могу!!! – выпалил отец.

Таким образом, отец Юсифа отправился в полицию. Скоро пришли и все родственники. А те, кто не мог прийти, бесперебойно звонили и старались узнать новости. Даже классная руководительница Юсифа узнала о его исчезновении. Она, как и родители некоторых одноклассников, тоже часто звонила. На все звонки отвечала Нармин. Так как мама была уже не в состоянии с кем-то говорить.

Нармин, сморщив лицо, обратилась к Кянану:

– Кянан, на что, по-твоему, я похожа? Молодец, если угадаешь!

– Что за вопрос? – нехотя молвил Кянан. – Сейчас не до шуток, не видишь, я без настроения? Ты похожа на Нармин! На кого еще тебе быть похожей?

– Я сказала на что, а не на кого! Я уже битый час говорю по телефону одни и те же слова: «Нет, еще не нашли, пока ищем». Я уже похожа на автоответчик, повторяющий одни и те же слова! Ах, Юсиф, Юсиф, что ты с нами сотворил в этот праздничный день! Мой глупый брат! Где же ты?

Юсиф слышал эти слова и сказал самому себе:

– Да, дорогая сестра! На сей раз ты права! Я настоящий глупец, испортил всем настроение...

Ситуация дома оставалась напряженной. Все выглядели удрученными. В гостиной не протолкнуться. Все старались утешить мать Юсифа, говорили ей ободряющие слова, советовали не беспокоиться.

Юсиф чувствовал себя очень несчастным. Ему было больно на всё это смотреть. Вдруг среди пришедших он заметил тетю Метанет, проявляющую особое усердие. Метанет была дальней родственницей матери Юсифа. Она прежде всех остальных узнавала, что и у кого стряслось. И считала своим долгом оповестить об этом всех остальных. Как бы ты ни старался держаться от нее подальше, не выходило. Она звонила вроде бы просто расспросить о житье-бытье. Ведь это займет всего пять минут. Но не тут-то было! Наверно, никто не беседовал с Метанет всего пять минут. Она умела говорить с каждым на его языке и приманивать собеседника. В этом деле никто с ней тягаться не мог. Ее собеседники вдруг спохватывались, что висят на телефоне уже битый час. И даже проговаривались, говоря то, чего не собирались. Но, как говорится, снявши голову, по волосам не плачут.

Юсиф всегда изумлялся этому «умению» тети Метанет. Его мать, не такая уж разговорчивая, беседуя с Метанет, будто подпадала под гипноз. Они болтали часами. Сколько бы ни звали дети мать, та будто ничего не слышала. Но если дети что-то выпрашивали, она тут же говорила «да», лишь бы они не мешали этой беседе. А дети в такие минуты выпрашивали у матери то, чего она не позволяла в обычное время, ибо знали, что получают разрешение. Наконец, детям, которым надоедала такая «свобода», удавалось кое-как оторвать маму от телефона.

Юсиф всегда говорил себе: «Почему мама теряет столько времени на эти бессмысленные разговоры? А потом спохватывается, забыв о времени! Бежит на кухню, пытаюсь успеть все сделать. И работает в пять раз быстрее обычного. Перезвон посуды так и отдается в ушах. В такие минуты она нас будто бы не видит. Забывает о нашем существовании. А когда мы пробуем ей о себе напомнить, это обходится нам дорого! Так как она становится очень напряженной и раздраженной от того, что не успевает завершить свои дела. Знаю, она больше злится не на нас, а на себя...

Но не было бы лучше, если б она это время провела вместе со мной, или мы вместе приготовили бы уроки, побеседовали? Знали бы родители, как всё это приятно детям и какими счастливыми это их делает!!!»

А теперь у Юсифа при виде Метанет, разгуливающей по комнате, вконец испортилось настроение. Он начал ворчать под нос: «Гляньте-ка на нее! Тетя Метанет хозяйничает у нас. Одному протягивает салфетки, чтоб тот утер слезы, другому подносит чай. Будто всё тут разложено ее рукой. Да и сплетничать не забывает. Будто ей плохо из-за меня. Она плачет и тут же переходит на сплетни. За секунду меняется вся мимика. Будто вовсе не она плакала секунду назад. Как это ей удастся? Например, если заплачу я, то еле прихожу в себя только час спустя...»

Пока Юсиф пребывал в этих думах, прозвенел дверной звонок. Вошел отец с двумя полицейскими. Конечно, мама тут же спросила, есть ли от Юсифа вести. Отец же сказал: «Полицейские осмотрят комнату Юсифа. А затем возьмут наши показания. Может, им удастся найти какую-то зацепку». Впереди пошел отец Юсифа, следом полицейские.

Они перевернули всю комнату, но ничего не нашли. Затем полицейские попросили освободить гостиную, чтобы взять показания. Полицейские осмотрели всё в комнате. И невольно оба встали перед Праздничной елкой. Полицейский, который был выше ростом, сказал коллеге:

– Огромная елка! Впервые такую вижу. Интересно, за сколько купили?

– Не знаю, но во всяком случае, недешево. Глянь сюда, тут письма, – сказал второй полицейский и стал читать письма.

Первый полицейский, всё еще не в силах отвести глаз от елки, спросил:

– Ну, что там написано?

– Да так... Ничего интересного. Это письма детей Деду Морозу. Странно, что тут нет письма потерявшегося ребенка. Я верну на место.

Другой полицейский еще раз осмотрелся в квартире и толкнул напарника локтем в бок:

– Послушай, кажется, они хорошо живут. Если ребенка найдем мы, наверное, получим хороший магарыч накануне праздника.

– Да, надеюсь, это в скором времени случится. Бедные, очень переживают. Думаю, они дадут не только магарыч, но даже собственную жизнь тому, кто найдет ребенка. Мы должны исполнить свои обязанности, а остальное неважно. Лишь бы ребенок вернулся живым-здоровым, не попадая в руки какому-нибудь нечестивцу! Но я покамест зацепок не вижу.

Затем начались расспросы. Расспросили близких членов семьи Юсифа. Полицейские заинтересовались, как себя вел Юсиф в последнее время. Задали ряд других вопросов. Они даже связались с классной руководительницей Юсифа и задали ей несколько вопросов. Но ни к какому результату не пришли. Полицейские сказали отцу Юсифа, что пока не смогли определить основное направление поисков, но постараются сделать всё, что в их силах. Они еще посоветовали взять несколько фотографий ребенка и обратиться на телевидение. Это может очень помочь делу. Затем сказали пару ободряющих фраз и ушли. После ухода полицейских семья Юсифа высыпала на стол все семейные снимки и принялась искать подходящую для телевидения фотографию. Найдя подходящие снимки, отец Юсифа, его дед и дяди отправились на телевидение.

Гости тоже стали потихоньку расходиться. Брат и сестра Юсифа обняли мать, так и сидели молча на диване в гостиной. Дома царил печальная тишина. Эту тишину нарушил нежданный телефонный звонок. Звонил отец Юсифа. Он сказал, что прямо сейчас дадут по эфиру объявление в связи с Юсифом. Кянан тут же включил телевизор. Ульяр ханым, глядя на объявление, не могла удержать слез. Дети начали снова утешать и успокаивать мать. Мать увидела, в какой панике дети, и быстро взяла себя в руки, вытерла слезы. Погладила детей по голове и поцеловала в лоб.

– Мои дорогие дети, умницы, свет моих очей! Вы ни о чем не беспокойтесь! Со мной ничего не случится! Пока вы рядом, я всегда буду оставаться сильной. Юсифа мы скоро отыщем. Я в этом уверена. А теперь давайте идем в кухню. Я совсем забыла, что вы ничего не ели. Простите меня...

Затем она, чтобы немного развеселить детей, легонько пощекотала Кянана и сказала: «Мой маленький карапуз, ты, наверно, проголодался, да? Давайте покушайте, а потом пойдем спать».

– Мама, – сказал Кянан, – стану есть при одном условии: ты тоже поешь вместе с нами, поужинаем вместе!

– Хорошо, сыночек, я тоже поужинаю с вами...

Мама уложила детей спать, а затем вернулась в гостиную – к супругу. Санан бей пришел только что. Он сидел безмолвно, обхватив голову руками. Будто в камень превратился. Ульяр ханым сказала:

– Санан, хватит себя изводить. Приляг, отдохни, поспи!

А Санан не отвечал. Мама вдруг спохватилась:

– Спать?.. Спать! Нашла что сказать! Разве можно спать, когда такая тревога?! Разве удастся глаза сомкнуть?!

Мама стала прохаживаться по комнате. Довольно долго ходила из угла в угол, наконец, взяла стул и села рядом с Праздничной елкой.

– Куда же подевался этот ребенок, куда он ушел? Мне кажется, я чувствую его дыхание, ощущаю его взгляд. Будто он совсем рядом! Никуда и не уходил. У меня вдруг в сердце настал такой покой... Я чувствую, что всё будет хорошо! С моим сыном ничего не случится! Мы его в скором времени найдем.

Затем она уставилась в одну точку и сказала:

– Мой сынок, мой умница, мой красавец. Да буду я твоей жертвой, – после этих слов она будто бы увидела сына в той самой точке, куда смотрела. И даже слегка улыбнулась.

Юсиф совсем опешил, глядя на эту картину. Он подумал: «Кажется, мама сходит с ума...» Затем он попробовал всё себе объяснить: «Почему в этой огромной комнате мама пришла и села рядом со мной, то есть, рядом с елкой? Понятно, что мы, дети, ходим-бродим и наконец останавливаемся у елки. Нам доставляет удовольствие глядеть на нее. Но мама... Она приходит к елке совсем изредка. А теперь села совсем рядом со мной. Будто, как сама говорит, чувствует меня. Значит, это и есть материнское сердце!.. Вот что отличает матерей ото всех других!»

А мама вдруг перестала улыбаться и заплакала в три ручья. Она стала говорить, охваченная эмоциями:

– Санан, я знаю, что завтра мы обязательно найдем нашего сына! Не знаю, как, но найдем. Мое сердце уверяет меня в том. Но сейчас я подумала о другом: почему и ты, и я забывали о существовании Юсифа, когда тот был рядом?! Почему, когда дети находятся рядом, мы не радуемся, не благодарим Бога за каждую совместную минуту, за каждое их слово и взгляд?! Они взрослеют, постигают мир и засыпают нас вопросами. А мы отвечаем им неохотно. Раздражаемся, кричим, когда они хотят нашего внимания! А я... я будто только и повода ищу, чтобы отругать их, прикрикнуть. Хотя лучший путь воспитания детей – это любовь и ласка. Господи, как же я виновата! Мы, можно сказать, почти не уделяем достаточно времени своим детям! Чуть что, сразу приводим отговорку: «У меня дела» Но если мы составим список этих «дел» и зачеркнем дела ненужные, список окажется таким коротким! У нас дела... Вот сейчас у нас пропал сын! И никаких дел у нас не осталось... Разве непременно что-то должно приключиться с нашими детьми, чтобы мы знали им цену?! Санан, ну почему ты молчишь? Выговорись, облегчи сердце! Почему ты так боишься выказывать свою любовь, ненависть, да и вообще свои чувства?! Ведь мы твоя семья, кому нужна твоя напускная серьезность?! Ответь! Разве мы, родители, всегда внимательны, всегда справедливы по отношению ко своим детям?! Разве мы никогда не задеваем их чувств? Разве мы всегда ценим в них личность? А родители чем хороши? Как только стареют и видят небольшое равнодушие, тут же начинают жаловаться. Не дают молодым жить своей жизнью. То и дело напоминают им о долге перед пожилыми родителями, требуют в этом деле идеальности. Но не оборачиваются назад и вовсе не вспоминают свои недочеты, свои ошибки... Нет, я не хочу быть такой старухой...

Санан бей поднялся, взял Ульяр ханым за руку и сказал:

– Ульяр, правду говоришь, нам после всего этого следует быть более внимательными, более заботливыми! Поверь, я себе места не нахожу, Ульяр! Сердце готово разорваться. Юсиф в последнее время просил меня отвести его в бассейн. Хотел, чтобы я научил его плавать. А я... Еще я обещал ему, что научу играть в футбол. Я, я очень плохой отец!

После этих слов отец заплакал. У Юсифа в глазах тоже стояли слезы. Он лишь бормотал сквозь всхлипывания:

– Да что это такое? Что это с ними? Папа, мама, я всё равно очень вас люблю! Зачем так плакать, ведь я здесь, совсем рядом с вами... Вот бы вы меня слышали... Нет, я непременно должен найти выход из этой ситуации!

– Поплачь, Санан, поплачь! Облегчи сердце... Но мы не должны забывать, что у нас есть еще двое детей. Мы должны быть сильными, должны взять себя в руки! У меня есть идея, подожди-ка минуточку!

Ульяр ханым выбежала из комнаты. Спустя пару минут принесла стакан воды и две таблетки. Протянула их мужу и сказала:

– Бери, выпей. Это тебя успокоит, поможет выспаться. Я тоже выпила. Бери!

Санан бей покорно взял таблетки и выпил. Затем они выключили свет и, опираясь друг на друга, покинули комнату.

Теперь Юсиф остался один. Ему уже хотелось спать. А еще он чувствовал себя очень одиноким. Он уже засыпал, как вдруг услышал, что в комнату кто-то зашел. В комнате было темно, но он догадался, что это брат. Кянан оглянулся, затем на цыпочках прошел и сел подле Праздничной елки. Он держал в одной руке письмо, в другой маленькие свечки. Сначала разложил эти вещи на полу, затем достал из кармана фонарик и включил его. Отыскал свой конверт, предназначенный для Деда Мороза, вынул из него прежнее свое письмо и вложил новое:

– Вот так! Дорогой Дед Мороз, Юсиф очень верит в твое существование. Он говорит, что ты взаправду есть! Если ты меня слышишь, прошу, внимательно меня выслушай! Я очень плохой мальчик. Потому что мне думаются плохие вещи. Я очень обрадовался, когда пропал брат. Я думал, что останусь единственным мальчиком в семье. Все его игрушки, вещи достанутся мне. И родители станут любить меня больше. Мне надоело, что они целыми днями ставят Юсифа мне в пример. «Учись хорошо, как Юсиф, будь аккуратен, как Юсиф! Погляди-ка, как он это сумел. А ты почему не можешь?» Мне надоели все эти слова. Он никогда не играет со мной. Помню, однажды попросил его помочь собрать железную дорогу с поездом. А он сказал: «Идиот, ты ничего не умеешь! Не видишь, у меня дела? Иди, собирай сам!» По сути, собрать железную дорогу не трудно. Мне просто хотелось поиграть с ним вместе. К чему мне такой брат? Он никогда не защищает меня в школьных и дворовых играх. Когда я к нему иду, отделяется от меня словами: «Ты еще маленький». Но было и хорошее. Однажды я сильно заболел. Ровно неделю не мог встать с кровати. Тогда Юсиф часто ко мне приходил. Спрашивал, нужно ли мне чего-нибудь, клал руку мне на лоб, проверяя температуру. Приходил и разговаривал со мной, рассказывал смешные вещи, пробуя развеселить меня. Это мне очень понравилось. Я хотел поблагодарить его за проявленную заботу. Но постеснялся... Как только я выздоровел, Юсиф снова стал грубым и равнодушным. Теперь ты, наверно, думаешь, почему этот мальчик мне всё это рассказывает? Дело в том, что сейчас я чувствую себя несколько неуютно. Будто внутри что-то болит... Я не могу выразить этого словами. Не могу спать. Кажется, я люблю своего брата! Боюсь, что с ним может случиться что-то плохое. Боюсь, что больше его не увижу! Так что, Дедушка Мороз, я никаких подарков от тебя не хочу! В новом своем письме прошу тебя вернуть моего брата. Ведь Юсиф очень любит этот праздник. Я не хочу отмечать праздник без него!!!

Юсиф, слушающий все эти слова, был глубоко тронут. В его глазах стояли слезы. Он хотел расплакаться, но тут почувствовал щекотку. Юсиф посмотрел вниз и сказал удивленно: «Что? Что это такое? Что он хочет прикрепить к моим веткам? Это ведь... это ведь свечки, что он с собой принес. Что он собрался вытворить в этот час ночи? О, Боже! Только не зажигай эти свечи!!!»

Кянан прикрепил все свечки к веткам и деловито хлопнул руками:

– Ну, вот и всё! Я видел в одном фильме: если хочешь исполнения желаний, должен зажечь свечи на Праздничной елке.

Затем Кянан довольным тоном добавил:

– Хорошо, что я делаю это ночью. Не то средь бела дня никто бы мне этого не позволил.

Кянан достал зажигалку и зажег свечки. Свечки горели, и Юсиф ощущал нарастание тепла. Его охватил ужасный страх. От страха кровь в жилах застыла.

«Да что он творит? Идиот несчастный! Что я буду делать, если загорятся ветки?! Кажется, он хочет сжечь меня живьём. А мама с папой выпили снотворное, никто мне на помощь не прибежит. Сгорит вся квартира! Что мне теперь делать?»

Пока эти мысли блуждали в сознании Юсифа, он внезапно ощутил сильную боль. Это было нестерпимо.

«А-а-а-ай, о, Боже, случилось то, чего я боялся. Мои ветви загорелись, я горю! Господи, как же больно!!! Но как бы больно ни было, я не должен шевелиться! Нет! Совсем нельзя шевелиться! Мой брат очень труслив, он с ума сойдет, если увидит, что дерево ходит ночью! Потом его уже не вылечить. А-а-ай, ва-а-ай! Как же больно! Мама, помоги! Помогите!!!»

Юсиф корчился от боли, мучился, но вдруг услышал:

– О, Боже, Кянан, что ты делаешь?!

– Слава Богу! Это сестра, это голос Нармин! Кажется, я спасен! Я и подумать не мог, что, услышав ее голос, могу так обрадоваться!

У Нармин от увиденной картины глаза на лоб полезли, она, не вполне осознанно, ударила Кянана в плечо, оттолкнула его. Быстро схватила графин со стола и вылила воду на горящую ветку. С молниеносной скоростью задула все свечи. А затем, как человек, проделавший огромную работу, опустила руки вдоль тела и устало осела на пол. У нее бешено колотилось сердце, сбилось дыхание:

– Что... что ты делаешь, хочешь спалить весь дом?

Кянан сел рядом и тихо проговорил виноватым тоном:

– Не знаю, мне подумалось, что можно так. Я видел в одном фильме.

– Нет, дорогой, так делали в прошлом, когда еще не было разноцветных лампочек. Больше никогда так не делай! А ты вообще почему не спишь? Знаешь хоть, который час?

– Нармин, я скажу тебе правду. Я сменил свое письмо.

– Почему же?

– А может, Юсиф прав? И Дед Мороз действительно существует. Раз так, раз Дед Мороз и вправду может исполнять желания, пускай вернет нам брата! Вот чего я просил у Деда Мороза в своем письме.

– Удивительно, ты будто прочел мои мысли! Честно говоря, я стеснялась признаться перед тобой. Но стесняться уже ни к чему. Такой взрослой девочке, как я, смешно верить в такие сказки. Ведь я знаю наверняка, что эти наши письма кроме наших родителей никто не прочтет. Но с другой стороны голос изнутри говорит мне, что Юсиф прав, Дед Мороз непременно прочтет эти письма. Так что, хотя трудно в том признаться, я тоже сменила свое письмо и попросила вернуть Юсифа. Вот так...

После этих слов Нармин отвернулась и украдкой утерла слезы. Кянан увидел это и тут же спросил:

– Нармин, ты плачешь?

– Хватит меня стыдить. Во всяком случае, сердце у меня не каменное. Потерялся мой брат... Он мой брат, я его очень люблю! То, что я плачу, нормально, тут ничего удивительного! А ты перестань на меня так глазеть! Ты будто чудо-юдо увидел...

– Не знаю... ты... никогда... так... Ладно, не обращай внимания!!!

Нармин улыбнулась и сказала:

– Знаешь, Кянан, будь здесь Юсиф, обрадовался бы. Ведь я призналась, что верю в Деда Мороза.

– Да, так и есть! – улыбнулся Кянан. – Обрадовался бы. Но не переживай, вы всё равно нашли бы предмет для спора...

Юсиф, внимательно их слушавший, тоже улыбнулся сквозь слезы: «У меня прекрасная семья! Я тоже вас очень люблю! Кянан, Нармин, вы, сами того не зная, не даете мне остаться одному, тосковать. Почему же мы до сего дня сторонились друг друга? Вот приду в свой нормальный вид, исправлю все свои ошибки!»

Затем Кянан обиженно надул губы:

– Ты с Юсифом хотя бы споришь. А со мной? А со мной вообще даже не говоришь... Будто меня для вас вовсе и нет!

Нармин увидела, что брат расстроен, и тут же его обняла, поцеловала в лоб:

– Ми-и-и-луй, мой маленький братик, умница! Я тебя о-о-очень люблю! Прости меня. Я после всего этого изменюсь, стану тебе хорошей сестрой! Мы станем очень дружными. Вот найдется Юсиф, я его крепко-крепко обниму и расцелую!

– Я тоже, я тоже! – воодушевился Кянан. – Я... я скажу Юсифу, что очень его люблю! Нармин, кстати говоря, ты впервые меня целуешь!

– Правда?! Нет, когда ты был еще малышом-карапузом, я тебя часто целовала.

– Но я этого не помню. Наверно, был очень мал.

– Тогда давай я хорошенько расцелую тебя в обе щеки! Ну, теперь согласен?

– Да, ха-ха-ха, ха!

Они рассмеялись.

– Тогда давай идем спать, – сказала Нармин. – Уже поздно.

– Нармин, можно я сегодня лягу с тобой? – спросил Кянан.

– Да, можно! Только, смотри, ночью не храпи!

Они взяли за руки и вышли из комнаты. Юсиф тоскливо посмотрел им вслед и глубоко вздохнул. «Эх... я снова остался один. А так хочется спать. Интересно, что станется, если такое огромное дерево, как я, завалится спать? Я даже представлять этого не хочу».

– Не бойся! Спи! Я буду стоять крепко. Со стороны всё будет выглядеть в порядке.

– Кто ты? – вздрогнул Юсиф. – Я тебя не вижу. Где ты?

– Не бойся, сынок, я Праздничная елка. Слушай, я тебе сейчас объясню. Твоя плоть сейчас моя плоть. Конечно, это временно. Новый год – время чудес! А ты хотел увидеть чудо, что поделает, вот тебе и чудо! То есть, тут нет ничего удивительного. Потому я вовсе на тебя не обижаюсь – в тесноте, да не в обиде.

– Но по вашему голосу можно почувствовать, что вы немного обижены...

– Нет, нет! Не обращай на это внимания! Ведь я привыкла всегда быть во главе, быть разукрашенной, обласканной. Потому для меня несколько непривычна такая ситуация. Вдобавок, твоё желание оказаться на моем месте вызвано тем, что ты меня любишь. Это вызывает во мне гордость. Ведь я очень люблю детей. Я так счастлива видеть вас, детей, вокруг себя! Да, вот я о чем, Праздничной елкой управляет твоё сознание. Когда ты уснешь, мои ветви вернутся ко мне. То есть я стану сама собой. Ты не переживай! Спи спокойно! Все украшения на тебе станут распевать песни, чтобы ты погрузился в сладкий сон. Они любят танцевать и веселиться после того, как все лягут спать. Днем я радуюсь, глядя на детей, а по ночам глядя на украшения.

– Что вы говорите?! Украшения могут танцевать и распевать песни?! Этого не может быть!

– Может, конечно! Не веришь – смотри!

В ту же секунду все серпантины, игрушки, разноцветные лампочки ожили, пришли в движение. Взявшись за руки, стали петь песни и танцевать. Лампочки были не подключены, но всё равно светились. Эта песня, очаровавшая Юсифа, была будто волшебной. Вот так он и погрузился медленно в сон.

...Когда Юсиф открыл глаза, те прекрасные напевы всё еще звенели у него в ушах.

Юсиф, привыкший просыпаясь видеть потолок своей комнаты и тамошнюю люстру, на какое-то мгновение растерялся. Теперь над его головой находился другой потолок, а перед глазами другая люстра. Ведь он стоял вровень с люстрой, между ним и потолком было всего несколько сантиметров. Юсиф пробовал вспомнить, где он и кто он, словно потерявшие память люди. Прекрасные звуки, раздающиеся у него в ушах, сменились хаотичными и тревожными звуками. А когда он полностью осознал свое положение, вспомнил всё как есть, ему стало плохо, испортилось настроение. В голове мелькнула мысль: «Эх, лучше бы я вовсе не просыпался, так и спал бы себе вечно! О, Боже! Как же хорошо было спать!»

Юсиф огляделся. Настенные часы показывали уже 10. Дома снова были гости, но не так людно, как вчера. А когда Юсиф увидел среди них бесперебойно тарахтящую тетю Мелакет, он пришел в полное раздражение: «У этой женщины что, нет больше никаких занятий?» Атмосфера в квартире отличалась от вчерашней. Но мама сегодня выглядела более уставшей, чем вчера. Она повязала голову большим платком. У нее глаза покраснели и опухли. А Нармин с Кянаном, обнявшись, сидели в сторонке. По их лицам было видно, что они не совсем выспались. Юсиф стал высматривать отца. Его не было в комнате. Юсиф обратил внимание, что в квартире только женщины.

«Что же произошло пока я спал?» – печально подумал Юсиф. Прошел еще один час, без всяких новых событий. Вдруг зазвенел звонок в дверь. Мама, услышав звонок, тут же вскочила и пошла открывать. А Метанет задержала ее и сказала: «А-а-а-а, садись! Я сама открою. Да буду я твоей жертвой! Зачем я тут? Сделаю всё, что необходимо!» С этими словами Метанет вышла из комнаты. Немного спустя она вернулась бодрым шагом. Улькяр ханым вопросительно на нее взглянула, желая знать, кто пожаловал. А Метанет скорчила гримасу и сказала с издевкой:

– Улькяр, там на пороге одна женщина с маленькой девочкой! Все в лохмотьях. Поначалу я подумала, они просят милостыню, собирают пожертвования, хотела прогнать. Но потом они сказали, что соседи, пришли справиться о нашем ребенке. Я им сказала, что вестей пока нет. А Улькяр ханым не в том состоянии, чтобы принимать гостей! Но она довольно наглая, не хочет уходить. Ждет тебя. Говорит, ее зовут Салима. Что мне им сказать?

– Метанет, не надо так! Эта женщина наша соседка. Ты сядь, я сама займусь!

С этими словами Улькяр ханым быстро вышла из комнаты. Затем с порога слышались громкие голоса. Мать Юсифа принесла извинения из-за неуважения Метанет и настояла на том, чтобы пришедшие вошли. Наконец, они показались в гостиной. Салима ханым, чуть склонив голову, поздоровалась с присутствующими. По растерянному взгляду матери и дочери, их робким шагам можно было догадаться, что в этой роскошной комнате они чувствуют себя очень стесненно и беспокойно. Улькяр ханым попросила их сесть. Затем села сама и попросила Метанет принести чаю. Салима ханым стала говорить:

– Сестра Улькяр, я очень сожалею... Бог вам в помощь! Дай Бог, ваш ребенок скоро найдется! Мы все за вас молимся! Я тоже мать. Хорошо понимаю, что вы испытываете. Ваш сын учится вместе с моей дочерью. Поверьте, она так беспокоится со вчерашнего дня! С самого утра говорит мне, пойдем, узнаем, как всё там, отыскивали ли Юсифа? Ей-богу, честно говоря, не хотела вас беспокоить. Понимаю, вы не в том состоянии, чтобы принимать гостей...

– Ну что вы? – сказала Улькяр ханым. – Хорошо сделали, что пришли! Благодарю вас за поддержку в такой трудный день!

Юсиф, слышащий всю эту беседу, подумал: «Интересно, случись такая беда с Улькяр, я б тоже так переживал? Странно. А я никогда не обращал на нее внимания как на одноклассницу, не оказывал заботу. Видимо, я большой эгоист. Потеряйся она, мне было бы нипочем».

Юсиф вдруг заметил, что Улькяр внимательно на него смотрит. Он совсем растерялся. Затем вспомнил, что он сейчас не Юсиф, а красивая Праздничная елка. «А куда ей еще смотреть, кроме как на эту очаровательную елку». Эта мысль его успокоила.

Девчушка, всё это время не осмеливавшаяся поднять голову и оглянуться по сторонам, встала и невольно подошла к Праздничной елке. По блеску в ее глазах можно было судить, как она изумлена этой елкой.

Под изумленным взглядом Улькяр Юсиф на мгновение забыл все свои проблемы, преисполнился гордости. Его сердце ликовало. «А как же? Что вы думали? Я ведь не понапрасну пожелал превратиться в эту Праздничную елку. Все очарованы мной».

А Улькяр, не отводя взгляда от дерева, будто околдованная, пошла к нему. По этой же причине она не разглядела, что у неё под ногами, зацепила ступней край ковра и упала ничком. Юсиф готов был рвануться и помочь девочке подняться. Но тут, вспомнив, во что он превратился, удержался. Юсиф очень переживал за девочку: «Бедная, кажется, красота этого дерева пленила ее, как и меня».

Улькяр не сильно ушиблась, но очень застыдилась. Ее щеки заалели. Но когда она подняла голову и оглянулась, увидела, что женщины заняты беседой и никто на нее внимания не обращает. В тот же миг ей легчало. Она глубоко задышала и наклонилась поправить ковер. Но тут... она увидела конверт под ковром! Конечно, это был тот самый конверт, который Юсиф спрятал под ковром. Юсиф глазам не верил. Его сердце забилося сильнее: «О, Боже! Поверить не могу! Она нашла мое спрятанное письмо! Ура-а-а! Если ты откроешь его и прочтешь, спасешь меня! Если ты это сделаешь, Улькяр, я всю жизнь буду тебе благодарным! Ну, скорей читай! Читай, прошу, спаси меня! Ну почему же она застыла? Почему не берет конверт?»

А Улькяр с письмом в руках думала: «Ведь нельзя читать чужое письмо! Да и зачем мне это. Это ведь чужая квартира. Э-э-э-эх, что это за мысли мне приходят на ум? Прочесть письмо?! Нет, нельзя! И точка!»

Юсиф увидел, что она не собирается читать письмо, и совсем вышел из себя: «Эй, что ты делаешь? Нет, нет, не прикрывай его ковром! Сейчас не время проявлять воспитанность. Пожалуйста, возьми! Эх, нет смысла рвать себе глотку... Всё равно она меня не слышит...»

Юсиф совсем потерял надежду. Перестал смотреть в сторону Улькяр. Так и застыл, глядя в потолок.

Улькяр почти полностью прикрыла ковром конверт, как тут заметила, что от письма исходит сияние. Она глазам не поверила. Она отодвинула ковер и посмотрела еще раз. Письмо и вправду светилось. Она схватила письмо и расправила ковер. Прочитав надпись на конверте, узнала, что это письмо Юсифа. И тут же подумала: «Может, это единственная зацепка, которая даст узнать, куда подевался Юсиф. Помоему, в этом письме ответ на все вопросы». Она открыла конверт и принялась читать. Как только дочитала, обо всём догадалась. Подняла голову и испытующе взглянула на Праздничную елку. Затем осторожно протянула руку, потянула за ветку и прошептала:

– Эй, Юсиф, Юсиф, это ты?

Юсиф ушам не поверил. Он тут же ответил:

– Да, это я, это я!!! Ты меня слышишь?! Если слышишь, кивни!

Улькяр легонько кивнула. Юсиф увидел, что девочка довольно напугана. Она выглядела очень встревоженно. Ее и так большие глаза расширились еще больше. Это ее состояние пришлось Юсифу не по душе. Он испугался, что Улькяр сейчас громко закричит и поставит дом на уши. Но в эту секунду письмо снова стало сиять.

– Улькяр, – сказал Юсиф, – конверт в твоей руке снова сияет! Глянь, в чем дело.

Ульяр тут же взглянула на письмо и увидела, что прежний текст исчез. А на его месте появились следующие слова: «Если хочешь помочь другу, выйди незаметно в коридор. Затем поднимись по ступенькам на последний этаж. А оттуда по лестнице на крышу здания».

Как только Ульяр дочитала эти слова, текст исчез. Девочка на некоторое время так и застыла, как вкопанная. Юсиф ничего не понял. Он спросил весь в неведении:

– Что случилось? Что там написано? Дед Мороз сказал мне, что, если кто-нибудь прочтет мое письмо, волшебство рассеется. Но почему же ничего не происходит? Ульяр, почему ты молчишь?

Вместо того, чтобы ответить на все эти вопросы Юсифа, Ульяр тихо вышла из комнаты.

– Эй, куда ты? Не бросай меня в таком положении! Пожалуйста, помоги мне! – стал кричать Юсиф ей вслед, но девочка не вернулась. Затем Юсиф услышал, как закрывается входная дверь.

Ульяр вся запыхалась, взбегая по ступенькам. Она немного отдышалась, затем подняла голову и посмотрела на лестницу, ведущую на крышу здания.

– Если мама узнает, что я забралась на крышу, приберет меня! Но другого выхода нет, я должна! – сказала она и стала подниматься.

Как только она взойшла на крышу, в лицо ударил холодный и резкий ветер. Безжалостный ветер не давал ей открыть глаза. Будто ветер говорил ей: «Эй, девчонка, что ты тут потеряла? Уходи!»

Но девочка бросала вызов ветру, стараясь удержаться на месте, попробовала кое-как открыть глаза. Ей не терпелось увидеть открывающийся отсюда вид. Ведь она очень мечтала однажды взобраться на крышу здания и взглянуть оттуда вокруг.

О-о-о, Боже! Какое чудо! Какой прекрасный вид! Сколь далеко отсюда видно! Сколько крыш вокруг. Интересно, сколько крыш можно отсюда сосчитать? Может, попробовать... 1, 2, 3, 4...

Ульяр принялась считать и на мгновение забыла, зачем сюда пришла. Но это продлилось немного.

Вдруг всё вокруг покрылось белым туманом. Стало ничего не разглядеть. И она услышала волшебный голос:

– Да, Ульяр, доченька, тебе здесь нравится? Но долго здесь стоять нельзя, простудишься. А мне этого совсем не хочется.

Ульяр быстро обернулась – в ту сторону, откуда раздавался голос. Не смогла глазам поверить. Она изумленно сказала:

– Дед Мороз, Дедушка Мороз!!! Вы настоящий Дед Мороз!!! Я о-о-о-чень вас люблю!!! Все дети очень вас любят!!! Дедушка Мороз, знали бы вы, как я рада вас видеть!!!

– Конечно, знаю, доченька! В противном случае я не стал бы тебя сюда звать. Ты очень отважная девочка! Отбросив сомнения и страх, напрямик пришла сюда, чтобы помочь другу.

– Дедушка Мороз, а где Юсиф?! Вы вернете его в прежнее обличье? Его семья так переживает. Да и сам он хочет поскорей вернуться домой, по сути, он дома, но... сейчас он Праздничная елка. Он хочет поскорей стать прежним Юсифом.

– Да, конечно! В сию же минуту! – сказал Дед Мороз и трижды ударил посохом. В ту же секунду возле Деда Мороза появился Юсиф. Он сначала растерянно посмотрел на свои руки и ноги. Убедился, что он больше не дерево. Очень обрадовался. Подошел к Ульяр и благодарно пожал ей руки:

– Спасибо! Спасибо, Ульяр! Я тебе очень благодарен! Прошу считать отныне меня своим ближайшим другом! Я тебе обязан! Будешь со мной дружить?

– Да, конечно, буду!!! Но не стоит так всё это раздувать! Я ничего особенного не сделала. По сути, это я должна тебя благодарить, что мне выпал шанс увидеть Деда Мороза. Выпал шанс увидеть чудо воочию! Спасибо!

– Да, мои дорогие дети, меня очень радует, что вы так ладите. Давайте-ка я вас обниму! – сказал Дед Мороз и раскрыл объятия. Мальчик и девочка крепко его обняли. Затем Дед Мороз сказал: – Мои дорогие дети, мне очень приятно находиться с вами, но я должен идти. Вы тоже возвращайтесь домой.

– Но, дедушка, – сказал Юсиф, – как я объясню всем причину своего исчезновения?

– Да, мой дорогой, – сказал Дед Мороз, – если вы расскажете всё как есть, вам никто не поверит. Подумают, что врете. Мне тогда придется показаться людям, чтобы подтвердить ваши слова. А это абсолютно противоречит нашим законам Северного Полюса. Если я раскрою этот секрет, наш волшебный мир уничтожится! Юсиф, сынок, я показался тебе из-за любви, которая есть в твоём сердце, из-за твоей веры в мое существование. Еще находясь на Северном Полюсе, я получил сведения о тебе и о многих таких детях, как ты. Я подумал, что ты и вправду очень любишь этот праздник. Мне заранее было известно, что случится, если исполнится твое желание. Но по нашим законам мы должны осуществлять те желания, которые нам подвластны. Я исполнил твое желание еще и потому, что знал: это принесет тебе большую пользу.

– Да, верно, – сказал Юсиф. – Я и вправду многому научился. Понял, что нельзя поддаваться чувствам и жаждаť исполнения всех желаний. Перед тем, как сделать шаг, мы должны подумать о родных и близких. Должны стараться не делать того, что причинит муку нашим родителям. Раньше мне казалось, что брат и сестра не любят меня. Да и сам я не чувствовал любви к ним. А теперь вижу, что ошибался. Мы очень любим друг друга! Но одной любви мало. Мы должны выражать свою любовь поступками! Не должны стесняться показывать свою любовь! Я понял ценность своей любви и нашел такого верного друга, как Улькияр!

– Да, замечательно! Я очень рад, что ты всё это понял, – сказал Дед Мороз, кивая головой, – этого я и хотел. Дети, как я уже сказал, нельзя раскрывать моего секрета! Потому нам придется слегка приврать. Что скажете?

– Да, конечно, мы понимаем, что нельзя раскрывать этого секрета. Мы согласны со всем, что вы скажете, – сказали хором Улькияр и Юсиф.

– В этом деле нам понадобится помощь Улькияр, – сказал Дед Мороз.

– Я буду очень рада оказать помощь! – воодушевилась Улькияр.

– Прекрасно. В таком случае ты тоже должна сказать родителям Юсифа, что тебе вдруг подумалось: Юсиф мог взобраться на крышу. Ты пошла за ним и нашла его без сознания, растормошила его и он очнулся. Вот и всё, этого достаточно!

– И всё? Но это, правда, хорошая идея! – Улькияр улыбнулась и взглянула на Юсифа, но улыбка тут же сошла с ее лица. Она в ужасе молвила: – Ва-а-ай! Юсиф, что у тебя со лбом? Ведь всё было в порядке...

– А что случилось?! – удивился Юсиф. Его рука нащупала небольшую шишку и ссадину на лбу: – Что это? – спросил он изумленно.

– Больно? – спросила с участием Улькияр.

– Нет, несколько! Будто ничего и не случилось. Странно!

– Но как это случилось, дедушка? – обратилась Улькияр к Деду Морозу.

– Не бойтесь, это совсем не опасно. Вам поверят, когда увидят это.

– Да, понимаю!!! – сказал Юсиф. – Я скажу, что поскользнулся, упал и ушибся. И на этом всё закончится! Больше мне вопросов задавать не будут. Дед Мороз, благодарю вас за то, что вы сохранили всё в тайне в связи с моим желанием. Хорошо, что никто не узнал. Не то мне было бы очень стыдно! Большое спасибо! Это очень здорово!

– Не стоит благодарностей, – сказал Дед Мороз. – Дети, пора прощаться.

Дети печально спросили:

– Дед Мороз, мы еще увидим вас?

– Да, конечно! У меня для вас подарок. Откройте-ка руки.

Когда дети раскрыли ладони, там вдруг появились позолоченные колокольчики, украшенные чудными узорами.

– Эти колокольчики волшебные, – сказал Дед Мороз. – Вам достаточно три раза позвенеть этими колокольчиками в Новогодний вечер, и я приду к вам на встречу. Но, конечно, это не навсегда. Это продлится до вашего восемнадцатилетия. А когда вам исполнится восемнадцать, я отвезу вас в путешествие на Северный Полюс. Если вы и сами этого захотите. Каким бы длинным не оказалось путешествие, по меркам времени вашего мира это займет лишь ночь – одну-единственную Новогоднюю ночь. И никто не заметит вашего исчезновения. А колокольчики вы повесите на самую большую Елку Северного Полюса. И на этом мы простимся навсегда. Ваше место займут другие дети. Время на исходе, мне пора! Не забывайте, как только вы позвоните три раза, я приду! Пока, дети, счастли-и-и-во!!!

Сразу же после этих слов Дед Мороз исчез. Рассеялся и волшебный туман, окутавший всё вокруг. Только сейчас дети заметили, как же холодно.

– Ой, как холодно, – сказал Юсиф, – не могу тут стоять. Давай скорей уйдем.

Перед порогом они остановились и переглянулись. Юсиф, затаив дыхание, сказал:

– Ну, ты готова?

– Да, готова, но ты выглядишь очень бодрым для человека, потерявшего сознание. Думаю, тебе лучше напустить на себя вид утомленного, обессиленного человека.

Юсиф свесил руки и постарался войти в нужный образ. Посмотрел вопрошающе на Улькяр. Та улыбнулась:

– Да, так лучше. Думаю, можешь уже нажать на звонок.

Юсиф успел нажать лишь раз, как дверь открылась. Будто его дожидались по ту сторону двери. Это был отец Юсифа. Увидев сына, он на мгновение опешил. Юсиф увидел, что отец в растерянности, и сам кинулся ему в объятия. Отец тоже его обнял. Из его глаз заструились слезы. Затем он крикнул как можно громче дрожащим голосом:

– Улькяр, Улькяр!!! Юсиф нашелся! Он вернулся!

Отец взял Юсифа на руки и отвел в комнату. Все присутствующие в квартире обняли Юсифа. Все плакали слезами радости. Мама погладила его по лицу и сказала:

– Родной, милый Юсиф, что с твоим лбом?! Санан! Быстро вызывай «скорую»! Надо показать его врачу!

До приезда скорой помощи все засыпали вопросами Улькяра и Юсифа. Все благодарили Улькяра. Родители так радовались тому, что Юсиф нашелся: они совсем не стали его ругать за то, что он поднялся на крышу. В больнице Юсифа полностью обследовали. Врачи были крайне удивлены. Ребенок, пролежавший без сознания в такой холод, оказался полностью здоров. А ушиб на голове не представлял серьезности. Но на всякий случай Юсифа оставили в больнице на день.

Праздник Юсиф отметил со своей семьей. Он был так счастлив. Теперь он смотрел на всё другими глазами. Сейчас он чувствовал себя повзрослевшим, более «мудрым».

Ушиб на лбу, выглядящий устрашающе, зажил очень скоро и бесследно. Мама часто поднимала его волосы, гладила по лбу и приговаривала:

– Удивительно!!! Как скоро зажил...

Перевод Ниджата МАМЕДОВА